СОМЕРСЕТ МОЭМ

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Сотворение Святого

Сотворение Святого
Сомерсет Моэм

Аннотация
Сомерсет Моэм. Сотворение Святого
Предисловие
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Эпилог

Аннотация

Необычный роман, открывающий читателю новую грань таланта Сомерсета Моэма.

Произведение, основанное на «Истории Флоренции» Никколо Макьявелли, погружает читателя в эпоху средневекового города — время политических и финансовых интриг влиятельных семей, скандальных любовных связей и удивительного расцвета науки и искусства.

Главный персонаж романа, впоследствии ставший почитаемым католическим святым, предстает в этом произведении едва ли не рыцарем плаща и кинжала, человеком, в котором воплотились черты героя и антигероя.

Впервые публикуется на русском языке!

16+

Сомерсет Моэм
Сотворение Святого

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно[1].

Лоренцо де Медичи. Триумф Вакха и Ариадны

---

[1] Примечания: 1
Перевод Валерия Брюсова. — Здесь и далее примеч. пер.

Предисловие

Перед вами мемуары блаженного Джулиано, монаха ордена святого Франциска Ассизского, известного в миру как Филиппо Брандолини. Я, Джулио Брандолини, последний отпрыск его рода. После смерти фра[2] Джулиано рукопись передали его племяннику, Леонелло, ставшему, согласно завещанию, наследником, и с тех пор она переходила от отца к сыну как семейная реликвия, хранящая память о человеке, чье благочестие и добрые дела до сих пор прославляют фамилию Брандолини.

Вероятно, есть необходимость объяснить причину, по которой мы решились обнародовать эти мемуары. Будь моя воля, я бы оставил их среди прочих семейных документов, но моя жена настояла на обратном. Покинув Новый Свет, чтобы стать графиней Брандолини, супруга проявила живой интерес к тому факту, что один из моих предков прославил себя добрыми делами и папа римский причислил его к лику блаженных.

---

[2] Примечания: 2

Сокращенное от frafer (лат.) — брат. Частица, присоединяемая к имени католического монаха.

Произошло это по настоятельным просьбам внучатого племянника вскоре после смерти фра. Если бы наша семья по-прежнему процветала, как в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях, его бы, несомненно, канонизировали, потому что документально засвидетельствованы необходимые для канонизации чудеса, совершенные как мощами фра Джулиано, так и благодаря молитвам, вознесенным у его могилы. Но поместья наши приходили в упадок, и мы не смогли позволить себе дополнительные расходы. Теперь моя жена вернула прежнее великолепие нашему дому, да только времена, увы, изменились. Старые, добрые обычаи наших отцов забыты, и нет никакой возможности возвести достойного человека в святые за наличные деньги. Однако моя жена пожелала опубликовать мемуары своего благочестивого предка. Проблема заключалась в том, что описываемые события не имеют никакого отношения к той жизни, которую вел фра Джулиано после ухода во францисканский монастырь в Кампомассе, да и очевидно, что из добрых дел, молитв и постов не сложится очень уж интересная история. Поэтому нам пришлось оставить за кадром его благочестие и рассказать о его грехах. Тем более что в оставленных мемуарах их можно

найти на любой вкус.

Не ограничившись описанием собственной жизни, фра Джулиано начинает свое повествование с упоминания загадочного консула Римской империи, который и положил начало нашему роду постыдной связью с чужой женой. И продолжает рассказ сквозь бесчисленные столетия, пока не добирается до собственного зачатия и чудес, сопровождающих его рождение, которое он расписал в мельчайших подробностях. Далее он вспоминает годы детства и юности, проведенные при дворе Бентивольо, правителя Болоньи, и службу в неаполитанской армии под командой герцога Калабрии. Но по объему мемуары невероятно велики, с множеством отступлений и подробностей, зачастую не связанных друг с другом. Поэтому даже тщательное редактирование не позволяло добиться ясного и последовательного изложения событий.

Фра Джулиано сам разделил свою жизнь на две части. Первую назвал «Временем меда», то есть годами ожидания, вторую — «Временем горечи», поскольку ожидания эти не стали явью. «Время горечи» начинается с его прибытия в город Фор-

ли[3] в 1488 году, и именно эту часть мемуаров мы решили опубликовать, потому что, несмотря на краткость, этот период его жизни наиболее насыщен событиями, и рассказ о них получился очень ярким. Центральное место в нем занимает заговор, результатом которого становится убийство Джироламо Риарио, а в финале повествования автора принимают в орден святого Франциска. Эту часть мемуаров я публикую в том самом виде, в каком она и написана, не добавляя и не убавляя ни слова. Не буду отрицать, я бы с удовольствием чуть подправил бы эту историю, ибо англосаксы — нация идеалистов, что подтверждено многими их деяниями как в международной политике, так и в торговле, и правду они всегда находят в какой-то степени нелицеприятной. У меня есть друг, который недавно написал роман о лондонских бедняках[4]. Так критики пришли в ужас, потому что персонажи опускали букву «эйч», с их губ часто срывались ругательства, да и вели они себя не столь элегантно, как могли бы, если бы брали

[3] Примечания: 3

Один из древнейших городов Италии. По легенде, основан консулом Гаем Ливиусом Салинатором в 188 году до н. э. Расположен в Северной Италии, в области Эмилия-Романья.

[4] Примечания: 4

Речь идет о первом романе Сомерсета Моэма «Лиза из Ламбета», опубликованном в 1897 г.

пример с представителей высшего общества. И нашлось немало читателей, которые испытали шок, обнаружив, что в этом мире существуют люди, не обладающие утонченностью и интеллигентностью, и что эти качества не относятся к числу врожденных. Автор забыл, что правда — обнаженная женщина, а нагота всегда постыдна, если только не поучает. Раз уж правда нашла себе пристанище на дне колодца, она отдает себе отчет (в этом нет никаких сомнений), что ей не место в компании приличных людей.

Я прекрасно понимаю, что персонажей этой драмы побуждали к действию не высокие моральные принципы, которыми они могли бы руководствоваться, получив образование в престижной английской частной школе. Но возможно, читатель найдет оправдание поступкам героев, помня о том, что события эти происходили более четырехсот лет назад, и участвовали в них не убогие бедняки, а люди высокого происхождения. Если они грешили, то грешили изысканно, и многое можно простить тем, чья родословная безупречна. И автор, словно не желая оскорбить чувства своих читателей, позаботился о том, чтобы заклеймить презрением только одного персонажа, семья которого не считалась респек-

табельной.

Прежде чем откланяться и оставить читателя наедине с Филиппо Брандолини, я позволю себе описать его внешность, запечатленную на портрете, написанном в том же 1488 году и принадлежащем нашей семье до начала этого столетия[5], когда он был продан, как и многие другие произведения искусства, путешественникам, посещавшим Италию. Моей жене удалось выкупить часть полотен, но портрет Филиппо остался в собственности одного английского дворянина, который отказался расстаться с картиной, однако проявил любезность и позволил написать копию, занимающую теперь место оригинала.

На картине мы видим мужчину среднего роста, стройного и приятной наружности, с маленькой черной бородкой и усами. Овальное лицо, смуглая кожа, красивые темные глаза, которые смотрят на мир, излучая безграничное счастье. Написан портрет вскоре после женитьбы Филиппо. Одет он по моде того времени и держит в руке пергаментный свиток. В верхнем правом углу дата и герб нашего рода: вздыбленный грифон,

---

[5] Примечания: 5

Роман Сомерсета Моэма «Сотворение Святого» впервые опубликован в 1898 г.

крест, дворянская корона. Девиз — Felicitas[6].

[6] Примечания: 6
Удача, счастье, успех (ит.).

Глава 1

— Позволь представить тебе моего друга Филиппо Брандолини, дворянина из Читта-ди-Кастелло[7], — потом, повернувшись ко мне, Маттео добавил: — Это мой кузен, Кеччо д'Орси.

Кеччо д'Орси улыбнулся и поклонился:

— Мессир Брандолини, я безмерно рад нашему знакомству. Вы самый желанный гость в моем доме.

— Вы очень добры, — ответил я. — Маттео много рассказывал мне о вашем гостеприимстве.

Кеччо вновь поклонился и повернулся к кузену.

— Маттео, вы только что прибыли?

— Мы приехали рано утром. Я хотел сразу пойти к тебе, но Филиппо, страдающий невыносимым тщеславием, настоял на том, чтобы мы провели пару часов в гостинице, где он мог привести себя в порядок.

— А как ты провел эти часы, Маттео? — спросил Кеччо, вопросительно оглядев наряд и сапоги кузена.

---

[7] Примечания: 7
Древний город в итальянском регионе Умбрия в провинции Перуджа.

Маттео бросил взгляд на свои сапоги и плащ:

— Я не столь элегантен! Возвращение в родной город вызвало у меня такой прилив сентиментальности, что я не смог уделить внимание собственной внешности, зато возобновил знакомство с вином. Ты знаешь, Филиппо, что мы очень гордимся нашим местным вином.

— Вроде бы ты никогда не страдал сентиментальностью, Маттео, — заметил Кеччо.

— Сегодня, когда мы прибыли сюда, она проявилась в полной мере, — возразил я. — Он всем восторгался, признавался в любви к Форли, хотел бродить по городу в это холодное утро и рассказывать мне забавные истории о своем детстве.

— Мы, профессиональные сентименталисты, не способны проявить сентиментальность к чему-либо помимо себя, — ответил Маттео.

— Я проголодался, — со смехом продолжил я, — а тебе чувствительность не к лицу. Даже твоя лошадь выказывала недоверие.

— Дикарь! — ответствовал Маттео. — Разумеется, от волнения я не мог уделять должного внимания лошади, она поскользнулась на этой брусчатке и едва не сбросила меня, а Филиппо, вместо того чтобы посочувствовать, расхохотался.

— Очевидно, сантименты — это все-таки не твое, — указал Кеччо.

— Боюсь, ты прав. А вот Филиппо может часами предаваться романтическим грезам, хуже того — предается, но в жизни ничего романтического у него не происходит. А меня можно извинить — все-таки я прибыл в родной город после четырех лет разлуки.

— Мы принимаем твои извинения, Маттео, — кивнул я.

— Но это правда, Кеччо, я рад возвращению. Сам вид этих древних улиц, дворца наполняет мое сердце счастьем, и я чувствую… не могу выразить словами, что я чувствую.

— Что ж, наслаждайся, пока можешь, потому что, возможно, ты не всегда найдешь здесь радушный прием. — Голос Кеччо звучал серьезно.

— Это еще почему? — спросил Маттео.

— Об этом поговорим позже. А пока лучше повидайтесь с моим отцом и отдыхайте. После такой поездки вы наверняка устали. Вечером мы устраиваем большой прием, на котором ты встретишь давних друзей. Граф соблаговолил принять мое приглашение.

— Соблаговолил? — Маттео вскинул брови и посмотрел на кузена.

Кеччо горько улыбнулся:

— Времена после твоего отъезда изменились, Маттео. Форлийцы теперь подданные и придворные.

Пресекая дальнейшие расспросы, он поклонился и оставил нас.

— Что же тут происходит? — покачал головой Маттео. — Как тебе он?

Во время разговора я с интересом присматривался к Кеччо д'Орси, высокому, темноволосому, с окладистой бородой и усами, лет сорока от роду. Сходство между ним и Маттео определенно просматривалось: темные волосы и глаза, но у Маттео лицо было шире, скулы выступали сильнее, а кожа заметно погрубела от солдатской жизни. Более худощавый и серьезный Кеччо выглядел гораздо более одаренным; Маттео, увы, умом похвалиться не мог.

— Он очень благожелательный, — ответил я.

— Немного заносчивый, но он хотел выказать радушие. Над ним довлеет положение главы нашего рода.

— Но его отец жив.

— Да, но ему восемьдесят пять, он глух как пень и слеп, как летучая мышь. Старик сидит в своей комнате, тогда как Кеччо дергает за ниточки, а

нам, беднягам, приходится только кланяться и делать все, что он нам говорит.

— Я уверен, тебе это только идет на пользу, — хмыкнул я. — Мне любопытно узнать, почему Кеччо так говорит о графе. Когда я приезжал сюда в прошлый раз, они были закадычными друзьями. Знаешь, пойдем выпьем, раз уж мы выполнили свой долг.

Мы пошли в гостиницу, где оставили лошадей, и заказали вина.

— Принеси самого лучшего, мой толстый друг, — крикнул Маттео хозяину. — Этот господин нездешний и не знает, что такое вино. Он вырос на кислом соке Читта-ди-Кастелло.

— Вы живете в Читта-ди-Кастелло? — спросил хозяин гостиницы.

— Мне бы хотелось там жить, — ответил я.

— Его изгнали из родной страны для ее же блага, — прокомментировал Маттео.

— Это неправда. Я уехал по собственной воле.

— И скакал так быстро, насколько мог, потому что его преследовали двадцать четыре всадника.

— Именно! Они не хотели, чтобы я уезжал, и когда я решил, что смена обстановки пойдет мне на пользу, послали целый конный отряд, чтобы убедить меня вернуться.

— Твоя голова, поднятая на пике, украсила бы главную площадь.

— Тебя эта мысль забавляет, — ответил я Маттео, — но тогда мне было совсем не до смеха.

Я вспомнил тот день, когда мне сообщили, что Вителли, тиран Кастелло, подписал указ о моем аресте. Зная, как молниеносно он расправляется со своими врагами, я попрощался с отчим домом, возможно, с неприличной поспешностью… Но старик умер, а его сын, призвав флорентийцев, повесил на окнах дворца тех отцовых друзей, которые не успели сбежать. В Форли я проездом по пути домой, чтобы вернуть конфискованную собственность, в надежде, что ее временный владелец, окончивший свой жизненный путь, болтаясь на веревке в сотне футов над землей, не оставил ее в запустении.

— Так что ты думаешь о нашем вине? — спросил Маттео. — Сравни его с тем, что пьют в Читта-ди-Кастелло.

— Я его еще не распробовал, — добродушно улыбнулся я. — Незнакомые вина я всегда выпиваю залпом — как лекарство.

— Brutta bestia![8] — воскликнул Маттео. — Ты

---

[8] Примечания: 8
Грубое животное! (ит.)

не судья.

— Пить можно. — Я рассмеялся и отпил маленький глоток.

Маттео пожал плечами.

— Эти иностранцы! — презрительно бросил он. — Иди сюда, толстяк, — позвал он хозяина гостиницы. — Скажи мне, как дела у графа Джироламо и несравненной Катерины? Когда я уезжал из Форли, горожане дрались за право целовать землю, по которой они проходили.

Толстяк пожал плечами:

— В моей профессии должно следить за тем, что говоришь.

— Не болтай глупостей. Я не соглядатай.

— Что ж, мессир, горожане больше не борются за право целовать землю, по которой прошел граф.

— Ясно.

— Вы понимаете, после того как умер его отец…

— Когда я жил здесь, Сикста[9] называли его дядей.

— Судя по разговорам, он слишком его любил, чтобы не быть ему отцом, но, разумеется, я

---

[9] Примечания: 9

Сикст IV, в миру Франческо делла Ровере (1414–1484) — папа римский в 1471–1484 гг.

ничего не знаю. У меня и в мыслях нет сказать что-нибудь оскорбительное о его святейшестве, касается это прошлого или настоящего.

— Ладно, продолжай.

— Видите ли, мессир, когда папа умер, граф Джироламо ощутил нехватку денег и вновь ввел налоги, ранее им отмененные.

— И в результате…

— Что ж, люди начали шептаться о его расточительстве. И они говорят, что Катерина ведет себя будто она королева. Хотя мы все знаем, что она незаконнорожденная дочь старика Сфорцы[10] из Милана. Но разумеется, ко мне это не имеет никакого отношения.

Маттео и я начали клевать носом, потому что скакали всю ночь. Мы пошли наверх, приказав разбудить нас перед вечерним празднеством, и скоро уже спали.

Вечером Маттео зашел ко мне и принялся изучать мои одежды.

— Вот о чем я думаю, Филиппо, наверное, в первый раз перед многочисленными дамами, которые могут положить на меня глаз, мне следует предстать во всей красе.

---

[10] Примечания: 10

Франческо Сфорца (1401–1466) — основатель миланской ветви династии Сфорца.

— Я полностью с тобой согласен, — ответил я, — но не понимаю, что ты проделываешь с моей одеждой?

— Никто тебя не знает, так что совершенно не важно, как ты будешь выглядеть. А у тебя столько красивых вещей, вот я и собираюсь воспользоваться твоей добротой и…

— Ты собираешься взять мою одежду! — Я выпрыгнул из кровати, но Маттео с охапкой одежды уже выбежал из комнаты, захлопнул дверь и запер ее снаружи, оставив меня с носом.

Я всячески обругал его, но он ушел смеясь, так что мне не осталось ничего другого как надеть лучшее из того, что уцелело. Полчаса спустя он вернулся к двери.

— Хочешь выйти? — полюбопытствовал он.

— Конечно, хочу. — Я пнул дверь.

— Обещаешь не буйствовать?

Я помедлил с ответом.

— Если не пообещаешь, я тебя не выпущу.

— Ладно! — смеясь, ответил я.

Маттео распахнул дверь и возник на пороге, с ног до головы в моих новых нарядах.

— Ты варвар! — воскликнул я, забавляясь его нахальством.

— Ты тоже неплохо выглядишь с учетом обстоя-

тельств, — ответил он, спокойно взирая на меня.

Глава 2

Когда мы прибыли во дворец д'Орси, многие гости уже собрались. Маттео тут же окружили его друзья, и не меньше двадцати женщин махали ему руками из разных концов зала, так что пути наши разошлись и мне не оставалось ничего другого как бесцельно слоняться в толпе. Наконец я оказался рядом с группой мужчин, так плотно окруживших одну женщину, что я даже не смог ее рассмотреть. К ним присоединился и Маттео, и они смеялись над какой-то его шуткой. Я уже отвернулся, чтобы двинуться дальше, когда услышал, как Маттео зовет меня.

— Филиппо, — он направлялся ко мне, — пойдем, я познакомлю тебя с донной Джулией. Она попросила представить тебя.

Он взял меня за руку, и я увидел, что женщина и ее кавалеры смотрят на нас.

— Самая очаровательная женщина Форли, — шепнул он мне на ухо.

— Позвольте мне расширить круг ваших воздыхателей, донна Джулия. — После этих слов мы с Маттео поклонились. — Мессир Филиппо

Брандолини, как и я, профессиональный солдат.

Передо мной предстала грациозная, миниатюрная женщина в парчовом платье, с маленьким личиком, на котором выделялись огромные карие глаза, излучавшие нежность и ласку. Личико обрамляли роскошные красновато-каштановые волосы, на губах играла пленительная улыбка.

— Мы спрашивали Маттео о нанесенных ему ранах, — заговорила она, обворожительно улыбаясь мне. — Он говорит нам, что все они в области сердца.

— В этом случае, — ответил я, — здесь он оказался на поле боя, более опасном, чем любое из тех, на которых мы побывали во время войны.

— Какой войны? — спросил мужчина, стоявший рядом с Джулией. — Ныне мы живем в такое счастливое время, когда на территории нашей страны идет с десяток различных войн.

— Я служил под началом герцога Калабрии, — ответил я.

— В таком случае ваши битвы были бескровные.

— Мы пришли, увидели и обратили врага в бегство, — вставил Маттео.

— И теперь, воспользовавшись преимуществами мирной жизни, вы приехали, чтобы

будоражить сердца Форли, — вновь улыбнулась мне донна Джулия.

— Кто знает, может, ваши мечи окажутся здесь очень кстати! — вырвалось у какого-то молодого человека.

— Помолчи, Никколо! — бросил другой.

Возникла напряженная пауза, по ходу которой мы с Маттео удивленно переглянулись, а потом все мужчины вдруг заговорили одновременно, так что понять, кто что сказал, не представлялось возможным. Маттео и я откланялись, покинули донну Джулию и направились к Кеччо, стоявшему среди группы мужчин.

— Вы успели отдохнуть? — спросил Кеччо.

— Ты путешествовал, Маттео? — спросил один из гостей.

— Да, вчера проскакали шестьдесят миль, — ответил Маттео.

— Шестьдесят миль на одной лошади — у вас, должно быть, хорошие скакуны и богатое воображение, — прокомментировал уродливый, с землистым цветом лица господин, которого я возненавидел с первого взгляда.

— Такое случается крайне редко, и мы хотели скорее добраться домой.

— Вы не могли бы ехать быстрее, если бы бежа-

ли с поля боя, — добавил незнакомец.

Я подумал, что он сознательно нарывается на скандал, но промолчал. Маттео не стал придерживаться этого золотого правила.

— Вы говорите, как человек, имеющий в этом немалый опыт. — Юноша обаятельно улыбнулся.

Я заметил, как Кеччо нахмурился, а на лицах остальных появился интерес.

— Я это сказал лишь потому, — мужчина пожал плечами, — что герцог Калабрии знаменит отступательной тактикой.

— Возможно, вы не слишком сведущи в тактике, — насмешливо произнес я.

Он повернулся и посмотрел на меня, как бы говоря: «А кто ты, черт побери, такой?» Пренебрежительно оглядел с головы до ног, и я почувствовал, что вот-вот потеряю терпение.

— Мой дорогой молодой человек, судя по всему, я уже воевал, когда вы сражались разве что с нянькой в детской.

— Вы превосходите меня как в учтивости, так и в годах, мессир, — ответил я. — Но я смею предположить, что человек может сражаться всю жизнь, однако и в ее конце смыслить в войне не больше, чем в начале.

— Все зависит от интеллектуального уровня, —

вставил Маттео.

— Именно об этом я и толкую, — кивнул я.

— И что это, черт побери, значит? — сердито бросил мужчина.

— Полагаю, ничего не значит, Эрколе, — вмешался Кеччо и деланно рассмеялся.

— Думаю, он может ответить сам, — фыркнул неприятный господин. Краска залила лицо Кеччо, но он промолчал.

— Мой дорогой господин, вы должны принять во внимание мое желание отвечать.

— Дерзкий мальчишка!

Я положил руку на рукоятку меча, но Кеччо схватил меня за запястье. Я разом пришел в себя.

— Прошу меня извинить, мессир Кеччо. — И я повернулся к Эрколе: — Вы вольны оскорблять меня здесь. Этим вы демонстрируете собственные манеры! Знаешь, Маттео, ты не говорил мне, что у тебя есть такие обаятельные соотечественники.

— Не суди нас строго, Филиппо, — ответил мой друг, — ибо Форли не несет ответственности за такое чудовище.

— Я родом не из Форли, слава Богу! Ни граф, ни я. — Господин пренебрежительно огляделся. — Мы благодарим Господа всякий раз, когда заходит такой разговор. Я гражданин Кастелло.

Маттео уже собирался взорваться, но я заговорил первым:

— Я тоже гражданин Кастелло, и позвольте сообщить вам, что я нахожу вас чрезвычайно кичливым и приношу свои извинения присутствующим за то, что мой соотечественник забыл об уважении, которое должно проявлять к жителям города, оказывающим гостеприимство.

— Вы из Кастелло! Так кто же вы?

— Меня зовут Филиппо Брандолини.

— Я знаю вашу семью. Я Эрколе Пьячентини.

— Не могу ответить вам тем же. Никогда не слышал о вашей семье.

Стоявшие вокруг мужчины засмеялись.

— Моя семья ничем не хуже вашей, мессир.

— Знаете, я не знаком со средним классом Кастелло, но у меня нет сомнений, что ваша семья очень достойная.

Я обратил внимание, что слушателям очень нравились мои реплики, из чего сделал вывод, что мессира Эрколе Пьячентини в Форли не жалуют, но Кеччо выглядел озабоченным.

— Наглый мальчишка! — взвился мужчина. — Как ты смеешь так говорить со мной! Я дам тебе пинка.

Я снова попытался выхватить меч, но чья-то

рука остановила меня, и я услышал слова Кеччо:

— Не дури. Успокойся.

— Отпустите меня! — воскликнул я.

— Не дури. Ты нас погубишь. — Он крепко держал мои руки, не позволяя мне вытащить меч.

Эрколе видел, что происходит. Его губы разошлись в злорадной улыбке.

— Вам дают полезный урок скромности, молодой человек. И вы не единственный, кому пришлось его выучить. — Он оглядел мужчин, стоявших рядом.

В этот момент к Кеччо подошел слуга и объявил:

— Граф!

Группа сразу распалась, Кеччо направился к другому концу зала, сопровождаемый Эрколе Пьячентини и другими гостями. Маттео и я остались на месте. В зал вошли граф и графиня, следом — их свита.

Конечно же, мой взгляд задержался на Катерине, восхитительно красивой. Высокая, хорошо сложенная женщина, она держалась гордо и шла с высоко поднятой головой.

— Ее без труда можно принять за дочь короля! — пробормотал Маттео, не отрывая от нее изумленных глаз.

— И она так похожа на Франческо, — добавил я.

Мы оба безмерно восхищались Франческо Сфорцей, королем кондотьеров[11], который проделал путь от простого солдата до правителя самого гордого герцогства в мире. И Катерина, его дочь, унаследовала волевые черты лица и проницательный взгляд, только грубая, в оспинах, кожа Сфорцы уступила место гладкой и бархатистой. А какое-то время спустя Катерина доказала, что от отца ей досталось не только внешнее сходство, но и мужество… Ее великолепное платье из серебряной ткани при ходьбе струилось и переливалось, в волосы, как обычно, были вплетены золотые и серебряные нити, но великолепные каштановые пряди блестели ярче металлических украшений, которые лишь подчеркивали красоту волос. Катерина что-то сказала, и ее голос, низкий и сильный, звучал как мужской.

Маттео и я, не отрывая взгляда, смотрели на нее, а потом оба воскликнули: «Черт побери, она прекрасна!»

Я начал вспоминать сказочные истории, которые рассказывали о Катерине в Риме, где она

[11] Примечания: 11

Командир наемного отряда в Европе в XIV–XVI вв. или воин, состоявший на службе в таком отряде.

заворожила всех своей красотой, и Сикст транжирил богатства церкви ради удовлетворения ее прихотей и фантазий: банкеты, балы, пышные зрелища и великолепные церемонии сменяли друг друга, город опьянел от вина и сходил с ума от ее красоты.

Внезапно Маттео ткнул меня в бок:

— Взгляни на Джироламо!

Я поднял глаза и увидел, что он стоит совсем близко от меня, высокий мужчина, мускулистый и широкоплечий, с крупным, массивным лицом, тяжелым подбородком, длинным крючковатым носом и маленькими, очень подвижными глазами. Красная и грубая кожа его оставляла неприятное впечатление. Одежда же своим великолепием могла соперничать с платьем жены.

— В нем проглядывают черты деда. — Я вспомнил, что отец Сикста, основатель рода, начинал простым матросом в Ровезе.

Граф беседовал с Кеччо, и разговор, похоже, шел о нас, потому что Джироламо повернулся и направился к Маттео.

— Блудный сын вернулся, — кивнул он. — Мы обязательно забьем по этому поводу жирного теленка. Но на этот раз ты должен остаться с нами, Маттео. Мы можем взять тебя на службу

так же, как и герцог Калабрии. — Маттео мрачно улыбнулся, а граф уже повернулся ко мне: — Кеччо рассказал мне и о вас, мессир, но, боюсь, наши шансы удержать вас минимальны, раз уж вы перелетная птица, однако я надеюсь, что вы побываете во дворце, где встретите самый радушный прием.

Пока он говорил, его глаза пребывали в непрерывном движении — вверх-вниз, вправо-влево, — и я чувствовал, что он буквально просвечивает меня насквозь… после этих слов он улыбнулся без толики веселья, механически, вроде бы вежливо, и с поклоном двинулся дальше. Я глянул на Маттео и увидел, что он злобно смотрит вслед графу.

— Что такое? — спросил я.

— Он дьявольски пренебрежителен, — ответил Маттео. — При нашей последней встрече мы обнимались, но, Бог свидетель, с тех пор он заважничал!

— И твой кузен что-то такое говорил, — напомнил я.

— Да, теперь я понимаю, о чем шла речь.

Мы прогуливались по залу. Смотрели на людей, разговаривали.

— Посмотри, какая красивая женщина! — Я указал на пышнотелую даму, раскрасневшуюся,

с большой грудью.

— Твой взгляд притягивается к красивым женщинам, как сталь к магниту, Филиппо, — рассмеялся Маттео.

— Представь меня, — попросил я, — если она не кусается.

— Никогда в жизни, хотя она, судя по всему, уже обратила на тебя внимание. Но это жена Эрколе Пьячентини.

— Мне все равно: я собираюсь убить этого человека, что не может быть помехой для знакомства с его женой.

— Ты окажешь ей двойную услугу, — кивнул Маттео, и мы направились к ней.

— Клаудия, взгляд твоих роковых глаз пронзил еще одно сердце.

Чувственные губы изогнулись в улыбке.

— Неужто у него такая сила? — Она пристально всмотрелась в меня и чуть подвинулась. Мы с Маттео сразу поняли намек, так что я устроился рядом, а Маттео удалился.

— Я-то думала, что вы уже пали жертвой мадонны Джулии. — Клаудия томно посмотрела на меня, а потом искоса глянула на упомянутую даму.

— Никто не поклоняется луне, когда светит

солнце, — вежливо ответил я.

— Джулия больше походит на солнце, потому что собирает всех мужчин в свои объятия. Я более скромная.

— Это говорит лишь о том, что вы более жестокая.

Она промолчала и лишь глубоко вздохнула, улыбаясь, не сводя с меня больших томных глаз.

— А вот и мой муж.

Я поднял голову и увидел великого Эрколе, который злобно смотрел на меня, и мысленно рассмеялся.

— Должно быть, он сильно ревнует такую красивую жену? — полюбопытствовал я.

— Ох, он ужасен. Ревнует меня до смерти.

Учитывая обстоятельства, я решил воспользоваться моментом: пододвинулся ближе.

— Я это понимаю. У меня затрепетало сердце, как только я вас увидел.

Она одарила меня долгим взглядом из-под ресниц.

— Эти глаза! — воскликнул я, пристально вглядываясь в них.

— Ах! — вновь вздохнула она.

— Мадам, — к ней подошел паж, — мессир Пьячентини просит узнать, не соблаговолите ли вы

подойти к нему.

Раздраженный вскрик сорвался с ее губ:

— Мой муж!

Она поднялась, повернулась ко мне, протягивая руку. Я вскочил, предложил ей свою, и мы степенно пересекли зал, направляясь к Эрколе Пьячентини. Там она мне грациозно поклонилась, я ослепительно улыбнулся счастливому мужу, который в тот момент выглядел очень мрачным и сделал вид, словно и не заметил меня. Что ж, я отошел крайне довольный собой.

Граф и графиня уже собрались уходить. За ними последовали Эрколе и его жена, а также другие гости, и вскоре в зале остались только мы с Маттео, еще двое гостей и Кеччо.

Глава 3

Кеччо провел нас в небольшую комнату, расположенную в некотором удалении от зала приемов, и повернулся к господину, которого я не знал.

— Ты слышал Пьячентини?

— Да! — ответил тот, и какое-то время они молча смотрели друг на друга.

Мне сказали, что зовут его Лодовико Пансекки, он наемный солдат и служит у графа.

Кеччо развернулся и пристально посмотрел на меня. Маттео сразу понял, что означает этот взгляд.

— Филиппо не бойся. Он так же верен тебе, как и я.

Кеччо кивнул. Потом подал знак молодому человеку, который тут же поднялся, направился к двери, закрыл и запер ее. Какое-то время мы сидели молча. Потом Кеччо встал.

— Я этого не понимаю, — вырвалось у него. Он закружил по комнате, наконец остановился передо мной.

— Вы никогда раньше не видели этого чело-

века?

— Никогда! — подтвердил я.

— Ссору затеял сам Эрколе, — вставил молодой человек, как я потом понял, Алессандро Моратини, брат Джулии даль Эсти.

— Я знаю, — кивнул Кеччо, — но он не решился так вести себя, если бы не знал о каких-то планах Джироламо. — Он помолчал, вновь посмотрел на меня: — Вы не должны задирать его.

— Наоборот, — ответил я, — должен. Он меня оскорбил.

— Это не важно. Я не допущу, чтобы вы его задирали.

— Это касается только меня.

— Чушь! Вы гостите в моем доме, и, насколько я понимаю, это та самая возможность, которую выискивает Джироламо.

— Я не понимаю, — честно признал я.

— Послушайте, — Кеччо вновь сел, — когда Сикст передал Форли своему племяннику, Джироламо Риарио, я, показав себя полным дураком, сделал все, чтобы подчинить ему город. Мой отец был против, но я отмел его возражения и поставил наш род ему на службу. Без меня он никогда бы не стал правителем Форли.

— Я помню, — кивнул Маттео. — Ты использо-

вал Сикста для того, чтобы не допустить возвращения Орделаффи, и ты думал, что Джироламо станет орудием в наших руках.

— Я не отдал бы город в руки человека, которого раньше никогда не видел… Но с тех пор прошло восемь лет. И Джироламо отменил самые большие налоги, гарантировал городу множество привилегий и взошел на трон вместе с Катериной.

— Под радостные крики, — добавил Алессандро.

— Через какое-то время популярностью он затмил Орделаффи, и, когда он проходил по улицам, люди подбегали, чтобы поцеловать полу его плаща. Он проводил много времени в Риме, но направлял богатство папы на украшение Форли, а когда приезжал, пиры и балы следовали один за другим.

Потом папа Сикст умер и Джироламо обосновался в Форли, во дворце, который перестроил для своих нужд. Пиры и балы продолжались. Когда высокородный чужестранец приезжал в город, граф и его жена устраивали в его честь роскошный прием, чтобы показать богатство и процветание города.

Поэты на все голоса прославляли правителя, а

люди повторяли вирши поэтов…

Потом наступила катастрофа. Я часто предупреждал Джироламо, потому что мы были близкими друзьями… тогда. Я говорил, что нельзя жить в той роскоши, к которой он привык, когда он мог распоряжаться всеми богатствами христианского мира и тратил на ожерелье Катерины сумму, равную годовому бюджету какого-нибудь города. Он не слушал. Отвечал: «Я не могу быть жадным и прижимистым», — и называл это политикой. «Чтобы быть популярным, нужно быть великолепным». Но наступил момент, когда казна опустела и ему пришлось брать деньги в долг. Он делал заемы в Риме, и Флоренции, и Милане и все это время не сокращал расходы, учитывая, а, наоборот, тратил все больше. И когда более не мог одалживаться на стороне, он пришел к гражданам Форли, прежде всего ко мне, и я неоднократно ссужал ему крупные суммы. Но этого не хватало, и он посылал за самыми богатыми жителями Форли и просил денег. Естественно, ему никто не мог отказать. Но он растранжирил их деньги, как растранжирил собственные, и в один прекрасный день созвал совет.

— Да, — кивнул Алессандро. — Я там был. И слышал его.

Кеччо продолжил, едва Алессандро замолчал.

— Он пришел в зал заседаний совета, как всегда, в великолепных одеждах и начал разговаривать с сенаторами, с каждым в отдельности, очень вежливо, смеялся, пожимал руки. Потом, пройдя на свое место, произнес речь. Напомнил о мягкости своего правления, о процветании города в последние годы, объявил о возникших у него проблемах и, наконец, попросил вернуть ранее отмененные налоги. Они были настроены против него, потому что многие в частном порядке уже одолжили ему деньги, но вел он себя так обаятельно, говорил столь убедительно, что все вдруг увидели разумность его требований. Я знаю, что и сам во всем пошел бы ему навстречу.

— Если он только начнет говорить, то от любого добьется всего, что ему нужно, — вставил Лодовико.

— Совет единогласно проголосовал за введение прежних налогов, и Джироламо рассыпался в благодарностях.

Последовала пауза, прерванная Маттео.

— И что потом? — спросил он.

— Потом он уехал в Имолу[12], — ответил Кеччо, — и там начал тратить деньги, собранные здесь.

— И как теперь к нему относятся в Форли?

— Когда пришло время платить налоги, Джироламо перестали возносить хвалу. Сначала жители бурчали себе под нос, потом возмущенные голоса зазвучали громче, и скоро все кто мог уже криком честили Джироламо и его жену. Граф услышал об этом и приехал из Имолы, думая, что одним своим присутствием утихомирит город. Но этот дурак не понимал, что своим видом только злит народ. Они видели его роскошные костюмы, золотые и серебряные платья его жены, драгоценности, пирушки и знали, что все это оплачено из их карманов. Деньги, которые люди могли бы потратить на еду для детей и на свои нужды, тратились на безумную роскошь, в которой купались фаворит прежнего папы и его незаконнорожденная жена.

— А как он относился к нам? — Лодовико в сердцах стукнул кулаком по столу. — Я служил у герцога Калабрии, и он делал мне такие

---

[12] Примечания: 12

Город, основанный в 82 г. до н. э. В описываемое время Джироламо был также и правителем Имолы. К достопримечательностям города относится замок Сфорца, построенный Джироламо для Катерины Сфорца.

искушающие предложения, что я покинул неаполитанскую армию, чтобы вступить в папскую армию. И теперь, четыре года спустя, я не получил и ломаного гроша за свою службу. Когда я спрашивал его, он успокаивал меня ласковыми словами, но теперь обходится и без них. Несколькими днями раньше я остановил его на площади и, упав на колени, умолял вернуть долг. Он меня оттолкнул и сказал, что не может мне заплатить, хотя драгоценный камень на его груди стоил в десять раз дороже тех денег, которые он мне задолжал. И смотрит он на меня хмуро, а ведь я служил ему как верный пес. Я этого не выдержу! Клянусь Богом, не выдержу! — Он сжал кулаки и замолчал, кипя от ярости.

— А знаете, как он отблагодарил меня? — спросил Кеччо. — Я одолжил ему так много денег, что он не решается просить еще. Теперь же за мной оказался небольшой должок по налогам, так он прислал за ним сборщика. А когда я сказал, что сейчас заплатить не могу, он вызвал меня к себе и сам потребовал денег.

— И что ты сделал? — спросил Маттео.

— Я напомнил ему о деньгах, которые он мне задолжал, и он сообщил мне, что частные долги не имеют ничего общего с долгом перед государ-

ством, заявив, что я должен заплатить, а иначе все будет, как того требует закон.

— Он, должно быть, рехнулся, — удивился Маттео.

— Он рехнулся, рехнулся от гордости и не понимает, что живет не по средствам.

— Говорю вам, это больше терпеть нельзя! — воскликнул Лодовико.

— И меня предупреждают, что он грозится заткнуть мне рот, — добавил Кеччо. — На днях он беседовал с Джузеппе Элбисиной и сказал ему: «Надо бы Кеччо поостеречься. Он может зайти слишком далеко и узнать, что рука правителя не такая мягкая, как рука друга».

— Я тоже слышал его слова, звучащие, как угрозы, — вставил Алессандро.

— Мы все слышали, — кивнул Лодовико. — Если Джироламо выходит из себя, он не думает, что говорит, и тогда становится ясно, какие планы вынашивают он и его молчаливая жена.

— Теперь, мессир, вы понимаете, в каком мы положении, — обратился ко мне Кеччо. — Под нами бушует огонь, а земля так тонка, что мы вот-вот провалимся в самое пекло. Вы должны пообещать более не искать повода для ссоры с вашим соотечественником, этим Эрколе Пьячен-

тини. Он один из фаворитов Джироламо, и тот не позволит его тронуть. Если вы убьете Пьячентини, граф воспользуется этой возможностью, чтобы арестовать нас всех, и нас будет ждать судьба флорентийских Падзи[13]. Вы обещаете?

— Я обещаю отложить месть до более благоприятного времени.

— А теперь, господа, мы должны разойтись, — подвел Кеччо итог нашей встречи.

Когда мы прощались, Алессандро повернулся к Маттео.

— Завтра ты должен привести своего друга к моей сестре. Она будет рада видеть вас обоих.

Мы ответили, что безмерно счастливы такому предложению, и Алессандро и Лодовико Пансеки оставили нас.

Маттео задумчиво посмотрел на Кеччо:

— Кузен, все это выглядит как заговор.

Кеччо даже вздрогнул.

— А что делать, если люди недовольны Джироламо.

— А ты? — настаивал Маттео. — Как я представ-

---

[13] Примечания: 13

Знатная и богатая флорентийская семья, враждовавшая с Медичи. Неудавшаяся попытка убийства Лоренцо Медичи, предпринятая в 1478 г., закончилась для Падзи крайне печально — смертью многих ее членов и конфискацией имущества.

ляю себе, тебя не очень-то волнует, дерут с людей налоги или нет. Ты же знал, что рано или поздно налоги вновь будут брать сполна.

— Разве он не оскорбил меня, прислав ко мне сборщика за долгом?

— И это все? — Маттео пристально смотрел на кузена.

Кеччо опустил глаза, но потом вновь встретился взглядом с Маттео.

— Нет, — наконец ответил он. — Восемью годами раньше я был Джироламо ровней, а теперь я его слуга. Мы дружили, он любил меня как брата, а потом появилась его жена, дочь Франческо Сфорцы, приблуда, и постепенно он отдалился от меня. Стал холоден и сдержан, начал показывать, что он здесь хозяин, и теперь я не больше чем гражданин среди граждан, но никак не ровня правителю.

Кеччо какое-то время молчал, но на лице читалось неистовство его эмоций.

— Все это касается тебя в той же степени, что и меня, Маттео. Ты — д'Орси, а д'Орси не рождены слугами. Когда я думаю, что этот человек, внебрачный ребенок папы, относится ко мне так, словно выше меня по происхождению, у меня перехватывает дыхание. Я хочу кататься по полу

и рвать на себе волосы. Ты знаешь, что д'Орси знатны и богаты уже три столетия? Медичи бледнеют перед ними, потому что они были горожанами, а мы — всегда дворянами. Мы изгнали Орделаффи, потому что они хотели поставить над нами незаконнорожденного ребенка, и мы должны смириться с этим Риарио? Клянусь, я этого не вынесу.

— Хорошо сказано! — кивнул Маттео.

— Джироламо уйдет, как ушли Орделаффи. Бог свидетель, я в этом клянусь!

Я взглянул на Маттео и увидел, что страстность Кеччо зажгла и его: лицо раскраснелось, глаза сверкали, голос стал хриплым.

— Но не повторяй свою же ошибку, Кеччо, — предупредил он. — Больше никаких правителей со стороны. В Форли должны править д'Орси.

Какое-то мгновение Кеччо и Маттео смотрели друг другу в глаза. Потом по телу первого пробежала дрожь, словно к нему вернулось благоразумие, он повернулся к нам спиной и вышел за дверь.

Маттео в задумчивости покружил по комнате и, повернувшись ко мне, сказал:

— Пошли.

Мы направились в нашу гостиницу.

Глава 4

На следующий день мы пошли к донне Джулии.

— Кто она? — спросил я у идущего рядом Маттео.

— Вдова!

— Что еще? — спросил я.

— Позорище Форли!

— Очень интересно, но с чего у нее такая репутация?

— Откуда мне знать? — смеясь, ответил он. — С чего у женщины возникает такая репутация? Она свела Джованни даль Эсти в могилу; ее завистницы говорили, что она отравила его, но это, конечно, сплетня, пущенная скорее всего Клаудией Пьячентини.

— И давно она вдова?

— Пять или шесть лет.

— Как она прожила эти годы?

Маттео пожал плечами:

— Как обычно живут вдовы! Лично я не понимаю, почему женщина в таком положении должна оставаться добродетельной. В конце кон-

цов молодость уходит, и ее лучше использовать в полной мере, когда она еще при тебе.

— Разве у нее нет родственников?

— Есть, конечно, отец и два брата. Но они ничего не слышат, или им на все наплевать. А кроме того, возможно, это всего лишь слухи.

— Ты говоришь так, будто все подтверждено фактами.

— Э, нет. Наверняка я знаю только одно: она далеко не глупая женщина. И раз уж репутация безнадежно испорчена, почему не вести себя так, будто все это правда?

— Что-то ты разволновался, — со смехом сказал я.

— Есть такое. — Маттео пожал плечами. — Я осаждал эту твердыню добродетели. Она отбивала все мои штурмы, взрывала прорытые мной тоннели, короче, так решительно оборонялась, что я обессилел и снял осаду. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить шесть месяцев на комплименты и лесть без уверенности, что в итоге тебя все-таки ждет награда.

— Очень уж практично ты смотришь на жизнь.

— Для меня, ты знаешь, одна женщина не отличается от другой. В конце все сводится к одному.

И после того как тебя несколько лет носит по свету, поневоле приходишь к выводу, что нет разницы, брюнетки они или блондинки, толстые или тощие…

— Ты говорил все это донне Джулии? — спросил я.

— Более или менее.

— И как она отреагировала?

— Какое-то время сердилась. Пожалела о том, что не сдалась раньше, но время уже ушло. Это стало ей уроком!

Мы подошли к дому, и нас тут же провели к хозяйке. Донна Джулия очень вежливо поприветствовала нас, одарила меня взглядом и продолжила разговор со своими друзьями. Не составляло труда заметить, что все мужчины из окружения вдовы пребывали в той или иной степени влюбленности в нее, потому что следили глазами за каждым движением и боролись за улыбки, на которые донна Джулия не скупилась, одаривая то одного, то другого.

Маттео превзошел остальных в лести. Я полагал, что он смеялся над ней, но она выслушивала все с серьезным видом, и, похоже, ей нравилось.

— Ты не рад, что вернулся в Форли? — спросила она.

— Мы счастливы от того, что ходим по земле, на которую ступала твоя нога!

— За время своего отсутствия ты стал таким учтивым.

— А каким мог быть результат, если каждый день я думал об очаровательной Джулии?

— Боюсь, в Неаполе тебя занимали другие мысли. Говорят, женщины там ослепительно красивы.

— В Неаполе? Дорогая моя, за все время отсутствия в Форли я не видел лица, которое могло бы сравниться с твоим.

Глаза Джулии засверкали от удовольствия. Я отвернулся, находя весь этот разговор глупым. Подумал, что смогу обойтись без лицезрения красоты мадонны Джулии, и решил больше не приходить сюда. Заговорил с одной из женщин, находившихся в зале, и время потекло незаметно… В какой-то момент Джулия прошла мимо меня в сопровождении одного из своих кавалеров и украдкой бросила взгляд в мою сторону, но я сделал вид, что ничего не заметил. Вскоре она вновь прошла рядом со мной, задержалась, будто хотела что-то сказать, но все же промолчала. Я подумал, что ее задело мое безразличие к ней, и, улыбнувшись, принялся с удвоенной силой

очаровывать даму, с которой беседовал.

— Мессир Филиппо? — вскоре позвала меня Джулия. — Я буду вам очень признательна, если вы уделите мне минутку для разговора.

Я с улыбкой направился к ней.

— Мне не терпится услышать о вашей ссоре с Эрколе Пьячентини. Я уже слышала дюжину версий.

— Я удивлен, что наглое поведение невоспитанного мужлана вызывает такой интерес.

— Мы же должны о чем-то говорить. В этом смысли Форли не отличается от любого другого города. Я только знаю, что он вас оскорбил, а потом вам не позволили должным образом отомстить ему.

— Это еще впереди.

Она понизила голос и взяла меня за руку.

— Но мой брат говорил мне, что Кеччо заставил вас пообещать ничего не делать.

— Я ему обязательно отомщу… а ожидание только сделает месть слаще.

Полагая, что больше ей сказать нечего, я стоял, словно ожидая, когда она покинет меня. Но донна Джулия внезапно вскинула голову и встретилась со мной взглядом:

— Я вам мешаю?

— Как такое может быть? — галантно ответил я.

— Мне показалось, что вам не терпится от меня избавиться.

— Как такая мысль могла прийти вам в голову? Разве вы не видите, что все мужчины лежат у ваших ног, ожидая каждого вашего слова или жеста.

— Да, — кивнула она, — но не вы!

Разумеется, я запротестовал.

— Я обратила внимание, что вы избегаете меня, — настаивала на своем донна Джулия. — После того как вы пришли сюда, вы не провели рядом со мной и минуты.

— Я не думал, что вы это заметите. Я действительно не уделил вам должного внимания.

— Конечно же, я заметила. И подумала, что чем-то обидела вас. Только не знаю чем?

— Дорогая моя, конечно же, вы не сделали ничего такого, что могло бы обидеть меня.

— Тогда почему вы избегаете меня? — недовольно спросила она.

— На самом деле я вас не избегаю, — ответил я. — Причина, вероятно, в моей скромности. Я подумал, что вам безразлично мое присутствие рядом с вами. Извините, что вызвал ваше неудо-

вольствие.

— Мне хочется нравиться людям, — доверчиво объяснила донна Джулия.

— Но с чего вы взяли, что не нравитесь мне? Действительно без всякой лести я заверяю вас, что никогда в жизни не видел более прекрасной женщины, чем вы.

Легкий румянец окрасил щеки Джулии, губы разошлись в улыбке, но, когда она заговорила, в голосе слышался упрек:

— Тогда почему вы старались скрыть это от меня?

Я улыбался, глядя в ее глаза цвета нежной ночной фиалки. Даже подумал, что она столь же обаятельна, сколь и прекрасна.

— Вы действительно хотите знать? — ответил я вопросом на вопрос.

— Да, скажите мне! — Она чуть сжала мою руку.

— Я подумал, что с таким количеством воздыхателей вы сможете обойтись и без меня.

— Но вы же видите, — она обаятельно улыбнулась, — что не могу!

— И потом, я не люблю теряться в толпе. Не хочу делить ваши улыбки еще с двадцатью мужчинами.

— И ради этого готовы полностью отказаться от них?

— Я всегда стараюсь избегать женщин, которые становятся объектом всеобщего восхищения. Думаю, я слишком горд, чтобы бороться за благосклонность.

— Но, предположим, дама хочет отметить вас особо, а вы не предоставляете ей такой возможности.

— Это настолько редкий случай, что ради него не стоит поступаться принципом, — ответил я.

— Но такое может случиться. — Я пожал плечами, и после короткой паузы она продолжила: — Так я вам все-таки нравлюсь?

Я заметил легкую дрожь губ, чуть увлажнившиеся глаза и отругал себя за содеянное.

— Боюсь, я причинил вам боль.

— Да, это так.

— Извините. Я думал, вам все равно.

— Мне нравятся, когда люди любят меня и милы со мной.

— Я один из этих людей!

— Тогда вы должны это доказать. — И улыбка проглянула сквозь едва не пролившиеся слезы.

Я действительно вел себя крайне грубо и теперь искренне сожалел о том, что моими стараниями

на ее сияющем личике появилось облачко. Теперь я видел, как она мила и обаятельна.

— Так теперь мы добрые друзья, так? — спросила она.

— Безусловно.

— Вы сможете почаще приходить ко мне?

— Буду приходить так часто, насколько вы мне позволите, — ответил я.

Она протянула мне руку для поцелуя, и ослепительная, счастливая улыбка озарила ее лицо.

— A rivederci! — попрощалась она.

Мы пошли домой, и хозяин протянул Маттео записку от Кеччо с просьбой покинуть гостиницу и вместе со мной переселиться во дворец д'Орси. По прибытии туда мы нашли Кеччо, который нервно прохаживался по длинному коридору, украшенному картинами и статуями.

— Я рад, что ты пришел. — Он пожал руку Маттео и кивнул. — Ты должен остаться здесь. Теперь нам лучше держаться вместе. Может случиться что угодно.

— Как тебя понимать? — спросил Маттео.

— Сегодня чуть не произошла катастрофа. — Мы изумленно переглянулись, все еще не предполагая ничего дурного. Кеччо продолжил: — Он попытался арестовать меня… Джироламо! — И

затараторил, невероятно возбужденный: — Мне пришлось прийти во дворец по делам. Я нашел его в зале для аудиенций, мы начали обсуждать наши дела, и внезапно меня бросило в жар: я заметил, что в зале, кроме нас двоих, никого не осталось, замолчал на полуслове, посмотрел на Джироламо и понял, что ему не до меня: его глаза не отрывались от двери.

Кеччо замолчал. На лбу блестели капельки пота.

— И что? — в унисон спросили мы.

— Дверь открылась, и вошел командир дворцовой стражи. «Господи, — подумал я. — Я в ловушке!» «Я ждал тебя, Андреа, — сказал Джироламо. Потом повернулся ко мне и добавил: — Пойдем в кабинет нимф, Кеччо. Там лежат документы, которые я хочу тебе показать». И взял меня за руку. Я высвободился. «Прошу меня извинить, мессир. У меня очень важное и неотложное дело». Я направился к двери. Андреа смотрел на своего хозяина, и я подумал, что он преградит мне путь. Полагаю, он ждал какого-то знака, но, прежде чем успел его получить, я через открытую дверь увидел Паоло Бруни и крикнул ему: «Паоло, Паоло, подожди меня! Мне нужно срочно с тобой поговорить». После этого я знал, что мне уже

ничего не грозит. Он не посмел бы тронуть меня. Поэтому повернулся к графу, чтобы сказать: «Еще раз прошу меня извинить. Дело с Паоло — вопрос жизни и смерти», — я протиснулся мимо Андреа и вышел за дверь. Клянусь небом! Как же глубоко я дышал, вновь оказавшись на площади!

— Но ты уверен, что он собирался тебя арестовать? — спросил Маттео.

— Безусловно. А что еще?

— Андреа мог зайти случайно. Возможно, ты раздул из мухи слона.

— Меня не проведешь, — с жаром возразил Кеччо. — Их выдали лица… и вопросительный взгляд Андреа. — Теперь я точно знаю — он хочет меня убить.

— Да как он мог решиться схватить тебя?

— Он ни перед чем не останавливается, если видит перед собой цель. А потом, окажись я в его власти, что бы кто мог сделать? Я слишком хорошо знаю Джироламо. Он бы устроил суд-посмешище и приговорил бы меня к смерти. Или просто задушил бы в камере. А без меня и ты ничего бы не смог поделать. Мой отец слишком стар, и в нашей семье нет другого лидера, кроме тебя… но что бы ты сделал в одиночку?

Какое-то время мы молчали, а потом вновь

заговорил Кеччо:

— Я знаю, он хочет избавиться от меня. Он угрожал мне и раньше, но никогда не заходил так далеко.

— Я с тобой согласен, — кивнул Маттео. — Ситуация ухудшается.

— Я прежде всего волнуюсь не о себе. Что станет с моими детьми? Мой отец в безопасности: он слишком стар и беспомощен, чтобы они подняли на него руку, но мои мальчики? Катерина бросит их в темницу не моргнув глазом.

— Так что ты собираешься делать? — спросил Маттео.

— А что я могу сделать? — ответил Кеччо. — Сколько ни думал, пути к спасению не нашел. Я могу носить кольчугу, чтобы не погибнуть от удара ножа наемного убийцы, но против отряда солдат она не защитит. Я могу уехать из Форли, но тогда придется бросить все.

— Нет, ты не должен уезжать из Форли. Что угодно — только не это!

— А что мне делать? Что мне делать? — Он топнул ногой словно в отчаянии.

— Во-первых, ты нигде не должен появляться один. Тебя всегда должны сопровождать как минимум двое друзей.

— Да, я думал об этом. Но чем это все обернется? Долго так продолжаться не может. Что мне делать?

Он повернулся ко мне.

— Что думаете вы? — спросил он. — Он собирается меня убить.

— Почему бы вам его не опередить? — спокойно ответил я. — Убейте его!

— Убийство?! Я не решусь, не решусь! — нервно воскликнул Кеччо. — Я готов использовать все разумные средства, но убийство…

Я пожал плечами:

— Похоже, это всего лишь вопрос выживания.

— Нет-нет, я не хочу говорить об этом! Не хочу думать об этом! — Он вновь закружил по коридору. — Говорю вам, не буду даже думать об этом. Я не могу.

Мы с Маттео предпочли промолчать.

— Почему ты ничего не говоришь? — нетерпеливо спросил он Маттео.

— Думаю, — ответил тот.

— Не об этом. Я запрещаю тебе об этом думать. Я на такое не пойду, — гневно произнес он, а потом после паузы бросил резко и коротко, словно злился на нас и себя: — Оставьте меня!

Глава 5

Несколько дней спустя Маттео пришел ко мне, когда я одевался. Мой друг уже вернул всю одежду, которую несколько дней назад унес из моего номера в гостинице.

— Слушай, а не будет тебе стыдно появляться на людях в этом наряде? — спросил он меня. — Люди подумают, что ты донашиваешь мои обноски.

Я пропустил оскорбление мимо ушей.

— И куда ты собрался? — спросил он.

— К мадонне Джулии.

— Но ты был у нее вчера!

— Это не причина, по которой я не могу пойти к ней сегодня. Она попросила меня заглянуть к ней.

— Я уверен, этим она делает тебе одолжение. — Он помолчал, наблюдая, как я прихорашиваюсь. — Я собирал новости Форли.

— И?

— Мадонна Джулия пользуется в Форли большим успехом…

— Ты говорил с дамой, которую называешь прекрасная Клодия, — догадался я.

— Между прочим, почему ты не нанес ей визит?

— Даже не знаю, — ответил я. — А следовало?

— Ты сам рассказал мне, как она проникласъ к тебе за время вашей беседы. Так почему ты не развил наступление?

Я пожал плечами:

— Не думаю, что мне нравятся женщины, которые готовы уступить первому же штурму.

— Нет? — удивился Маттео. — А мне очень даже нравятся.

— Кроме того, она не в моем вкусе. Очень уж пышнотелая.

— Она крайне обижена твоим пренебрежением. Говорит, что ты влюбился в Джулию.

— Это абсурд, — ответил я. — Что же касается ее обиды, то я очень сожалею, но не чувствую себя обязанным бросаться в объятия каждой женщины, которая их мне раскроет.

— Я совершенно с тобой согласен. Что она, что Джулия, обе хороши. Мне сказали, что последний любовник Джулии — Эмтроджио делла Трекка. Однажды его чуть не застукал старик Бартоломео, так что ему пришлось вылезать через окно и демонстрировать трюки, достойные профессионального акробата, чтобы добраться до земли

целым и невредимым.

— Едва ли я поверю сплетням, которые рассказывают об этой достойной женщине.

— Уж не влюбился ли ты в нее? — тут же спросил Маттео.

Я рассмеялся:

— Разумеется, нет. Но все же…

— Это нормально, потому что она, о чем ты, конечно же, знаешь, известна в городе своей легкомысленностью. Среди ее любовников не только дворяне. Многие наслаждались ее благосклонностью.

— Не очень-то она похожа на Мессалину, — фыркнул я.

— Если честно, Филиппо, я думаю, что на самом деле она чуть лучше уличной шлюхи.

— Ты к ней крайне снисходителен, — ответил я. — Возможно, что ты относишься к ней предвзято, потому что тебе не удалось добиться взаимности? А кроме того, ее характер для меня значения не имеет. Мне безразлично, хорошая она или плохая. С ней приятно проводить время, и меня это более чем устраивает. Она же не собирается стать моей женой.

— Она может сделать тебя очень несчастным; и ты будешь не первым.

— Какой же ты дурак! — В моем голосе слышались нотки злости. — Из того, что я вижусь с этой женщиной, ты, похоже, делаешь вывод, что я умираю от любви к ней. Это абсурд!

Я ушел и скоро добрался до дворца Эсти, где меня ждала донна Джулия. После приезда в Форли я виделся с ней чуть ли не каждый день, потому что она действительно мне нравилась. Естественно, я в нее не влюбился, как предположил Маттео, и не испытывал ни малейшего желания впасть в это жалкое состояние. Я находил Джулию очаровательно простодушной, разительно отличающейся от того монстра разврата, каким ее представляли в городе. Как я понимал, ей было года двадцать три или двадцать четыре, но вела она себя как девочка, веселая и беспечная, всегда готовая рассмеяться, но при этом в следующее мгновение уже могла оказаться на грани слез из-за сущего пустяка. Однако ласковое слово или комплимент заставляли ее тут же забыть об огорчении, и она уже вновь улыбалась. Она казалась такой изящной, такой хрупкой, такой легкой, что требовала самого деликатного обхождения. Я просто не мог представить себе, что кто-то решится сказать ей в лицо какую-нибудь грубость.

Ее глаза вспыхнули, когда она увидела меня.

— Как давно вас здесь не было. Я уже думала, что вы никогда не придете.

Она всегда так радовалась гостю, что создавалось впечатление, будто пришедший — единственный, кого она хотела бы видеть рядом с собой. Я знал, что это притворство, но как обаятельно умела она притворяться!

— Подойдите и присядьте рядом со мной. — Она подвинулась, освобождая место, а когда я сел, прильнула ко мне, как ребенок, словно ища защиты. — А теперь расскажите мне, чем вы занимались.

— Разговаривал с Маттео, — ответил я.

— О чем?

— О вас.

— Расскажите мне, что он сказал.

— Ни одного доброго слова, дорогая моя, — рассмеялся я.

— Бедный Маттео! — воскликнула она. — Он такой неуклюжий и неотесанный, сразу видно, что половину жизни он провел в армейских лагерях.

— А я? Я вел такую же жизнь, что и Маттео? Я неуклюжий и неотесанный?

— Ох нет, вы совсем другой. — В ее взгляде читалось восхищение.

— Маттео рассказал мне множество сплетен

о вас.

Она чуть покраснела:

— Вы поверили?

— Я ответил, что меня не волнует, правда это или нет.

— Но вы поверили? — настаивала Джулия.

— Если вы скажете, что это ложь, я вам поверю.

Озабоченность на ее лице сменилась ослепительной улыбкой.

— Разумеется, это ложь.

— Как вы прекрасны, когда улыбаетесь, — вдруг вырвалось у меня. — Вам всегда надо улыбаться.

— Я и улыбаюсь… вам. — Она замолчала, обдумывая, стоит ли продолжать этот разговор, но потом все-таки решилась: — Маттео говорил вам, что однажды ухаживал за мной, и очень рассердился, когда я не подобрала носовой платок, который он соблаговолил уронить?

— Он упоминал об этом.

— Боюсь, с тех пор он не сказал обо мне ни одного доброго слова.

Мне в голову уже приходила мысль о том, что Маттео затаил зло на донну Джулию, поэтому ее версия представлялась мне более убедительной.

— Он умолял меня не влюбляться в вас, — при-

знался я.

Она рассмеялась:

— Клаудия Пьячентини рассказывает всем, что это уже случилось, и она ужасно ревнует.

— Правда? И Маттео убежден, что я влюблен в вас.

— А вы? — внезапно спросила она.

— Нет! — с нарочитой напыщенностью ответил я.

— Brutta bestia! — воскликнула она, тут же отодвинулась от меня и надула губки.

— Я очень сожалею, — со смехом продолжил я, — но ничего не могу с этим поделать.

— Я думаю, с вашей стороны это ужасно.

— У вас так много воздыхателей, — попытался урезонить ее я.

— Да, но я хочу, чтобы их было еще больше. — Она улыбнулась.

— Но какой вам прок от того, что все эти мужчины влюблены в вас?

— Не знаю, но приятно это осознавать.

— Какое же вы еще дитя! — со смехом воскликнул я.

Она наклонилась ко мне, лицо стало серьезным.

— Но вы совершенно меня не любите?

Я покачал головой. Она вновь подсела ко мне, вплотную, так, что ее волосы касались моей щеки, и я почувствовал дрожь по всему телу. Я посмотрел на ее ушко идеальной формы, полупрозрачное, как розовая раковина. Подсознательно, не отдавая себе отчет в том, что делаю, я его поцеловал. Она притворилась, будто и не заметила, я же пришел в полнейшее замешательство, почувствовав, как густо краснею.

— Вы совершенно уверены? — спросила она по-прежнему серьезно.

Я вскочил (глупо, конечно), злясь на себя.

— Когда я снова увижу вас?

— Завтра я собираюсь на исповедь. Будьте в Сан-Стефано в десять утра, и мы сможем поговорить в церкви после того, как я закончу.

Глава 6

В последние два дня Форли бурлил: в городе стало известно, что крестьяне из владений графа отправили ему петицию с требованием отменить некоторые налоги, которые легли таким тяжелым бременем, что земля приходила в запустение. Хозяева распускали наемных работников, дома разваливались, в некоторых районах не хватало зерна для весеннего сева, и поля зарастали сорняками. Результатом стал голод, и если в прошлом году сельские жители с трудом, но смогли уплатить налоги, то в этом поняли, что такой возможности у них нет. Джироламо прислушался к их аргументам, понимая, что они правы. После совещания со своими советниками он решил отменить самые разорительные налоги, но при этом столкнулся с тем, что казна практически пуста и покрыть расходы грядущего года нечем.

Сельские жители заплатить не могли, но деньги все равно были нужны. Граф обратил свой взор на город и нашел его богатым и процветающим, но не решился по собственной инициативе увеличить налоговое бремя горожан. Он созвал совет,

обрисовал текущее положение дел и спросил у старейшин, что они думают по этому поводу. Никто не шевельнулся и не заговорил. Наконец Антонио Ласси, ставленник графа, который попал в совет его стараниями, ранее занимая куда более скромную должность, поднялся и огласил план, который ранее изложил ему Джироламо. Идея состояла в том, чтобы компенсировать налоги, собираемые с селян, налогом на некоторые продукты, прежде от него освобожденные. Джироламо ответил заготовленной речью, выражая нежелание поднимать стоимость продуктов первой необходимости, и попросил нескольких наиболее влиятельных членов совета высказать свое мнение. Совет отреагировал на выступление Антонио Ласси молчанием, зато на ответ Джироламо — аплодисментами. Все соглашались с ним, что таких налогов быть не должно. Затем граф изменил тон. Сказал, что это единственный способ добыть деньги и, распаляясь все больше от вида их угрюмых лиц и молчания, сообщил им, что подпишет этот указ и без их санкции. Потом после короткой паузы пожелал узнать их ответ. Члены совета переглянулись. Побледневшие, но настроенные решительно, ответили ему один за другим:

— Нет… нет… нет… нет!..

Антонио Ласси перетрусил и вообще не решился открыть рот. Граф, выругавшись, стукнул кулаком по столу и прорычал:

— Я намерен показать, что правитель здесь я, и вам придется смириться, что моя воля — закон.

На этом он распустил совет.

Когда горожане узнали новости, они пришли в необычайное волнение. Все претензии к графу, которые раньше выражались крайне осторожно и шепотом, теперь выкрикивались на ярмарочной площади, там же звучали жалобы на расточительность графини. Горожане собирались кучками, жарко обсуждали предполагаемое увеличение налогов, время от времени раздавались угрозы. Все это напоминало бунт.

На следующий день главного сборщика налогов едва не разорвали на куски, когда он шел во дворец графа, так что из дворца он вышел уже в сопровождении отряда солдат. Антонио Ласси везде встречали проклятиями и улюлюканьем, а когда он попался на глаза Кеччо д’Орси в крытой галерее на площади, тот прилюдно отчитал его, как мальчишку. Эрколе Пьячентини вмешался, и ссора чуть не переросла в драку, но Кеччо, с трудом сдержавшись, удалился, прежде чем в ход

пошли кулаки или мечи.

Покинув донну Джулию, я неспешно направился к центральной площади и обнаружил, что страсти кипят, как и в предыдущие дни. Тут и там горожане собирались группами, жадно слушая очередного возбужденного оратора. Никто, похоже, не работал. Лавочники стояли у дверей и переговаривались друг с другом. Люди бродили по площади, присоединяясь то к одной, то к другой группе.

Внезапно наступила тишина. На площади появилась Катерина. Все взгляды обратились к ней. Как и всегда, она была в роскошном наряде. Драгоценные камни сверкали на ее пальцах, запястьях, шее, поясе, головном уборе. Графиню сопровождали несколько придворных дам и трое солдат. Толпа расступилась, освобождая Катерине проход, и она гордо вышагивала между двумя рядами людей, вскинув голову, словно не замечала прикованных к ней взглядов. Несколько мужчин угодливо сняли шляпы, но остальные и не думали проявлять учтивость. Воцарилось молчание, если кто и ругался, то шепотом, себе под нос. Катерина пересекла площадь и вошла в ворота дворца. Тут же раздался рев толпы и, казалось, застывший воздух взорвался громом

проклятий. Как только не честили графиню, какими грязными словами не обзывали. А ведь шестью годами раньше, когда она проходила по улице, люди бросали все дела, чтобы посмотреть на нее с радостью в сердце и благословением на устах. Они клялись, что готовы за нее умереть. Впадали в экстаз от ее красоты.

Я пошел домой, думая обо всем этом и о донне Джулии, вспоминая случайный поцелуй. Я задавался вопросом, а что она обо мне подумала… это очаровательное существо, и радовался, что завтра увижу ее вновь. Мне нравилась ее искренняя набожность. Она постоянно ходила к мессе, и однажды, когда я увидел Джулию в церкви, меня потрясли ее благочестие и преданность вере. Она часто исповедовалась. Оставалось только удивляться людям, которые могли поверить, что она…

Добравшись до дворца д'Орси, я обнаружил, что там царит то же возбуждение, что и на площади. Джироламо узнал о ссоре в галерее и послал за Кеччо, чтобы узнать его мнение о новом налоге. Аудиенцию назначили на одиннадцать утра следующего дня, а поскольку Кеччо больше никуда не ходил в одиночку, Шипионе Моратини, второго брата Джулии, и меня определили ему в

сопровождающие. Маттео пойти не мог из опасения, что присутствие двух наиболее значимых членов семьи вызовет у графа искушение решить вопрос радикальными средствами.

На следующее утро я пришел в церковь Сан-Стефано в половине десятого, и, к моему удивлению, Джулия уже ждала меня.

— Я не думал, что вы так быстро покинете исповедальню. — Я поклонился. — Или на этой неделе вы практически не грешили?

— Я не пошла на исповедь, — ответила она. — Шипионе сказал мне, что он с вами должен сопровождать Кеччо во дворец, и я подумала, что вам придется рано уйти, вот и отложила исповедь.

— Вы предпочли землю и меня небесам и достопочтенному отцу?

— Вы знаете, что ради вас я готова и на большее.

— Колдунья!

Она взяла меня за руку:

— Пойдемте, пойдемте и посидим в одной из часовен трансепта[14]. Там спокойно и темно.

---

[14] Примечания: 14

Поперечный неф в базиликальных и крестообразных в плане храмах, пересекающий под прямым углом основной (продольный) неф и выступающий концами из общей массы сооружения.

В часовне царила восхитительная прохлада. Свет проникал сквозь цветное стекло, окрашивая мрамор оттенками красного и пурпурного, в воздухе стоял легкий аромат благовоний. И в этой обстановке Джулия показалась мне еще прекрасней. Ее каштановые волосы, подсвеченные красным, стали еще роскошнее. Я попытался хоть что-то сказать и не смог: от восторга перехватило дыхание. Просто сидел и смотрел на нее, а аромат ее тела смешивался с благовониями.

— Почему вы молчите? — спросила она.

— Извините. Мне нечего сказать.

Она рассмеялась:

— Расскажите мне, о чем вы думаете.

— Я не решусь, — ответил я.

Она смотрела на меня, ожидая продолжения.

— Я думаю, что вы ослепительно красивы.

Она повернулась ко мне, наклонилась вперед, и ее лицо оказалось рядом с моим, взгляд был томным и сладостным. Мы сидели не разговаривая, и голова у меня пошла кругом.

— Я должен идти, — нарушил я молчание.

— Да, — ответила она, — но приходите вечером и расскажите, что произошло.

Я пообещал и поинтересовался, не проводить ли мне ее в другую часть церкви.

— Нет, оставьте меня здесь, — ответила Джулия, — тут так хорошо и тихо. Я посижу и подумаю.

— О чем? — спросил я.

Она не ответила, но так улыбнулась, что я понял ее ответ.

Глава 7

Я поспешил к дворцу д'Орси и обнаружил, что Шипионе Моратини прибыл первым. Мне он нравился уже потому, что являлся родным братом Джулии, но и сам был очень приятным в общении человеком.

Оба брата походили на Джулию тонкими чертами лица, привлекательностью, умением очаровывать, в чем могли соперничать с женщинами. От красавицы матери — по слухам, достаточно легкомысленной — братьям досталась галантность, благодаря которой они наводили ужас на всех мужей Форли, а Джулии — кокетство, служившее источником стольких сплетен. Их отец, Бартоломео, разительно отличался от своих детей. Сдержанный и суховатый, лет шестидесяти, строгий и гордый, он передал и братьям, и Джулии только обаятельную улыбку, но сам улыбался крайне редко. Мне больше всего нравилась в нем слепая любовь к дочери. Он с радостью выполнял ее капризы и, если они оказывались рядом, так трогательно, с такой нежностью во взгляде следил за каждым ее движением. Он,

разумеется, не слышал ни слова из тех сплетен, что рассказывали о дочери, и я, как мне представлялось, черпал веру в Джулию от него.

Мы с Шипионе успели немного поболтать, прежде чем появился Кеччо, и уже втроем направились к дворцу графа. Жители Форли знали все, так что миссия Кеччо не была для них тайной. По пути они тепло приветствовали нас, желая удачи, и Кеччо, сияя от радости, благодарил их за теплые слова.

Нас проводили в зал заседаний, где присутствовали члены совета, многие известные горожане, и несколько придворных. Вскоре распахнулась золоченая двустворчатая дверь и в зал вошел Джироламо, как всегда, роскошно одетый, сопровождаемый свитой и солдатами. Охранники остались и в коридоре. Граф грациозно раскланялся, направился к трону и величественно сел. Придворные ответили на приветствие, но горожане держались сурово, нисколько не растроганные галантностью Джироламо.

После короткой паузы граф поднялся и произнес короткую речь, в которой расхваливал мудрость, знания и патриотизм Кеччо, сказал, что слышал о его споре с Антонио Лисси о восстановлении прежних налогов, и пригласил Кеччо сюда,

чтобы выслушать его мнение на сей предмет. В ответ придворные дружно захлопали. И тут же в боковых стенах открылись двери, через которые в зал вошли новые солдаты. Горожане встревоженно переглянулись. С площади донесся звук трубы и топот солдатских сапог. Джироламо выдержал театральную паузу, а затем продолжил:

— Хороший правитель не должен идти против свободно выраженной воли своих подданных. И хотя я могу отдать приказ, ибо поставлен здесь на правление наместником Христа и обладаю абсолютной властью над вашей жизнью и состоянием, моя любовь и привязанность к вам столь велика, что я не считаю зазорным спрашивать у вас совета.

Придворные шепотом принялись восторгаться столь безграничным великодушием, вновь заиграли трубы, и в воцарившейся тишине все услышали долетающие с площади команды офицеров, тогда как солдаты, стоявшие у стен и в проходах, клацали мечами и шпорами.

Кеччо, бледный, поднялся со своего места. Казалось, он взвешивает все за и против. Я задался вопросом, а не произвели ли солдаты тот самый эффект, которого и добивался Джироламо. Потом Кеччо заговорил, спокойно, выверенными пред-

ложениями, не оставляя сомнений в том, что речь тщательно подготовлена.

Он упомянул о теплых чувствах, которые питал к Джироламо, о взаимной дружбе, помогавшей преодолевать преграды, заверил графа в безусловной верности, напомнил о любви народа к своему правителю, о том, что и люди чувствовали любовь графа. Нарисовал картину всеобщего ликования в Форли, когда граф впервые приехал сюда и горожане с энтузиазмом приветствовали его и Катерину.

Послышались аплодисменты, главным образом со стороны придворных. Кеччо помолчал, показывая, что преамбула закончилась, и он готовится перейти к основной части своей речи. И в зале повисла тишина, все смотрели на Кеччо, каждый мысленно спрашивал себя: «А что он скажет?» Джироламо наклонился вперед, опираясь подбородком на руку, на лице читалась озабоченность. Я даже подумал, а не сожалеет ли он о том, что организовал это собрание.

Наконец Кеччо заговорил:

— Джироламо, селяне недавно прислали вам петицию, в которой описали понесенные убытки от дождей, ураганов и голода, пожаловались на бедность, тяжелую жизнь, непосильные нало-

ги. Они молили вас приехать и посмотреть на незасеянные поля и разваливающиеся дома, на них самих, погибающих на обочине дорог, голых, босых и голодных, на младенцев, которых матери не могут напоить своим молоком, на умерших, лежащих непогребенными под развалинами их домов. Они просили вас приехать и посмотреть на пришедшую в запустение землю, они умоляли вас помочь, пока еще есть время, и снять с их плеч непосильную ношу, которую вы на них возложили.

Вы проявили жалость, и теперь земля улыбается, люди очнулись от смертельной спячки, пробудились к новой жизни, и все молятся и прославляют своего великолепного правителя, Джироламо Риарио.

И мы, мой господин, присоединяемся к этим благодарностям и хвале, ибо те, кому вы дали новую жизнь, наши кузены и братья, наши соотечественники.

И что за этим могло последовать? Члены совета вопросительно переглядывались. Мог ли Кеччо прийти к соглашению с графом и что за комедию они ломали? Джироламо тоже ничего не мог понять: уже долгое время похвалы он слышал только от придворных.

— Восемь лет назад, став правителем Форли, вы сразу увидели, что город задыхается под тяжестью налогов, введенных Орделаффи. В упадок пришли и ремесла, и торговля. Никто не мог ни купить, ни продать. Все перестали и пытаться. Город словно умирал от чумы. Улицы пустовали. Редкие пешеходы брели, опустив голову. Да и жителей становилось все меньше. Не чувствовалось ни движения, ни жизни. Еще несколько лет, и Форли превратился бы в город мертвых. Но пришли вы, а с вами и жизнь, потому что первым делом вы отменили самые тяжелые налоги. Как лук, разгибаясь, придает огромную скорость стреле, если отпустить тетиву, так и Форли разогнулся, освобожденный от тяжелой ноши. Богиня достатка поселилась в нашем краю, солнечный свет сменил бушующую грозу, везде забурлила жизнь. Купцы привозили товары, лавочники их продавали, смеясь и с радостью в сердце. Каменщик, плотник, кузнец вернулись к работе, и по городу разносились удары молотков и стук топоров. Новости о добром правителе распространялись быстро, и в город потянулись мастера золотых и серебряных дел, художники, скульпторы. Деньги переходили из рук в руки, и при этом количество их магическим образом возрастало.

Все лица сияли счастьем. Подмастерье пел, когда работал, везде царили веселье и радость. Форли получил известность как дом света. По всей Италии говорили о здешних пирах и празднествах, и каждый горожанин гордился тем, что он из Форли. И везде молились и благословляли самого лучшего и великолепного правителя, Джироламо Риарио.

Кеччо вновь замолчал. Слушатели уже начали понимать, к чему он клонит, но не решались даже подумать о том, что он озвучит их мысли.

— А потом вы вернули часть налогов, которые ранее сняли, — продолжил Кеччо.

— Это ложь! — прервал его Джироламо. — Налоги вернул совет!

Кеччо пожал плечами, иронично улыбнулся:

— Я хорошо помню, как все происходило. Вы созвали старейшин, объяснили ваши трудности и предложили вернуть налоги. Я только забыл, напомнили ли вы, что можете просто отдать приказ, раз уж править городом вас назначил наместник Христа на земле. А теперь вы предлагаете нам слушать звуки труб и топот солдат на площади? Не думал, что такое количество охранников в зале заседаний унижает ваше достоинство.

Он оглядел солдат, задумчиво поглаживая

бороду.

— Продолжай! — нетерпеливо воскликнул Джироламо, начавший злиться.

Кеччо, пока говорил, обрел уверенность, которая поначалу вроде бы покинула его. Он вежливо улыбнулся на возглас графа.

— Я сразу же перехожу к главному. Вы вновь ввели налоги, которые сами же и отменили, то есть отняли дарованные вами же блага. Город скоро почувствует эффект этих изменений. Его процветание уже подорвано, и не вызывает сомнений, что через несколько лет город придет в то самое состояние, в котором вы его и нашли. И кто знает, возможно, все будет даже хуже, чем в прошлый раз.

А теперь вы предлагаете горожанам оплачивать те налоги, которые вы сняли с крестьян. Вы послали за мной, чтобы узнать мое мнение на этот счет, и сейчас вы его узнаете.

Откажитесь от увеличения налоговых сборов. Во имя народа я умоляю вас отменить налоги, которые вы ввели вновь четырьмя годами раньше, и вернуться к тому счастливому состоянию, в котором пребывал город в первые годы вашего правления. — На мгновение он замолчал, протянув руку к графу, потом торжественно добавил:

— Или Джироламо Риарио, великолепный правитель Форли, может разделить судьбу семьи Орделаффи, которые правили городом два столетия, а теперь в поисках пристанища.

Присутствующие ахнули. Всех потрясла отвага Кеччо. Джироламо застыл на троне. Его глаза расширились, лицо стало пунцовым. От ярости он, похоже, потерял дар речи. Пытался заговорить, но слова застревали в горле, и с губ срывались только нечленораздельные звуки. Солдаты и придворные удивленно переглядывались. Они не знали, что делать или думать. Смотрели на своего господина, но он ничем не мог им помочь. И горожане пребывали в недоумении, попеременно испытывая удивление, ужас, страх, удовольствие. Они не могли понять…

— О, Джироламо! — продолжил Кеччо, не обращая внимания на поднявшийся в зале шум. — Я говорю все это не из неприязни к вам. Выйдите к своим подданным и взгляните на их беды собственными глазами. Не верьте тому, что говорят вам придворные, не ведите себя так, будто город, которым вы управляете, захвачен у врага и его можно грабить в свое удовольствие. Вы поставлены над нами, чтобы оберегать нас от опасностей и помогать в наших нуждах.

Вы здесь чужак и не знаете этих людей, как знаю их я. Они могут быть верными, мирными, покорными, но не отнимайте у них денег, заработанных тяжелым трудом, или они поднимутся против вас. Форли никогда не поддерживал угнетателей, и если вы попытаетесь поработить граждан, берегитесь их гнева. Неужели вы думаете, что эти солдаты пойдут против народа? Вы так уверены в своих солдатах? Они выступят на вашей стороне против своих отцов и братьев, против своих детей?

— Замолчи! — Джироламо вскочил с трона, угрожающе вскинув руку. Он кричал, чтобы заглушить голос Кеччо. — Замолчи! Ты всегда был настроен против меня, Кеччо. Ты ненавидел меня, потому что я превзошел тебя в щедрости. Между мной и моими подданными никогда не возникало трений, но ты начал настраивать их против меня!

— Вы лжете! — воскликнул Кеччо.

— Я знаю тебя, Кеччо, и твою гордыню! Как Сатана пал из-за гордыни, так, возможно, падешь и ты, несмотря на свои богатства и власть. Ты думал, что ты мне ровня, а теперь, осознав, что я твой правитель, оскаливаешь зубы и проклинаешь меня. И, клянусь Богом, убьешь меня, если

сможешь!

Хладнокровие оставило Кеччо, он замахал руками, закричал на Джироламо:

— Я возненавидел тебя, потому что ты стал тираном города. Разве все эти люди не мои братья, не мои друзья? Разве мы с детства не жили вместе, как раньше жили наши отцы и деды? И ты думаешь, я отношусь к ним так же, как и к тебе — чужаку? Нет и нет. Я ничего не говорил, пока ты брал деньги у богатых. Ты знаешь, какие суммы я одалживал тебе, и все по доброй воле. Мне не нужно от тебя и ломаного гроша — можешь оставить все. Но раз уж ты начал отбирать у нас последнее, раз взялся за бедняков и нуждающихся, чтобы отбирать то малое, что у них есть, я уже не могу молчать. Ты не должен облагать сборами этих людей! А для чего тебе понадобились их деньги? Для твоей безмерной, просто безумной расточительности, чтобы строить новые дворцы, чтобы облачаться в роскошные наряды, чтобы скупать бриллианты и драгоценные камни для своей жены.

— Не трогай мою жену, — прервал его граф.

— Чтобы ты мог сыпать золото в руки паразита, который сочиняет тебе хвалебный сонет. Ты приходил к нам и просил денег. Мы давали их тебе, а

ты транжирил их на балы и гулянки. Этот наряд, который сейчас на тебе, сшит из наших богатств. Но ты не имеешь права брать у людей деньги для таких низменных целей. Ты не их господин, ты их слуга, их деньги — не твои, а вот твои — их. Твой долг перед Богом — защищать их, а вместо этого ты их грабишь.

— Замолчи! — взорвался Джироламо. — Не желаю больше тебя слушать. Ты оскорбил меня, как не оскорблял никто, и этот поступок не останется безнаказанным. Ты считаешь себя всемогущим, Кеччо, но, клянусь Богом, ты узнаешь, у меня могущества побольше твоего! А теперь уходите вы все! С меня хватит. Уходите! — Он нетерпеливо махнул рукой, а потом, с перекошенным от ярости лицом, вскочил с трона и выбежал из зала.

Глава 8

Придворные последовали за своим господином, но солдаты остались, застыв в нерешительности. Эрколе Пьячентини посмотрел на нас, потом что-то вполголоса сказал капитану стражи. Я подумал, что они обсуждали незамедлительный арест Кеччо, и Джироламо такая их решительность, несомненно, понравилась бы, но Кеччо окружали друзья и, чего бы ни хотелось Эрколе и капитану стражи, они не посмели реализовать свои желания, потому что Эрколе первым покинул зал заседаний, а за ним, подчиняясь приказу, последовали и солдаты, похожие на свору побитых собак.

Тут уж радость друзей Кеччо выплеснулась из берегов. Я и сам, едва он закончил говорить, пожал ему руку со словами «Отличная работа».

Теперь он стоял среди горожан, счастливый, гордясь впечатлением, которое произвела его речь, и тяжело дышал. Успех опьянил его.

— Друзья мои, — ответил он на звучащие со всех сторон похвалы, и голос его чуть дрожал, чувствовалось, что говорит от чистого серд-

ца, — что бы ни случилось, я буду продолжать отстаивать ваши права, и я готов отдать жизнь за справедливость и свободу.

Тут у него перехватило дыхание от нахлынувших эмоций, и продолжить он не смог.

Одобрительные крики зазвучали с новой силой, а потом людям, похоже, стало тесно в стенах зала заседаний, и они выплеснулись на площадь. Там еще точно не знали, что произошло во дворце, но им уже стало известно, что Кеччо выступил против графа, и тот, разозлившись, покинул совещание. Удивительные слухи распространялись в толпе. Одни говорили, что уже засверкали мечи и чуть не началась битва. Другие — что граф попытался арестовать Кеччо. Третьи — что арестовал и бросил в подземную темницу. Все это только будоражило толпу.

Когда появился Кеччо, толпа взорвалась громкими криками «Браво!», «Отличная работа!» — послышалось со всех сторон. Охватившее толпу возбуждение нарастало с каждой минутой. Люди обезумели. Распиравшая их энергия требовала выхода. Одно слово, и они штурмом взяли бы дворец графа или разнесли бы здание, которое занимали сборщики налогов. Разгоряченная толпа окружила нас, не давая пройти. Бартоломео

Моратини протолкался к Кеччо.

— Быстро успокой их, а не то будет поздно.

Кеччо сразу все понял.

— Друзья, — обратился он к окружавшим его горожанам, — позвольте мне пройти и, ради Бога, возвращайтесь к прерванной работе. Позвольте мне пройти!

Толпа расступилась перед ним, освобождая проход, люди по-прежнему кричали, вопили, жестикулировали. Когда мы подошли к воротам дворца д'Орси, Кеччо повернулся ко мне.

— Клянусь Богом, Филиппо, вот она, настоящая жизнь! Эти дни я никогда не забуду!

Толпа довела его до самых дверей и не желала расходиться. Кеччо пришлось появиться на балконе и поклониться, выражая свою признательность. Я видел, что голова у него шла кругом. Он побледнел и ничего не соображал от счастья.

Наконец люди разошлись и мы вернулись в дом. В гостиной Кеччо помимо Маттео и меня присутствовали Бартоломео Моратини с двумя сыновьями, Фабио Олива и Чезаре Нокки, оба родственники Кеччо по материнской линии. Мы не находили себе места и, переполненные волнением, обсуждали только что произошедшие события. Один Бартоломео сохранял сдержан-

ность и спокойствие. Маттео, пребывавший в превосходном настроении, повернулся к нему.

— Почему вы такой молчаливый, мессир Бартоломео? — спросил он. — Вы похожи на скелет на банкете.

— Вопрос очень серьезный, — ответил тот.

— Почему?

— Почему? Святой Боже, ты считаешь, что ничего не произошло?

Мы оборвали разговор и окружили его, словно внезапно прозрели.

— Мы сожгли корабли, — продолжил он, — и должны атаковать… должны!

— О чем ты? — спросил Кеччо.

— Ты думаешь, Джироламо сделает вид, будто ничего не произошло? Ты, должно быть, сошел с ума, Кеччо!

— Скорее да, чем нет, — последовал ответ. — Успех ударил мне в голову. Продолжай.

— Джироламо осталось только одно. Ты публично выступил против него и шел по улицам, как триумфатор, под приветственные крики людей. Они восторженно встретили твое появление на балконе. Джироламо видит в тебе врага, и тебе известно, обезопасить себя от врага можно лишь единственным способом.

— И это?.. — начал Кеччо.

— Смерть! — закончил за него Бартоломео. Мы на мгновение онемели, так что Бартоломео продолжил: — Он не может позволить тебе остаться в живых. Он угрожал тебе раньше, а теперь должен реализовать свои угрозы. Берегись!

— Я знаю, — кивнул Кеччо. — Меч занесен над моей головой. Но он не решится арестовать меня.

— Может, подошлет наемного убийцу. Ты должен выходить из дома только с охраной.

— Я так и делаю и еще ношу кольчугу. Страх перед наемным убийцей преследует меня уже несколько недель. Господи, это ужасно! Я готов встретиться в открытом поединке с любым противником. Храбрости у меня ничуть не меньше, чем у любого другого. Но жить в ожидании удара из-за угла! Клянусь, от этого ожидания нетрудно превратиться в труса! Я не могу обогнуть угол, не подумав, что за ним меня поджидает смерть. Ночью я не могу пройти темным коридором, не опасаясь, что впереди затаился убийца. Я вздрагиваю при каждом звуке, будь то захлопнувшаяся дверь или скрип половицы. По ночам я просыпаюсь с криком, весь в поту. Я этого не вынесу. Что мне делать?

Маттео и я переглянулись: нам в голову пришел один и тот же ответ. Заговорил Бартоломео:

— Опередить его!

Мы оба вздрогнули, потому что подумали о том же.

— И ты туда же! — вскричал Кеччо. — Эта мысль преследует меня ночью и днем! Опередить его! Убить его! Я не решаюсь даже подумать об этом. Я не могу его убить.

— Ты должен, — гнул свое Бартоломео.

— Надеюсь, нас никто не слышит, — вставил Олива.

— Дверь плотно закрыта.

— Ты должен, — повторил Бартоломео. — Другого пути у тебя не осталось. Более того, ты должен поторопиться — тянуть с этим нельзя. На кон поставлена жизнь всей семьи. Его не устроит только твоя смерть. После тебя он достаточно легко найдет повод избавиться от нас.

— Ради Бога, что ты такое говоришь, Бартоломео! Это предательство.

— А чего ты боишься?

— Нет, мы не должны идти на убийство. Это всегда плохо заканчивается. Во Флоренции перебили всех Падзи, Сальвиати повесили, а Лоренцо по-прежнему на коне, тогда как кости заговорщиков

гниют в неосвященной земле. И в Милане после убийства герцога не спасся ни один из убийц.

— Они повели себя как глупцы. Мы не допустим ошибок, как во Флоренции. Народ с нами, и мы не ударим в грязь лицом.

— Нет-нет, этому не бывать.

— Говорю тебе, ты должен. Только так мы обезопасим себя.

Кеччо в тревоге оглядел нас.

— Нам можно полностью доверять, — заверил его Олива. — Не бойся.

— И что вы об этом думаете? — спросил Кеччо. — Я знаю, что думаете вы, Филиппо, и ты, Маттео.

— Я согласен с отцом! — воскликнул Шипионе.

— И я! — откликнулся его брат.

— И я!

— И я!

— Вы все заодно, — кивнул Кеччо. — Вы все хотите, чтобы я его убил.

— Это справедливо и законно.

— Помните, он был моим другом. Я помогал ему прийти к власти. Когда-то мы были близки как братья.

— Но теперь он твой смертельный враг. Он точит секиру для твоей головы и убьет тебя, если

ты не опередишь его.

— Это предательство. Я не могу!

— Если человек кого-то убивает, его убивает закон. Это всего лишь возмездие. Когда человек пытается отнять чью-то жизнь, закон разрешает тому, на кого покушались, убить нападающего, и это самозащита. В мыслях Джироламо уже убил тебя — и в этот самый момент он, возможно, уточняет детали твоего реального убийства. Тебе нужно забрать его жизнь, чтобы защитить свою и наши.

— Бартоломео прав, — кивнул Маттео.

Одобрительный гул показал, что и остальные того же мнения.

— Но подумай, Бартоломео, — Кеччо по-прежнему не хотел допускать убийства, — у тебя седина на волосах, тебе осталось не так уж много времени до смерти; если ты убьешь этого человека, что будет потом?

— Клянусь тебе, Кеччо, ты станешь исполнителем воли Божьей. Разве граф не угнетал народ? Почему он уверен, что имеет на это право? Из-за него мужчины, женщины, дети умирали от голода, безысходности, страданий, тогда как он ел, пил и веселился.

— Решай, Кеччо. Ты должен дать нам приказ, —

вновь поддержал Бартоломео Маттео. — Джироламо принес много бед. По законам чести и справедливости он должен умереть. И он должен умереть ради нашего спасения.

— Вы сводите меня с ума, — простонал Кеччо. — Вы все против меня. Вы правы в том, что говорите, но я не могу… Господи, я не могу! — Бартоломео хотел заговорить вновь, но Кеччо его остановил: — Нет-нет, ради Бога, больше ничего не говори. Оставьте меня одного. Я хочу посидеть в тишине и подумать.

Глава 9

В десять вечера я пришел во дворец Эсти. Слуга, который позволил мне войти, сообщил, что донна Джулия у отца и он не знает, когда она вернется. Я ощутил горькое разочарование. Весь день мечтал о том, что увижу ее вновь: наша встреча в церкви была такой короткой. Слуга смотрел на меня, ожидая, что я уйду, но желание увидеться с ней пересилило, и я сказал, что подожду.

Меня провели в комнату, которую я уже так хорошо знал, и я сел в кресло Джулии. Положил голову на то место, где к спинке прижимались ее прекрасные волосы, вдохнул едва уловимый аромат.

Ожидание было томительным.

Мое воображение рисовало Джулию, сидящую в этом самом кресле. Я видел прекрасные, нежные карие глаза, алые губы, их изящный изгиб. Лук Купидона срисовали с таких же губ.

Снизу донесся какой-то шум. Я подошел к двери, прислушался. Сердце гулко билось. Пришел кто-то другой, и я, расстроенный, вернулся к креслу. Мне казалось, что я прождал несколько часов,

и каждый длиной в день. Неужто она никогда не придет?

Наконец-то! Дверь открылась, и она вошла — такая прекрасная. Протянула мне обе руки для поцелуя.

— Извините, что вам пришлось ждать, но я ничего не могла поделать.

— Я бы прождал сто лет, чтобы увидеть вас на час.

Она села, а я устроился у ее ног.

— Расскажите мне обо всем, что сегодня произошло.

Я выполнил ее просьбу. Во время моего рассказа глаза Джулии засверкали, щеки раскраснелись. Я не знаю, что на меня нашло. Я словно впадал в экстаз и при этом не мог вдохнуть. Неожиданно мною овладело желание заключить Джулию в объятия и целовать снова и снова.

— Как вы прекрасны. — Я встал.

Она не ответила, но смотрела на меня улыбаясь. Ее глаза влажно блестели, грудь вздымалась.

— Джулия! — Я обнял ее одной рукой, второй обхватил ее ладони. — Джулия, я тебя люблю.

Она наклонилась ко мне, вскинула голову, а потом… потом я сжал ее в объятиях, покрывая губы поцелуями. Господи! Я обезумел, никогда раньше

не испытывал такого счастья. Ее прекрасный рот, такой мягкий, такой маленький, я едва мог дышать, переполненный счастьем. Как же мне хотелось умереть в тот миг! Джулия! Джулия!

Пропел петух, ночная тьма начала рассеиваться. Первый свет зари заглянул в окно, и я прижал свою любовь к сердцу в последнем поцелуе.

— Не уходи, — выдохнула она. — Я люблю тебя.

Я не мог говорить. Целовал ее глаза, щеки, грудь.

— Не уходи.

— Любовь моя!

Наконец я оторвался от нее, поцеловал в последний раз, и она прошептала:

— Возвращайся скорее.

— Этим вечером! — ответил я.

Я шел по еще темным улицам Форли и размышлял о своем счастье, слишком огромном, чтобы осознать его в полной мере. Казалось абсурдным, что мне даровали такое блаженство. Меня носило по свету, как изгнанника, ищущего командира, под началом которого я мог бы служить. Мне и раньше встречались женщины, но влечение, которое я к ним испытывал, не шло ни в какое сравнение с нынешним чистым и божественным чувством. В других женщинах я часто отмечал

какие-то недостатки, иной раз находил их грубыми и вульгарными, но тут столкнулся с такой непорочностью, с такой чистотой! Для меня она была святой и невинной. Ох, как же мне было с ней хорошо! Я посмеялся над собой: еще бы, я же думал, что не влюблен в нее. На самом деле я любил ее всегда… не заметил, когда это почувствовал, да меня это и не волновало, потому что теперь я любил и меня любили. Я не считал себя достойным ее: она такая хорошая, такая добрая, а я бедняк, никчемность. Она казалась мне богиней, и мне оставалось только опуститься на колени перед ней и молиться.

Я шел по улицам Форли, покачиваясь от счастья, словно пьяный. Глубоко вдыхал утренний воздух, ощущал себя таким сильным, довольным жизнью и молодым. Мне нравилось все, и серые стены домов, и резные фасады церквей, и женщины-крестьянки, празднично одетые, входящие в город с корзинами, наполненными разноцветными фруктами. Женщины здоровались со мной, и я отвечал, широко им улыбаясь. Какие они все добрые! Сердце мое переполняла любовь, и она выплескивалась на всех, кто встречался мне на пути. Я чувствовал, что все вокруг любят меня. И сам любил все человечество!

Глава 10

Придя домой, я упал в кровать и сразу провалился в крепкий сон. Пробудился хорошо отдохнувшим и очень счастливым.

— Что с тобой? — спросил Маттео.

— Я очень доволен собой.

— Тогда, если ты хочешь, чтобы и другие люди остались довольными, тебе лучше пойти со мной к донне Клодии.

— К прекрасной Клодии?

— К ней самой.

— Разведка в стане врага?

— Именно поэтому я и хочу, чтобы ты нанес визит даме. Сделаем вид, будто ничего не произошло.

— Но едва ли мессир Пьячентини обрадуется, увидев меня.

— Он будет скрипеть зубами и внутренне изрыгать огонь, но при этом раскроет объятия и крепко обнимет нас, пытаясь убедить, что любит ближнего своего, как и положено христианину.

— Очень хорошо, пошли!

Донна Клодия искренне обрадовалась нашему

приходу и тут же принялась строить глазки, вздыхать и прикладывать руку к груди, демонстрируя самые теплые чувства.

— Почему вы не приходили ко мне, мессир Филиппо? — спросила она.

— Исключительно из опасения показаться назойливым, — ответил я.

— Ах, — она томно на меня посмотрела, — да как такое могло быть? Нет, причина вашего отсутствия в другом. Увы!

— Я не решался взглянуть в эти завораживающие глаза.

Она повернулась ко мне, встретилась со мной взглядом и потом закатила глаза.

— Вы находите их такими жестокими?

— Они слишком сверкают. Вы знаете, как опасна свеча для мотылька, только в нашем случае свечей две.

— Но говорят, что мотылек, сгорающий в пламени, ощущает небесное блаженство.

— Я очень приземленный мотылек, — будничным тоном ответил я, — и боюсь обжечь крылышки.

— Как прозаично! — пробормотала она.

— Муза теряет свое могущество в вашем присутствии, — галантно заметил я.

Она, вероятно, не совсем поняла, что я хотел этим сказать, потому что в глазах мелькнуло недоумение. Меня это не удивило, я и сам представления не имел, какой смысл вкладывал в эту фразу. Но она восприняла ее как комплимент.

— Ах, вы такой галантный!

Какое-то время мы молчали, не сводя друг с друга глаз. И вновь она глубоко вздохнула.

— С чего такая грусть? — спросил я.

— Мессир Филиппо, — ответила она, — я несчастная женщина. — И она ударила себя в грудь.

— Вы же такая красивая, — попытался подбодрить ее я.

— Ах нет, нет! Я несчастна.

Я посмотрел на мужа, который мрачно слонялся по комнате, напоминая отставного солдата, мучающегося подагрой, и подумал, что одного общества такого человека достаточно, чтобы почувствовать себя несчастной.

— Вы правы. — Она проследила за моим взглядом. — Все дело в моем муже. Он напрочь лишен сочувствия.

Я тут же ей посочувствовал.

— Он так ревнует меня, хотя, как вам известно, в Форли я идеал добродетели.

Никогда не слышал, чтобы так характеризовали таких, как она, но, разумеется, подыграл ей:

— Одного взгляда на вас достаточно, чтобы успокоить самого буйного из мужей.

— Ох, уверяю вас, у меня так часто возникает искушение, — быстро ответила она.

— Могу в это поверить.

— Но я абсолютно ему верна, будто я старая и уродливая. Тем не менее он все равно ревнует.

— В этой жизни каждому из нас приходится нести свой крест, — вздохнул я.

— Бог свидетель, я несу свой. Но у меня есть отдушина.

Я, собственно, в этом не сомневался и ответил:

— Правда?

— Я изливаю душу в сонеты.

— Второй Петрарка!

— Мои друзья считают, что некоторые из них достойны этого великого имени.

— Я без труда могу в это поверить.

Затем, как усталый часовой, я сдал пост. Думал о своей сладкой Джулии, о ее красоте и обаянии, перед которыми окружавшая меня бренность бытия отступала на второй план. Я ушел, потому что жаждал уединения, чтобы предаться грезам о моей любимой.

Наконец время пришло, долгий день покинул Форли, и ночь, подруга влюбленных, открыла для меня дорогу к Джулии.

Глава 11

Я купался в счастье. Жизнь продолжалась. В Форли постоянно что-то происходило. Враждующие стороны проводили встречи и обсуждали ситуацию, по-прежнему взрывоопасную, но я воспринимал все это с полнейшим безразличием. «Какое значение имеют все эти мелочи жизни? — говорил я себе. — Во все века люди работали, боролись, строили планы, плели сети заговоров, зарабатывали деньги, теряли их, стремились занять место под солнцем. У них возникали честолюбивые замыслы, их не оставляла надежда, но все это не шло ни в какое сравнение с любовью». Я попал в бурлящий политический котел Форли. Оказался за занавесом и видел все хитросплетения отношений, намерения и мотивы ведущих актеров, но сам активного участия в действе не принимал. Будущее Форли, введение налогов или их отмена, смерть А по приказу Б или смерть Б по приказу А превратились для меня в нечто несущественное. Я воспринимал всех этих людей как выступающих на сцене марионеток, а потому не мог относиться к ним серьезно. Джу-

лия! Теперь вся моя жизнь вращалась вокруг нее. Все остальное не имело для меня ровно никакого значения. Когда я думал о Джулии, мое сердце наполнялось исступленным восторгом и мне были безразличны глупые подробности происходящих событий.

Я сознательно держался в стороне от бурного потока, который уносил с собой остальных, но не мог не знать о том, что творилось вокруг. А творилось что-то странное. После решительной стычки в зале заседаний совета люди начали готовиться к важным событиям. Кеччо отослал во Флоренцию крупную сумму денег на хранение. Бартоломео Моратини последовал его примеру. В городе царила тревога. Предполагалось, что Джироламо предпримет ответные шаги. Люди ожидали чего угодно. Проснувшись поутру, спрашивали друг друга, не произошло ли чего ночью. Кеччо постоянно носил кольчугу. Сторонники графа спрашивали, что намерен предпринять Кеччо, пойдет ли он на насильственные действия, учитывая восторженную реакцию горожан на его речь. Весь мир ждал чего-то значительного… и ничего не происходило. Все это напоминало мистерию, в которой ровный ход пьесы взрывало неожиданное событие: святой поднимался на

небо или гора раскалывалась надвое, а из нее появлялся дьявол. Зрители уже сидели, разинув рты, наступил кульминационный момент, режиссер подал сигнал, все глубоко вдохнули, чтобы издать общий крик изумления, но что-то пошло не так, потому что ничего не случилось.

Форлийцы не могли этого понять; они ждали знамений и чудес, но — только представьте себе — напрасно. Каждый день они говорили себе, что именно этот день войдет в историю Форли, что уж сегодня Джироламо точно забудет про колебания и перейдет к решительным действиям, но день заканчивался тихо и спокойно. Все обедали и ужинали в положенное время, солнце двигалось по небу с востока на запад, как и днем раньше, и добропорядочные граждане ложились спать в урочный час, и ничто не тревожило их сны до следующего утра. Ничего не происходило, и всем уже начало казаться, что ничего и не произойдет. Встревоженные жители постепенно укреплялись во мнении, что тревожиться не из-за чего, и прежнее спокойствие окутывало город. Никто больше не говорил о новых налогах, а жизнь продолжалась… Кеччо, и Маттео, и Моратини смирились с тем, что небо безоблачное и им лучше заниматься своими делами, не забивая голову

заговорами и полуночными убийцами.

Тем временем я смеялся, и наслаждался их глупостью, и хвалил себя за проявленную мудрость. Ибо я изначально ни о чем не волновался: я жил Джулией, ради Джулии, рядом с Джулией… никогда раньше я не ощущал такого счастья. Она держалась несколько сдержанно, но я ничего не имел против. Моя страсть к ней поддерживалась огнем, который пылал во мне, и пока она позволяла мне любить ее, все остальное не имело никакого значения. Я убеждал себя, что любовь просто не может быть равноценной с обеих сторон, и это очевидный факт: всегда одна сторона любит, а вторая позволяет себя любить. Возможно, природа издала по этому поводу специальный указ. Мужчина любит беззаветно и страстно, тогда как женщина отдается ему и в его объятиях превращается в нежное, беззащитное создание. Я не просил многого за любовь, которую отдавал. Я хотел лишь одного — чтобы моя возлюбленная позволяла себя любить. Это все, что заботило меня, это все, чего я хотел. Моя любовь к Джулии казалась чудом даже для меня самого. Я чувствовал, что растворяюсь в ней. Я целиком и полностью отдал себя в ее руки. Самсон и Далила! Но без неверных филистимлян. Я бы отдал ей на

хранение свою честь в полной уверенности, что она останется в целости и сохранности. Великая моя любовь вызывала у меня такое благоговение, такой трепет, что иногда я едва решался прикоснуться к Джулии. Мне представлялось, что я должен пасть на колени и поклоняться ей. Я познал великую радость служения моей возлюбленной. В сравнении с ней я видел себя мелкой сошкой, не заслуживающей ее внимания, всеми силами пытался показать, что я ее жалкий раб… Ох, Джулия! Джулия!

Но бездействие Джироламо Риарио лишь убеждало подданных графа в его слабости. Они проверили, как он поступал в прошлом, и выяснили, что только в случае с Кеччо он не посмел принять никаких ответных мер. Казалось невероятным, что граф оставил без отмщения оскорбления, высказанные в его адрес, молча стерпел растущую популярность Кеччо, которого бурно приветствовали всякий раз, когда он появлялся на улицах Форли. Горожане теперь не только ненавидели Джироламо, но и начали его презирать и рассказывали друг другу истории о яростных ссорах между графом и Катериной. Все знали гордость и вспыльчивость графини (давала себя знать кровь Сфорца), и горожане

не сомневались, что она не может мириться с оскорблениями, нанесенными ее мужу, пусть даже он сам предпочел их проглотить. Страх перед Джироламо более не сдерживал сарказм жителей, и стоило кому-то из придворных или обслуги появиться на улицах, как его высмеивали на все лады. Даже Катерине приходилось выслушивать презрительные смешки. О графе сложили песню, и отнюдь не хвалебную мелодию, которую он услышал в исполнении Оттавиано, его младшего сына; отец пришел в такую ярость, что едва не убил малыша. Пошли разговоры о неверности Катерины. Все вдруг сразу решили, что она наставляет мужу рога, и по городу пошла гулять еще одна песня, прославляющая рогоносцев.

Д'Орси, однако, сомневались, что это спокойствие истинное. Кеччо пребывал в уверенности, что граф заготовил какой-то план, так что царящие в городе тишь да благодать казались зловещими.

Джироламо теперь редко появлялся в Форли, но в день праздника одного из святых пошел в собор, а на обратном пути во дворец, проходя по площади, увидел Кеччо. В тот же самый момент Кеччо увидел графа и в нерешительности остановился, не зная, что и делать. Толпа в то же мгновение

затихла, и все застыли, будто статуи под действием магического заклинания. И что теперь могло произойти? Джироламо и сам замялся, по лицу пробежала судорога. Кеччо уже двинулся дальше, притворившись, что не заметил графа. Маттео и я, не представляя себе, как выпутываться из этой ситуации, конечно же, последовали его примеру. Но тут граф шагнул к нам, протягивая руку:

— Ах, мой дорогой Кеччо! Как дела?

Он широко улыбался и тепло пожал руку, которую автоматически протянул д'Орси. При этом Кеччо побледнел так, будто его сжала рука смерти.

— В последнее время ты пренебрегал моим обществом, дорогой друг. — В словах графа звучал упрек.

— Я неважно себя чувствовал.

Джироламо взял его под руку.

— Да перестань, ты не должен сердиться на меня из-за того, что недавно я произнес несколько резких слов. Ты же знаешь, какой я вспыльчивый.

— Вы имеете право говорить все, что вам хочется.

— Э нет, у меня есть право говорить только приятное.

Он улыбался, но все это время его пребывающие в непрерывном движении глаза ощупывали лицо Кеччо, лишь изредка смещаясь на меня или Маттео.

— Мы должны уметь прощать, — продолжил граф, потом обратился к Маттео: — Мы должны показать себя примерными христианами, так, Маттео?

— Разумеется!

— Однако твой кузен затаил на меня обиду.

— Нет, мой господин, — возразил Кеччо. — Боюсь, я тоже высказался излишне резко.

— Что ж, если и высказался, я тебя простил, и ты должен простить меня. Но мы не будем говорить об этом. Мои дети спрашивают о тебе. Странно, конечно, но мои дети обожают этого злобного типа, который говорит мне, что я самый жуткий среди правителей. Твой маленький крестный сын зовет тебя в гости.

— Милое дитя! — улыбнулся Кеччо.

— Навести их прямо сейчас. Незачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Мы с Маттео переглянулись. Очередная попытка заманить Кеччо в ловушку и на этот раз не дать вырваться?

— Приношу свои искренние извинения, но ко

мне на обед приглашены гости, и я, похоже, уже опаздываю.

Джироламо коротко глянул на нас и, вероятно, прочел в наших глазах тревогу, потому что голос его стал совсем уж добродушным.

— Ты никогда ничего для меня не делаешь, Кеччо. Я не стану тебя задерживать, потому что уважаю законы гостеприимства. Но как-нибудь ты должен навестить нас.

Он тепло пожал руку Кеччо, кивнул Маттео и мне и отбыл.

Толпа не слышала сказанного, но вежливость общения не осталась незамеченной, и, как только за Джироламо захлопнулись двери дворца, люди принялись насмехаться над ним. Поведение графа они сочли трусостью. Горожанам казалось, что граф нашел в лице Кеччо сильного противника, а потому ничего не предпринимает. Для них стало откровением, что человек, которого они так боялись, получив удар, готов подставить другую щеку после того. Оказалось, что он повергал их в ужас, не будучи ужасным. Теперь они ненавидели его и за собственное малодушие. Песни-насмешки зазвучали с новой силой. Его называли не иначе как cornuto — «рогоносец».

Рожденный волной презрения, произошел

еще один случай, вновь показавший слабость графа. В воскресенье, последовавшее за встречей с Кеччо, Джироламо собирался прийти к мессе в церковь Сан-Стефано, и Якопо Рончи, командующий войсками графа, в сопровождении двух солдат, поджидал его в соборе. Когда появился Джироламо, сопровождаемый женой, детьми и придворными, Якопо выступил вперед, упал на колени и протянул петицию, в которой просил расплатиться с ним и его солдатами. Граф молча взял петицию и уже собрался продолжить путь, но Якопо обхватил ноги графа, чтобы остановить его.

— Ради Бога, мой господин, выслушайте меня. Я и остальные уже долгие месяцы не получали ни гроша, и мы голодаем.

— Дай мне пройти, — рявкнул Джироламо. — Твоя петиция будет должным образом рассмотрена.

— Не прогоняйте меня, мой господин. Я уже подавал три петиции, но все они остались без внимания. Теперь я в отчаянии и не могу больше ждать. Посмотрите на мою превратившуюся в лохмотья одежду. Отдайте мне мои деньги!

— Дай мне пройти, говорю тебе! — яростно повторил Джироламо и ударил Якопо, который

повалился на землю. — Как ты посмел прийти и оскорблять меня в общественном месте! Клянусь Богом, мое терпение скоро лопнет! — Слова эти он произнес с такой страстью, будто с ними вырвалась вся злость, накопившаяся за дни унижения. И, повернувшись к горожанам, он прокричал: — Дайте пройти!

Они не решились противостоять его злобе и с побледневшими лицами расступились в стороны, освобождая проход для Джироламо и его свиты.

Глава 12

Я смотрел на эти события, как мог бы смотреть комедию Плавта[15]: происходившее казалось мне очень забавным, но, возможно, с примесью вульгарности. Я с головой окунулся в собственное счастье и забыл про Немезиду.

В один из дней, месяца через два после моего приезда в Форли, я услышал, как Кеччо сообщил своему кузену о возвращении некоего Джорджо даль Эсти. Я не обратил особого внимания на эту фразу, но позже, когда остался наедине с Маттео, мне вдруг пришло в голову, что я никогда не слышал об этом человеке. Даже не знал, что у Джулии есть родственники со стороны мужа.

— Между прочим, а кто такой Джорджо даль Эсти, о котором упомянул Кеччо? — спросил я.

— Кузен умершего мужа Джулии.

— Я никогда не слышал, чтобы о нем говорили.

— Правда? Он гордится тем, что остается единственным, кто продержался в любовниках добродетельной Джулии дольше десяти дней.

---

[15] Примечания: 15

Тит Макций Плавт (254 до н. э. — 184 до н. э.) — древнеримский комедиограф.

— Еще одна из твоих баек, Маттео. Природа прочила тебя в странствующие монахи.

— Я часто думал, что упустил свое призвание. У меня же талант выдавать выдумку за правду. В церкви я бы сделал блестящую карьеру, поднялся бы на невообразимую высоту. Но теперь, когда военная служба заложила в меня некие древние идеи чести, мой дар безвозвратно потерян. И в результате, когда я говорю правду, люди думают, что я лгу. Но это чистая правда!

— Как и все твои истории! — фыркнул я.

— Спроси любого. Их связь продолжается многие годы. Когда Джулия вышла замуж за старого Томассо, которого не видела до свадьбы, она первым делом влюбилась в Джорджо. Он тоже влюбился в нее, но, будучи достаточно честным, не мог заставить себя переспать с женой кузена, учитывая, что жил на его деньги. Совесть не позволяла. Однако если женщина порочна, угрызения совести мужчины очень скоро катятся к чертовой матери. Раз уж Адам не отказался вкусить яблока, нельзя ожидать, что мы, бедолаги, поведем себя иначе. Короче, этот Иосиф убегал от жены Потифара не столь быстро, чтобы она не сумела его поймать.

— А ты у нас знаток Библии!

— Да, — кивнул Маттео. — Я ухаживал за любовницей священника, и мне пришлось придерживаться стиля, к которому она привыкла… Так или иначе, Джорджо, молодого парня, замучила совесть, и он покинул Форли. Джулия осталась с разбитым сердцем и так горевала, что утешала ее, наверное, половина города. Через какое-то время совесть Джорджо успокоилась, он вернулся, и Джулия отказала от дома всем своим любовникам.

— Я не верю ни единому твоему слову.

— Клянусь честью, это правда.

— Если хочешь знать, верится с трудом. Если она действительно любит его, то почему сейчас, когда нет никаких препятствий, они не вместе?

— Потому что у Джулии сердце шлюхи, и она не может хранить верность одному мужчине. Она очень его любит, но они ссорятся, и она внезапно начинает благоволить к кому-то еще, и какое-то время они не видятся. Но между ними существует магическое притяжение, потому что со временем они вновь притягиваются друг к другу, даже если пытаются бороться с этим изо всех сил. И заверяю тебя, Джорджо боролся. Пытался забыть ее навсегда и всякий раз, когда они расставались, клялся, что никогда больше не увидит ее. Но невидимая

цепь никуда не делась, проходит время, и он обязательно возвращается к ней.

Я молча слушал. Странные, ужасные мысли роились в моей голове, и я не мог их отогнать. Попытался заговорить ровным, спокойным голосом.

— И какие у них отношения, когда они вместе?

— Яркое солнце и гроза, причем со временем гроза только набирает мощь. А потом Джорджо уезжает.

— Но, ради всего святого, откуда ты знаешь? — в душевной муке воскликнул я.

Он пожал плечами.

— Они ссорятся? — спросил я.

— Неистово! Он чувствует, что его заточили в темницу против воли: дверь открыта, но ему не хватает духа выйти на свободу. Она злится, что ему приходится ее любить, тогда как любить ее он не хочет. Мне представляется, что в этом кроется причина ее любвеобильности. Все остальные любовники Джулии отчасти доказывают ему, как все ее любят, и убеждают Джулию, что она достойна любви.

Я не поверил. Нет, клянусь Богом, я не поверил ни одному слову, но при этом испугался, насмерть испугался.

— Послушай, Маттео, — попытался я переубедить его, — ты очень плохо думаешь о Джулии, но только потому, что совершенно ее не знаешь. Я клянусь тебе, она добрая и порядочная, какой бы ни была в прошлом. И я не верю всем этим сплетням. Я нисколько не сомневаюсь, что она такая же честная и верная, как и красивая.

Маттео пристально глянул на меня.

— Ты ее любовник? — спросил он.

— Да!

Маттео открыл рот, будто хотел что-то сказать, но после секундного колебания отвернулся.

В тот же вечер, придя к Джулии, я нашел ее лежащей на диване. Она вытянулась в полный рост, голова утонула в мягких подушках. Лежала она с закрытыми глазами, глубоко уйдя в свои мысли. Я задался вопросом, а не думает ли она обо мне, поэтому на цыпочках подкрался к дивану, наклонился над Джулией и легонько поцеловал в губы. Она вскрикнула, хмурясь, открыла глаза.

— Ты меня испугал!

— Извини, — смиренно ответил я. — Я хотел сделать тебе сюрприз.

Она не ответила, но вскинула брови, чуть повела плечами. Мне оставалось только гадать, что рассердило ее. Я уже знал, что она очень

вспыльчива, но не очень-то и возражал, потому что после вспышки негодования всегда следовало раскаяние и звучали слова любви. Я провел рукой по ее прекрасным, мягким волосам. Она вновь нахмурилась и отвернулась.

— Джулия, в чем дело? — Я взял ее за руку, но она тут же вырвалась.

— Ни в чем.

— Почему ты отворачиваешься от меня и убираешь руку?

— А почему мне не отворачиваться от тебя и не убирать руку?

— Ты не любишь меня, Джулия?

Она вздохнула, изобразила на лице скуку. Я смотрел на нее с болью в сердце и гадал, что происходит.

— Джулия, дорогая моя, скажи мне, что случилось. Я чувствую себя таким несчастным.

— Разве я не сказала тебе? Ничего, ничего, ничего!

— А почему ты сердишься?

Я прижался своим лицом к ее, обнял за шею. Она нетерпеливо высвободилась.

— Тебе неприятны мои поцелуи, Джулия?

Она раздраженно отвернулась.

— Джулия, ты не любишь меня? — Мое серд-

це начало уходить в пятки, и я вспомнил все, что услышал от Маттео. Господи! Неужели это правда?

— Да, конечно, я тебя люблю, но иногда меня лучше оставить в покое.

— Тебе достаточно сказать хоть слово, и я уйду навсегда.

— Этого я от тебя не хочу, но нам будет гораздо лучше, если мы будем видеться реже.

— Когда человек влюблен, всей душой и по-настоящему, ему не до предосторожностей.

— Ты бываешь здесь так часто, что я начинаю опасаться за свое доброе имя.

— Насчет этого тебе бояться нечего, — с горечью ответил я. — Еще один скандал погоды не сделает.

— Тебе не обязательно оскорблять меня!

Я не мог на нее злиться. Слишком сильно любил ее. Я упал на колени рядом с ней и обнял ее:

— Ох, Джулия, Джулия, прости меня! Я не хотел тебя обидеть. Но, ради Бога, не будь такой холодной! Я люблю тебя, люблю. Будь добра ко мне.

— Думаю, ты и видел от меня только добро… В конце концов, невелика важность. Я воспринимала все так же несерьезно, как и ты.

— Что ты хочешь этим сказать? — в ужасе вос-

кликнул я.

Она пожала плечами:

— Полагаю, ты нашел меня симпатичной женщиной и решил, что можешь посвятить свободное время приятной любовной интрижке. Едва ли ты мог ожидать, что твои комплименты произведут на меня неизгладимое впечатление.

— Ты хочешь сказать, что не любишь меня?

— Я люблю тебя точно так же, как ты любишь меня. И я не вижу тебя Ланселотом, а себя — Гиневрой.

Я по-прежнему молча стоял рядом с ней на коленях, а в голове, казалось, один за другим лопались сосуды…

— Ты знаешь, — продолжила она, — нельзя любить вечно.

— Но я люблю тебя, Джулия. Люблю всем сердцем и душой! Раньше я любил по случаю и от нечего делать, но любовь к тебе совсем другая! Клянусь тебе, для меня это вопрос жизни и смерти.

— Мне это говорили так часто…

Я начал терять голову.

— Ты хочешь сказать, что между нами все кончено? Ты хочешь сказать, что больше не хочешь иметь со мной никаких дел?

— Я не говорю, что больше не хочу видеть тебя.

— Но любовь! Я жажду любви.

Она пожала плечами.

— Но почему? — в отчаянии спросил я. — Почему ты не хочешь дать ее мне, если рвешь со мной целиком и полностью?

— Человек не властен над своими чувствами. Любовь приходит и уходит.

— И ты совсем меня не любишь?

— Нет!

— Господи! Но почему ты говоришь мне об этом именно сегодня?

— Когда-нибудь пришлось бы сказать.

— Но почему не вчера, не позавчера? Почему именно сегодня?

Она не ответила.

— Потому что вернулся Джорджо даль Эсти?

Она посмотрела на меня, ее глаза блеснули.

— И что они наговорили тебе о нем?

— Он побывал здесь сегодня? Ты думала о нем, когда я пришел? Млела после его объятий?

— Как ты смеешь!

— Единственный любовник, которому ты оставалась верна!

— Ты клялся, что не веришь сплетням, а те-

перь, стоило мне отказать тебе, готов поверить каждому дурному слову обо мне. Я думала, ты доверяешь мне.

— Я верю каждому слову, сказанному о тебе. Я верю, что ты распутница.

Она вскочила с дивана, и теперь мы стояли лицом к лицу.

— Тебе нужны деньги? Что ж, мои деньги не хуже любых других. Я заплачу за твою любовь. На, бери их!

Я достал из кармана несколько золотых монет и швырнул ей под ноги.

— Ах! — в негодовании воскликнула она. — Мерзавец! Уходи, уходи!

Она указала мне на дверь. Тут меня охватил ужас. Я упал на колени, схватил ее за руки:

— Прости меня, Джулия. Я не знаю, что говорю. Я обезумел. Но не лишай меня своей любви. Только ради нее я и живу. Ради Бога, прости меня! Джулия, я люблю тебя, люблю! Я не могу жить без тебя. — Слезы брызнули из моих глаз. Я не мог их остановить.

— Оставь меня! Оставь!

Я устыдился собственного унижения. В негодовании встал.

— Какая же ты бессердечная. Ты не имеешь

никакого права так относиться ко мне. Никто не обязывал тебя дарить мне свою любовь, но, раз уж ты это сделала, ты не можешь забрать ее назад. Ни у кого нет права повергать человека в такое горе, как это сделала ты. Ты плохая, злобная женщина. Я тебя ненавижу.

Я стоял перед ней, сжав руки в кулаки. Она в испуге отпрянула.

— Не бойся, — успокоил я ее. — Я к тебе не прикоснусь. Я слишком сильно ненавижу тебя.

Тут я повернулся к распятию и вскинул руки.

— Господи, прошу Тебя, пусть к этой женщине отнесутся так, как она отнеслась ко мне. — И добавил, уже обратившись к Джулии: — Я надеюсь, что ты станешь такой же несчастной, как я. И я надеюсь, что несчастной ты станешь в самое ближайшее время.

Я оставил ее и в ярости так сильно хлопнул дверью, что она едва не сорвалась с петель.

Глава 13

Я возвращался домой в отчаянии и более всего напоминал человека, которому вынесли смертный приговор. Голова разламывалась. Иногда я останавливался и сжимал ее обеими руками, чтобы не дать расколоться на куски. Я не мог осознать, что произошло. Знал только, что все ужасно. Я чувствовал, что схожу с ума. Я легко мог покончить с собой. Наконец, добравшись до дому, я рухнул на кровать и попытался взять себя в руки. Все мое существо ополчилось на эту женщину. Как мне хотелось, чтобы сейчас она оказалась передо мной: я бы сжимал и сжимал ее мягкую белоснежную шею, пока не лишил бы жизни. Ох, как я ее ненавидел!

В конце концов я заснул, и забытье принесло успокоение. Пробудившись, я какое-то время лежал, не думая ни о чем; потом внезапно все вернулось, и кровь бросилась мне в лицо, когда я вспомнил, как унижался перед ней. Наверное, сердце у нее тверже камня, раз она видела мою беду и не пожалела меня. Она видела мои слезы, но они ее не тронули. Все это время, когда я умо-

лял пощадить меня, она более всего напоминала мраморную статую. Она видела мои страдания и жар моей любви, но проявила полное безразличие. Ох, я презирал ее! Я знал, даже когда обожал ее до безумия, что именно моя любовь придает ей те самые качества, которые вызывали у меня благоговейный трепет. Я же видел, что она невежественна и глупа, но меня это не беспокоило, потому что я любил ее, а в ответ получал ее любовь. Но теперь, увидев, какая она бессердечная и бесчувственная к несчастьям другого, я не просто ненавидел ее — я ее презирал. Презирал и себя за то, что полюбил ее. Презирал себя за то, что по-прежнему любил…

Я поднялся и занялся привычными повседневными делами, пытаясь отвлечься от мрачных мыслей. Но вновь и вновь возвращался к своему горю и в сердце проклинал эту женщину. Немезида, как и всегда, Немезида! По глупости я забыл про нее, а ведь следовало помнить, что всю мою жизнь счастье сменялось бедой… Я пытался отвадить зло жертвоприношениями. Я радовался несчастьям, которые сваливались на меня, да только радость эта ничего не меняла, и неизбежно Немезида приходила вновь и ввергала меня в несчастье. Но в последнее время я о ней забыл.

Какая там Немезида, если я думал, что на этот раз счастье так велико, что продлится вечно? Оно выглядело таким здоровым и сильным, что у меня и мысли не возникало о его кончине. Я забыл про богов. Я думал только о любви и Джулии.

Маттео попросил меня пойти во дворец графа с ним и Кеччо. Джироламо позвал их, чтобы показать вновь отделанные залы. Я не пошел. Мне хотелось посидеть в одиночестве и подумать.

Но мысли сводили с ума. Вновь и вновь я повторял каждое слово нашей ужасной ссоры, и ее жестокость ввергала меня во все больший ужас. Какое право имела она делать меня таким несчастным? Неужели в мире и без того не хватало страданий? Ох, как бессердечно она себя повела.

Я уже не мог оставаться один. Сожалел, что не пошел во дворец графа. Одиночество тяготило меня.

Часы тянулись, как годы, разум заволокло туманом, апатия нарастала.

Наконец они вернулись, и Маттео рассказал мне о том, что происходило во дворце. Я пытался слушать, забыть о своем горе… Граф держался любезно. Сначала показал прекрасную коллекцию картин, которую он собрал, чтобы украсить

коридоры и залы дворца, потом он повел гостей в апартаменты Катерины, где они нашли графиню в окружении детей. Хозяйка приняла их радушно, похвалила Маттео за галантность. Как будто меня все это интересовало! Дети подбежали к Кеччо и, завладев его вниманием, увлекли своей игрой. Остальные стояли и смотрели, как Кеччо играет с маленькими мальчиками, и в какой-то момент Джироламо, положив руку на плечо Кеччо, заметил:

— Видишь, дорогой друг, никакой вражды между нами нет. И если малыши так искренне тебя любят, неужели ты думаешь, что я могу тебя ненавидеть?

Когда они собрались уходить, граф проводил их до ворот и тепло с ними попрощался.

Наконец наступил вечер и я смог закрыться в своей комнате. Подумал, с горькой улыбкой, что именно в этот час я обычно уходил к Джулии. Но теперь наши встречи остались в прошлом. Печаль так придавила меня, что я даже не мог злиться на Джулию. Забыл об унижениях, которым она меня подвергла. Чувствовал только разбитое сердце. Не сумел сдержать слез и заплакал, уткнувшись лицом в подушку. В последний раз я плакал давным-давно, маленьким маль-

чиком, но этот удар лишил меня мужества, и я предался горю всей душой, ничего не стыдясь. Я потерял уважение к себе, моя судьба более не интересовала меня. Рыдания накатывали, как волны, вызывая боль, рвущую грудь, но в то же время принося облегчение. Измотанный донельзя, я заснул.

Но я знал, что происходящее со мной не скрыть, и Маттео вскоре все заметил.

— Что с тобой, Филиппо? — спросил он.

Я покраснел и замялся с ответом.

— Ничего, — все-таки выдавил из себя.

— Я подумал, что ты несчастен.

Наши глаза встретились, но я не смог вынести его вопрошающий взгляд и уставился в пол. Он подошел ко мне, сел на подлокотник кресла, положил руку мне на плечо и с любовью спросил:

— Мы же друзья, так, Филиппо?

— Да, — ответил я, улыбнувшись и взяв его руку.

— Так почему бы тебе не довериться мне?

— С удовольствием, — ответил я после паузы. Мне было необходимо выговориться, излить душу. Я отчаянно нуждался в сочувствии.

Он ласково провел рукой по моим волосам.

Еще какое-то время я молчал, а потом уже ни-

чего не мог поделать и выложил всю историю, от начала и до конца.

— Бедняга! — пожалел он меня, когда я закончил рассказ. А потом скрипнул зубами. — Она чудовище, эта женщина!

— Мне следовало внять твоему предупреждению, Маттео, а я повел себя глупо.

— Да кто слушает советы? — Он пожал плечами. — Я и не ждал, что ты мне поверишь.

— Но теперь я тебе верю. Я прихожу в ужас, когда думаю о ее равнодушии и жестокости.

— Хорошо, что теперь все закончилось.

— Безусловно! Я ненавижу и презираю ее. Разве что мне хочется встретиться с Джулией лицом к лицу и высказать все, что я о ней думаю.

Я думал, что разговор с Маттео принесет облегчение. Я думал, что худшее позади, но ночью тоска обрушилась на меня с еще большей силой. Лежа в кровати, я стонал, не находя себе места. Чувствовал себя невероятно одиноким… родственников у меня не было, за исключением сводного брата, мальчика лет двенадцати, которого я видел считанные разы, и когда я бродил по свету, будучи изгнанником, меня постоянно преследовал демон одиночества. Иногда, не имея рядом близкого человека, я чувствовал, что могу

покончить с собой. Но, влюбившись в Джулию, я громко кричал от счастья… я забыл обо всем, полностью отдавая себя пожару страсти. Все тяготы, все проблемы отступили, потому что годы одиночества закончились и появился человек, которому я мог отдать свою любовь. Я напоминал корабль, прибывающий в гавань. Паруса убирают, палубу драят, готовясь к заслуженному отдыху.

И теперь все закончилось. Господи, подумать только — мои надежды разлетелись вдребезги буквально за несколько минут! И мой корабль вместо тихой гавани попал в шторм: яркие звезды скрылись за тяжелыми облаками! На контрасте с ослепительным светом недавнего прошлого нынешняя тьма стала еще более давящей. Я застонал. Охваченный горем, вознес молитву Господу, попросив помощи. Мне не хотелось жить. Как я мог оставаться на этой земле с зияющей пустотой в сердце? Я не хотел проводить дни, и недели, и годы, пребывая в таком отчаянии. Здравый смысл подсказывал мне, что время — лучшее лекарство, но я понимал: на выздоровление уйдут годы и каждое мгновение будет наполнено страданиями! А когда я думал о том, что потерял, агония становилась невыносимой. Желаемое

становилось явью, я сжимал Джулию в объятиях и говорил, прижимаясь губами к ее губам: «Как ты могла!»

Я закрывал лицо руками, чтобы в полной мере насладиться моей грезой. Я чувствовал аромат ее дыхания и легкие прикосновения ее волос. Но на какие-то мгновения. Я пытался ухватиться за ее образ и удержать его, но он исчезал, оставляя меня с разбитым сердцем…

Я знал, что ненависти к ней во мне нет. Я притворялся, что ненавидел ее, и лишь на словах. Сердцем я по-прежнему любил ее, даже еще более страстно. Меня не волновало, что Джулия показала себя бессердечной, жестокой и злобной! Меня это не касалось, при условии, что я мог сжимать любимую в объятиях и покрывать поцелуями. Я презирал ее. Я знал, чего она стоит, и при этом по-прежнему безумно ее любил. Ох, если бы она вернулась ко мне! Я бы с готовностью забыл все и простил ее. Нет, я бы вымаливал прощение, ползая у ее ног, если б только она позволила мне опять наслаждаться ее любовью.

Я хотел прийти к ней, упасть на колени и молить о милосердии. Но с чего я решил, что она изменится за несколько дней? Я знал, что Джулия отнесется ко мне с тем же безразличием, только

к нему добавится еще и презрение ко мне. Мысль о ее хладнокровии и жестокости ударила, словно молния. Нет, я дал себе слово, что больше такого не повторится. Я почувствовал, как краснею, вспомнив об унижениях, через которые мне пришлось пройти. Но возможно, она сожалела о содеянном. Я знал, что гордость не позволит донне прийти или послать за мной, но, возможно, мне следовало дать ей шанс? Если бы мы увиделись на несколько мгновений, как знать, может, этого и хватило бы, чтобы все устроилось и я вновь обрел счастье. И тут же во мне забурлила надежда. Я подумал, что идея очень даже хороша. Не могла Джулия быть такой бессердечной, чтобы не сожалеть о случившемся. А я со всей готовностью восстановил бы с ней прежние отношения! Мое сердце гулко и радостно забилось. Но я не решился пойти к ней. Я знал, что завтра найду Джулию в доме отца, на банкете в честь каких-то друзей. Там я мог заговорить с ней, как бы между прочим, словно мы добрые знакомые. А потом при первой уступке со стороны любимой, даже заметив намек на сожаление в ее глазах, я бы просто запрыгал от радости. Довольный придуманным планом, я заснул счастливым, с именем Джулии на устах и ее образом в сердце.

Глава 14

Я пришел во дворец Моратини и — сердце билось, как барабан — огляделся в поисках Джулии. Ее, как и всегда, окружали воздыхатели, и мне показалось, что она даже более оживленная, чем обычно. И еще никогда она не казалась мне такой прекрасной. Одетая в белое, с жемчужинами, вшитыми в рукава, она выглядела как невеста. Она сразу же увидела меня, но сделала вид, что не заметила, продолжив разговор с окружавшими ее поклонниками.

Я подошел к ее брату Алессандро и как бы невзначай спросил его:

— Мне говорили, что кузен твоей сестры приехал в Форли. Он сегодня здесь?

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Джорджо даль Эсти, — пояснил я.

— Ох, вот ты о ком. Нет, его здесь нет. Он и муж Джулии не ладили, так что…

— А почему они не ладили? — не сдержался я и понял, что вопрос неуместный.

— Не знаю. Родственники частенько враждуют друг с другом. Может, не поделили наследство.

— И это все?

— Насколько мне известно, да.

Я вспомнил, что до лиц заинтересованных сплетня доходит позже всех. Муж ничего не слышит об измене жены, тогда как весь город уже обсуждает мельчайшие подробности.

— Я бы хотел повидаться с ним, — продолжил я.

— С Джорджо? Он слабак. Из тех, кто сначала грешит, а потом кается.

— Это не тот недостаток, в котором можно тебя упрекнуть, Алессандро, — улыбнулся я.

— Искренне надеюсь, что ты прав. В конце концов, если у человека есть совесть, неправильного он не совершит. А если уж такое случилось, он должен быть дураком, чтобы потом в этом раскаиваться.

— Нельзя сорвать розу, не уколовшись шипом.

— Почему нет? Надо только соблюдать осторожность. На дне любой чашки будет отстой, но пить его не обязательно.

— Ты, как я понимаю, для себя уже решил, что отправишься в ад, если согрешишь.

— Это честнее, чем пролезать на небеса через черный ход, становясь праведным, когда ты слишком стар, чтобы грешить.

— Я согласен с тобой. Едва ли кто будет уважать человека, который подается в монахи потому, что его преследуют неудачи.

Я увидел, что Джулия одна, и воспользовался возможностью заговорить с ней.

— Джулия, — позвал я, подходя к ней.

Она смотрела на меня в недоумении, казалось, не могла вспомнить, кто я такой.

— Ах, мессир Филиппо! — воскликнула она, словно память наконец-то подсказала ей правильный ответ.

— После нашей последней встречи прошло не так много времени, чтобы ты забыла меня.

— Да, я помню, что в последний раз, оказав мне честь и посетив меня, вы повели себя крайне грубо.

Я молча смотрел на нее, не зная, что и ответить.

— Ну? — Она улыбалась, глядя мне в глаза.

— И тебе больше нечего мне сказать? — спросил я, понизив голос.

— А что бы вы хотели от меня услышать?

— Ты такая бессердечная?

Она вздохнула, посмотрела в другой конец зала, словно надеялась, что кто-то подойдет и прервет этот надоевший ей разговор.

— Как ты могла? — прошептал я.

Несмотря на самоконтроль, на щеках Джулии проступил румянец. Какое-то время я рассматривал ее, а потом отвернулся. Теперь уже я не сомневался в ее равнодушии. Покинув дворец Моратини, я отправился бродить по городу. Встреча с Джулией пошла мне на пользу. Я окончательно убедился, что моя любовь отвергнута. Остановился, топнул ногой и дал себе слово, что больше не буду ее любить, забуду эту презренную, злобную женщину. Гордость не позволяла мне пресмыкаться перед нею. Я даже жалел, что не убил ее. На этой прогулке я решил, что должен собрать волю в кулак и покинуть Форли. Вдали от города у меня возникнет множество дел, и очень скоро я найду другую женщину, которая займет место Джулии. Она не единственная женщина в Италии, и уж точно не самая красивая и не самая умная. Пройдет месяц, и я сам буду смеяться над своими душевными терзаниями…

В тот же вечер я сказал Маттео, что собираюсь покинуть Форли.

— Почему? — изумленно спросил тот.

— Я живу здесь уже несколько недель, — ответил я. — Нельзя злоупотреблять гостеприимством.

— Чушь. Ты знаешь, я буду рад, если ты останешься здесь на всю жизнь.

— Ты очень добр, — рассмеялся я, — но дом-то не твой.

— Это не имеет никакого значения. Кроме того, Кеччо очень привязался к тебе и, я уверен, хочет, чтобы ты как можно дольше жил в его доме.

— Разумеется, я знаю, что ваше гостеприимство не знает границ. Но мне уже хочется вернуться в Читта-ди-Кастелло.

— Почему? — В голосе Маттео слышалось сомнение.

— Приятно, знаешь ли, приехать на малую родину.

— Ты провел вдали от Кастелло десять лет. И я не понимаю, с чего такая спешка.

Я уже собрался запротестовать, но тут вошел Кеччо, и Маттео прервал меня:

— Послушай, Кеччо, Филиппо говорит, что хочет нас покинуть.

— Но он же не хочет, — рассмеялся Кеччо.

— Я действительно должен, — ответил я без тени улыбки.

— Да нет же, — покачал головой Кеччо, — нам не обойтись без тебя, Филиппо.

— Для спешки с возвращением в Кастелло при-

чин у тебя нет, — заявил он, когда я изложил свои доводы, — и я уверен, что скоро ты нам очень понадобишься. Крепкий меч и храброе сердце никогда не бывают лишними.

Я пожал плечами:

— Здесь все спокойно, как на кладбище.

— Внешне — да, но это лишь видимость. Я уверен, это затишье перед бурей. Не может Джироламо и дальше так себя вести. Его долги растут с каждым днем, и соответственно связанные с ними проблемы. Он должен что-то предпринять. Любая попытка поднять налоги вызовет волну возмущения, а потом всякое может случиться.

Меня начала раздражать их настойчивость, и я ответил излишне резко:

— Нет, я должен ехать.

— Останься еще на месяц. Я думаю, решающая стычка произойдет раньше.

Я не видел разницы между месяцем и годом.

— Я неважно себя чувствую и думаю, что мне необходима смена обстановки.

Кеччо на мгновение задумался.

— Очень хорошо. Мне нужен надежный человек, чтобы поехать во Флоренцию и завершить одно дело с Лоренцо де Медичи. Ты обернешься за полмесяца. Если ты неважно себя чувствуешь,

то эта поездка подбодрит тебя. Поедешь?

Я задумался. Полмесяца не такой уж длинный срок, но новые впечатления отвлекли бы меня, и Флоренцию мне хотелось увидеть. В общем, я решил, что этого времени все-таки хватит, чтобы излечиться от тоски.

— Поеду, — кивнул я.

— Отлично. И у тебя будет приятный компаньон. Я уже говорил насчет этой поездки с Шипионе Моратини. У меня и мысли не было, что ты захочешь покинуть Форли. Но возможно, это и правильно, отправить вас двоих.

— Если я поеду, то один, — возразил я.

Кеччо уставился на меня:

— Почему?

— С Шипионе мне скучно. Я же хочу в полной мере насладиться поездкой.

Я твердо решил, что ни один из Моратини мне не нужен.

— Как тебе будет угодно, — пожал плечами Кеччо. — Я скажу Шипионе, что он потребуется мне для другого дела.

— Спасибо.

— Когда ты поедешь?

— Тотчас же.

— Тогда пойдем, я тебе все расскажу и дам необ-

ходимые бумаги.

Глава 15

Наутро я сел на лошадь и отправился в путь вместе с Маттео, который вызвался меня проводить.

Но у городских ворот стражник загородил нам дорогу и спросил, куда мы направляемся.

— Туда, — коротко ответил я, двинувшись дальше.

— Стоять! — крикнул стражник, ухватившись за уздечку.

— Что это значит? — возмутился Маттео. — Ты знаешь, кто мы?

— У меня приказ никого не выпускать из города без разрешения моего капитана.

— Какие тут тираны! — вскричал Маттео. — Так какого черта ты здесь торчишь? Зови своего капитана.

Стражник махнул рукой другому солдату, который ушел в караульню. Сам он продолжал держать уздечку. А я в это утро пребывал в дурном настроении.

— Будь добр, убери руки, — буркнул я.

Судя по выражению его лица, он собирался мне

отказать.

— Сделаешь, что тебе говорят?

Он колебался, и я двинул рукояткой хлыста ему по пальцам. Он тут же, выругавшись, убрал руку и, похоже, проткнул бы меня мечом, если б посмел. Мы нетерпеливо ждали, а капитан все не появлялся.

— Какого черта он не выходит? — спросил я, и Маттео, повернувшись к другому солдату, приказал:

— Пойди и скажи ему, чтобы он немедленно пришел.

В этот момент появился капитан, и мы все поняли, потому что перед нами появился Эрколе Пьячентини. Он то ли увидел, как мы подъезжали к воротам, то ли прознал о моей поездке, вот и решил поизмываться над нами. Мы оба пришли в ярость.

— Какого черта вы не поторопились, когда я послал за вами? — спросил Маттео.

Он нахмурился, но не ответил. Повернувшись ко мне, спросил:

— Куда вы направляетесь?

Мы с Маттео переглянулись, потрясенные дерзостью Эрколе, и я взревел:

— С какой стати вы нас остановили?

— Я имею право отказать в проезде любому.

— Думайте, что говорите! — воскликнул я. — Клянусь, граф узнает о вашем поведении, а нынче у графа вошло в привычку делать все, как говорят ему д'Орси.

— Я ему это передам, — прорычал Пьячентини.

— Передавайте ему что угодно. Думаете, меня это волнует? Можете сказать ему, что я считаю его капитана грубияном.

— Вы не проедете, пока я не дам на то разрешения.

— Клянусь Богом, — воскликнул я вне себя от ярости, — я не могу разобраться с вами здесь, но если мы когда-нибудь встретимся в Читта-ди-Кастелло…

— Можете рассчитывать на любую сатисфакцию, — с жаром ответил он.

— Сатисфакцию! Я не собираюсь пачкать мой меч, скрестив его с вашим. Я прикажу своим слугам отхлестать вас плетьми в публичном месте.

Я испытывал огромное удовольствие, бросая ему в лицо эти слова.

— Поехали, — подал голос Маттео, — нечего терять время.

Мы пришпорили лошадей. Стражники посмотрели на своего капитана, ожидая приказа

остановить нас, но он промолчал, и мы миновали ворота. Когда отъехали на какое-то расстояние, Маттео повернулся ко мне.

— Джироламо что-то задумал, иначе Эрколе никогда не решился бы на такое.

— Это всего лишь бессильная злость глупца, — ответил я. — Граф скорее всего очень разозлится на него, услышав об этом.

Мы проехали несколько миль, а потом Маттео повернул назад. Оставшись один, я облегченно вздохнул. На какое-то время я получил возможность наслаждаться полной свободой. Перевернулась еще одна страница моей жизни… я мог забыть о ней и ждать чего-то нового.

Мартовский ветер будоражил мою кровь, заставляя ее бешено мчаться по венам. Ярко светило солнце. Цвели яблони, груши, миндальные деревья. Ветви плотно укутывал белый и розовый снег. Радовали глаз нарциссы и анемоны, каждая олива светилась счастьем. Весь мир смеялся этим ясным весенним утром, и я смеялся громче всех. Бодрящий весенний воздух опьянил меня, и я вонзил шпоры в бока моей лошади и помчался галопом по тихой и пустынной дороге.

Я решил забыть Джулию, и мне это удалось, потому что перемена обстановки позволила

отвлечься от грустных мыслей и взглянуть на мир во всей его красоте. Но я не властвовал над своими снами. Ночью она пришла ко мне, села рядом, обвила шею руками, ласкалась, стремясь заставить забыть об испытанных страданиях. И сколь горьким стало пробуждение… Но я надеялся, что скоро уйдут и сны, и тогда я окончательно обрету свободу.

Я скакал, крепкий духом и в прекрасном настроении, по бесконечным дорогам, останавливаясь в придорожных гостиницах, через горы, минуя деревеньки, замки и процветающие города, и, наконец, оказался в центре Тосканы и увидел перед собой крыши Флоренции.

В гостинице я привел себя в порядок и отправился гулять по городу, пробуждая воспоминания. Обошел собор Санта-Мария дель Фьоре, прислонившись к стене одного из домов на дальней стороне площади, полюбовался прекрасной апсидой с мраморными панелями, сверкающими подлунным светом. Один вид собора наполнял меня покоем и умиротворением, очищал от всего греховного… Потом я вошел в баптистерий[16], чтобы в сумрачном свете рассмотреть удивитель-

[16] Примечания: 16

Пристройка к церкви или отдельное здание, предназначенное для совершения крещения.

ные двери работы Гиберти[17]. В столь поздний час улицы совершенно опустели и, прогуливаясь по площади Синьории, я увидел перед собой мрачный каменный дворец с башнями. Спустился к реке Арно, посмотрел на сверкающую под луной воду, на мост, облепленный домами, и, глядя на всю эту красоту, нашел странным, что деяния человека могут быть хорошими и чистыми, хотя сам человек столь злобен.

На следующий день я занялся порученным мне делом. Я привез с собой рекомендательное письмо для Лоренцо, открывающее все двери, поэтому меня тут же провели к герцогу. В комнате были двое: один — молодой, с лицом овальной формы, с резкими чертами и восхитительной кожей, с темно-каштановыми локонами, ниспадающими на лоб и уши. Но прежде всего взгляд приковывали огромные карие глаза, нежные и меланхоличные. Я подумал, что никогда раньше не видел мужчины красивее. Рядом с ним, оживленно разговаривая, сидел неприметный мужичонка, согнутый, морщинистый и жалкий,

---

[17] Примечания: 17

Лоренцо Гиберти (ок. 1378–1455) — итальянский скульптор, ювелир, историк искусства. Делом всей жизни и главным произведением Гиберти стали бронзовые двери — северные (1403–1424) и восточные (1425–1452) — для баптистерия во Флоренции.

выглядевший продавцом из суконной лавки, если б не массивная золотая цепь на груди да одежда из темно-красного бархата с расшитым воротником. И лицо его не отличалось красотой: большой нос, широкогубый рот, маленькие глазки, блестящие и проницательные; коротко стриженные тонкие волосы, желтая, в крупных порах и морщинах кожа. Лоренцо де Медичи!

Когда я вошел в комнату, он остановился на полу-фразе, а потом обратился ко мне. У него был неприятный, грубый голос.

— Мессир Филиппо Брандолини, как я понимаю. Рад вашему приезду.

— Боюсь, я вам помешал. — Я посмотрел на юношу с меланхоличным взглядом.

— Нет-нет, — радостно возразил Лоренцо, — мы говорили о Платоне. Мне действительно надо бы заниматься более серьезными делами, но я никогда не могу отказать Пико.

То есть я видел перед собой знаменитого Пико делла Мирандолу[18]. Я вновь посмотрел на него и почувствовал зависть: одному человеку достались такой ум и такая красота. Явная несправедливость со стороны природы.

---

[18] Примечания: 18

Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) — итальянский мыслитель эпохи Возрождения, представитель раннего гуманизма.

— И я нахожу эту тему невероятно интересной!

— Да, пиршество ума! — Лоренцо хлопнул в ладоши. — Тема эта неисчерпаема! Я могу говорить об этом днем и ночью целый год, а потом обнаружить, что не сказал и половины того, что хотел.

— Ты так много об этом знаешь, — Пико рассмеялся, — что можешь дать обширный комментарий на каждую фразу Платона.

— Ты негодяй, Пико! — со смехом ответил Лоренцо. — И каково ваше мнение о любви, мессир? — добавил он, повернувшись ко мне.

Я ответил с улыбкой:

Судьба мне кажется несчастной,
Когда любовь всего меня лишает,
Став бесконечных мук причиной.

Эти строки принадлежали перу Лоренцо. Услышав их от меня, он улыбнулся, и я понял, что его могла пронять только более тонкая лесть.

— У вас душа придворного, мессир Филиппо, — заявил Лоренцо на мою цитату. — Жаль, что вы предпочитаете свободу!

— Она разлита в воздухе Флоренции, и человек впитывает ее в себя каждой порой.

— Что, свобода?

— Нет, душа придворного.

Лоренцо пристально глянул на меня, потом на Пико, который с трудом подавил улыбку, вызванную моим язвительным замечанием.

— Ладно, с каким делом вы приехали из Форли? — спросил он, но, едва я начал объяснять подробности, прервал меня. — Все это вы уладите с моими секретарями. Расскажите мне, какова обстановка в городе. Ходили слухи о волнениях.

Я взглянул на Пико, который при этих словах поднялся.

— Я вас оставлю. Политика не для меня.

Я рассказал Лоренцо обо всем, что произошло. Слушал он внимательно, изредка прерывая мой рассказ вопросом. Когда я закончил, спросил:

— И что будет теперь?

Я пожал плечами:

— Кто знает?

— Мудрый человек знает, — воскликнул Лоренцо, — ибо он принял решение и сделает все, чтобы оно реализовалось. Только глупец доверяется случаю и ждет, куда кривая вывезет… скажите своему господину…

— Простите? — прервал я его.

Он сердито глянул на меня.

— Я просто хотел узнать, о ком вы говорите? —

пробормотал я.

Он понял и улыбнулся:

— Извините. Я думал, вы из Форли. Разумеется, теперь вспомнил, что вы гражданин Кастелло, и всем известно, как трепетно ваши сограждане относятся к свободе и как дорожат ею.

Тут он меня, конечно, задел за живое, потому что Читта-ди-Кастелло стал одним из первых городов, потерявших свободу и в отличие от других совершенно не стремился ее вернуть.

— Тем не менее, — продолжил Лоренцо, — передайте Кеччо д'Орси, что я знаю Джироламо Риарио. Именно он и его отец руководили заговором, в результате которого погиб мой брат, а я едва избежал той же участи. Напомните ему, что граф не привык прощать или забывать нанесенные ему оскорбления. Вы говорите, Джироламо неоднократно угрожал Кеччо? Тот как-то отреагировал?

— Встревожился.

— А помимо этого?

Я смотрел на Лоренцо, пытаясь понять, что он хотел этим сказать.

— Он решил сидеть тихо и ждать, пока Джироламо найдет способ реализовать свои угрозы?

— Ему говорили, что это решение не из луч-

ших, — осторожно ответил я.

— И что он на это сказал?

— Он напомнил об исходе неких недавних… событий.

Лоренцо отвел от меня взгляд, словно понял тайный смысл моих слов, и теперь ему известно все, что он хотел знать. Старик поднялся и прошелся по комнате, потом повернулся ко мне.

— Скажите Кеччо, что положение Джироламо крайне неустойчивое. Папа настроен против него, хотя и делает вид, что поддерживает. Вы помните, как Дзампеши захватил его замок Сан-Марко? Джироламо понял, что сделано это с молчаливого согласия папы, и не решился его отбить. Лодовико Сфорца, без сомнения, пришел бы на помощь своей сводной сестре, но он воюет с Венецией, и, если народ Форли ненавидит графа…

— Так вы советуете…

— Я ничего не советую. Но дайте Кеччо знать, что только дурак ставит перед собой цель, которую не может или не хочет достигнуть, а мужчина, который достоин зваться мужчиной, уверенно и с ясным умом идет к цели. Он видит суть и отметает все ложное. И когда разум подсказывает ему средства для достижения этой цели,

он глупец, если отказывается воспользоваться ими. Если же он мудр, то действует быстро и без колебаний. Передайте это Кеччо!

Он плюхнулся в кресло, облегченно выдохнув.

— Теперь мы можем поговорить о другом. Пико!

Появился слуга, чтобы сказать, что Пико ушел.

— Варвар! — воскликнул Лоренцо. — И я вижу, вы тоже хотите уйти, мессир Брандолини. Но вы должны вернуться завтра. Мы собираемся разыграть диалоги Платона, и кроме остроумия латыни вы увидите юность и красоту Флоренции.

Когда я уходил, он добавил:

— Мне нет нужды предупреждать вас, что разговор наш не предназначался для посторонних ушей.

Глава 16

Спустя несколько дней я возвратился в Форли. По пути я много размышлял, и теперь мне в голову пришла любопытная мысль о том, что в мире, возможно, существует некий баланс добра и зла. Когда судьба дарит человеку счастье, она следит и за тем, чтобы потом он испытал несчастье, причем отводит и на первое, и на второе одинаковые промежутки времени, не нарушая равновесия… В моей любви к Джулии я несколько дней прожил абсолютно счастливым, экстаз от первого поцелуя мог сравниться разве что с вознесением на небеса: я почувствовал себя Богом. Потом последовал период притупленного счастья, когда я жил лишь для того, чтобы наслаждаться своей любовью, не обращая внимания на окружающий меня мир. За этим произошла катастрофа, и я пережил самые ужасные страдания, которые могли только выпасть на долю человека. Даже теперь, когда я об этом думал, на лбу выступал холодный пот. Но я заметил, что странным образом остротой несчастье равнялось счастью и длилось ровно столько же. После чего

наступил период притупленного несчастья, когда боль утраты уже не рвала сердце, а заставляла его лишь ныть, давая возможность сжиться со случившимся. С улыбкой и со вздохом я подумал, что период притупленного несчастья равен периоду притупленного счастья. И наконец, пришло блаженное состояние безразличия. Получалось, что жаловаться и не на что: сочетание счастья и несчастья, причем в равных долях, естественно и логично. За размышлениями я не заметил, как добрался до Форли.

Я миновал ворота с приятным чувством возвращения домой. Мне казалось, что я вернулся в компанию давних друзей, когда проезжал по серым, ставшими мне очень дорогими улицам. И я радовался, что скоро увижу Кеччо и Маттео, своего самого близкого друга. Я чувствовал, что по отношению к Маттео вел себя неподобающим образом. Он любил меня всей душой, я видел от него только добро, но страсть до такой степени захватила меня, что само его присутствие было невыносимо, и на его дружбу я отзывался более чем холодно. Теперь же, пребывая в сентиментальном настроении, я думал о том, что верный и надежный друг лучше самой красивой женщины на свете. Ты мог пренебрегать им, не хранить

ему верность, и однако, если ты попадал в беду, он возвращался, чтобы прижать тебя к груди и успокоить, и никогда не жаловался, что ты покинул его. Возникло желание как можно скорее увидеть Маттео, пожать его руку, и я, пришпорив лошадь, помчался по улице. За несколько минут добрался до дворца, спрыгнул на землю, взбежал по ступенькам и бросился в объятия моего друга.

Как только жар приветствий поостыл, Маттео потащил меня к Кеччо.

— Моему кузену не терпится услышать твои новости. Мы не должны заставлять его ждать.

Кеччо обрадовался моему появлению ничуть не меньше Маттео. Тепло пожал мне руку.

— Я так рад, что вы вернулись, Филиппо. В ваше отсутствие мы плакали, как брошенные пастушки. Так какие вы привезли новости?

Я понимал, что именно им не терпится услышать, видел, как они внимали каждому моему слову, и решил, что не сразу перейду к главному, а потому принялся разглагольствовать о доброте Лоренцо, о диалогах в лицах, которые он пригласил меня посмотреть. Я подробно рассказывал, какая блестящая собралась публика, как здорово играли актеры. Маттео и Кеччо слушали внимательно, но я видел, что они ждут от меня другого.

— Как я понимаю, вас интересует кое-что более важное, — кивнул я. — Что ж…

Они придвинулись ближе, стараясь не пропустить ни одного слова.

С легкой улыбкой я перешел к подробностям финансовой сделки, послужившей причиной моей поездки во Флоренцию, и заметил появившееся на их лицах недовольство. Кеччо проявил признаки нетерпения, но не прерывал меня. А вот Маттео не сдержался, осознав, что я вожу их за нос.

— Прекрати, Филиппо! Почему ты мучаешь нас, видя, что мы сидим как на иголках?

Кеччо посмотрел на меня, увидел мою улыбку и взмолился:

— Ради Бога, освободите нас от этой пытки!

— Очень хорошо, — кивнул я. — Лоренцо попросил меня рассказать о происходящем в Форли, внимательно выслушал, а потом на какое-то время задумался и сказал мне следующее: «Передай Кеччо…»

И я слово в слово повторил услышанное от Лоренцо, имитируя его интонации и жесты.

Когда закончил, они долго молчали. Наконец Маттео повернулся к кузену.

— Вроде бы достаточно ясно.

— Да, — ответил Кеччо с серьезным лицом, — яснее не бывает.

Глава 17

Я решил немного поразвлечься. Надоело мне быть строгим и серьезным. Когда возникают мысли о том, сколь коротка юность, глупо не воспользоваться ее преимуществами. Человеку отведено не так уж много времени, чтобы тратить его на страдания и стоны. Он едва успевает чуть-чуть повеселиться, как волосы его уже седые, а колени дрожат, и ему остается лишь скорбеть об упущенных возможностях. Потому-то столь многие говорили мне, что о грехах не сожалели никогда, а о проявленной добродетели — часто! Жизнь слишком коротка, чтобы воспринимать ее серьезно. Так что давайте есть, пить и радоваться жизни, ибо завтра мы умрем.

По части развлечений Форли предоставлял столько возможностей, что они превращались чуть ли не в тяжелую работу. Иной раз мы охотились целый день и возвращались ночью, уставшие и сонные, но крайне довольные собой, потягиваясь, как великаны, только-только пробудившиеся от сна. Мы устраивали поездки на виллы, где нас встречала добрая женщина,

и повторяли, пусть и в меньшем масштабе, «Декамерон» Боккаччо, или вели ученые разговоры на манер Лоренцо и его близких друзей в Кареджо[19]. Как и они, мы могли рассуждать о Платоне и получать удовольствие, пытаясь взглянуть на непристойности с философской точки зрения. Мы выбирали общую тему и писали сонеты, и я обратил внимание, что произведения наших дам всегда получались более пикантными, чем у мужчин. Иногда мы играли в пастухов и пастушек, но у меня не получалось играть роль игривого пастушка, и моя нимфа всегда жаловалась, что я плохо развлекал ее. Разыгрывали мы и пасторальные пьесы, устроившись в тени деревьев, чаще всего об Орфее. Мне всегда доставалась главная роль, обычно против моей воли, и я не мог с должной страстью скорбеть по Эвридике, потому что полагал неразумной и негалантной безмерную печаль по ушедшей любимой, если вокруг было так много женщин, готовых утешить тебя…

И в Форли нас ожидали фестивали и балы, которые шли непрерывной чередой, практически не оставляя времени для сна. Где-то выступали за-

---

[19] Примечания: 19

Сан-Пьетро-ди-Кареджо — деревушка рядом с Флоренцией.

езжие актеры, где-то устраивали попойку, где-то играли в карты. Я бывал всюду и везде находил радушный прием. Я умел петь и танцевать, играл на лютне, мог тут же сочинить сонет или оду, а за неделю написать трагедию в пяти актах в духе Сенеки или эпическую драму о Ринальдо[20] или Ланселоте. Женщины открывали мне объятья и отдавали все лучшее, что у них было, а я веселился, как пьяный монах, и ни о чем не тревожился…

Я оказывал знаки внимания всем дамам, и сплетники приписывали мне полдюжины любовниц, рассказывая желающим пикантные подробности моих романов. Я задавался вопросом, слышала ли Джулия эти сплетни и что о них думала? Изредка мы встречались, но я не считал нужным вступать с ней в беседу. В Форли хватало места для нас обоих. И если ты с кем-то не нашел общего языка, то нет смысла общаться с этим человеком.

Однажды, во второй половине дня, мы с Маттео поехали на виллу, расположенную в нескольких милях от Форли. Там устроили праздник по

---

[20] Примечания: 20

Ринальдо ди Монтальбано — герой французского рыцарского эпоса (Ринальд Монтальбанский).

случаю крещения. Прекрасная вилла поддерживалась в идеальном порядке. Били фонтаны, тенистые дорожки располагали к прогулке, выкошенные лужайки радовали глаз, и я настроился насладиться еще одним днем. Среди гостей увидел Клаудию Пьячентини. Сделал вид, что сильно сержусь на нее: недавно она устраивала бал, на который я не получил приглашения. Она подошла ко мне и попросила прощения.

— Это все мой муж.

Как будто я сам не знал причины.

— Он заявил, что ноги вашей в его доме не будет. Вы же опять с ним повздорили!

— Ничего не могу с собой поделать, потому что он для меня — обладатель прекрасной Клаудии.

— Он говорит, что не остановится, пока не увидит вашу кровь.

Меня это не встревожило.

— Он говорил, что даст обет не стричь волосы и не бриться, пока не отомстит, но я умолила его не делать этого, иначе он стал бы еще более отвратительным, чем теперь. Провидение и так жестоко с ним обошлось.

Я представил себе свирепого Эрколе с длинной нечесаной бородой и торчащими во все стороны волосами.

— Он выглядел бы как живущий в лесу дикарь. Пожалуй, мне пришлось бы принести себя в жертву на благо общества. Я стал бы одним из мучеников, пожертвовавшим собой ради спасения человечества — святым Филиппом Брандолини.

Я предложил прогуляться по саду… мы шагали по прохладным дорожкам, обсаженным миртом, и лавром, и кипарисами. Воздух наполняло пение птиц, легкий ветерок приносил ароматы полевых цветов.

В конце концов мы добрались до небольшой поляны, окруженной высокими кустами. Посередине журчал фонтан, в тени каштана стояла мраморная скамья на ножках-грифонах, напротив — статуя Венеры, обрамленная зеленью кустов. От остальных гостей мы ушли довольно далеко и не слышали гула голосов. Тишину нарушало только журчание фонтана: даже птицы, зачарованные красотой этого райского уголка, перестали петь. Шум воды убаюкивал как колыбельная, воздух благоухал лилиями.

Мы сели. Тишина радовала, умиротворенность и красота ласкали душу, и ощущение счастья наполнило меня, проникая в самые дальние уголки души. Аромат лилий начал возбуждать, и счастье переросло в любовь ко всему миру. Я

чувствовал, будто могу раскинуть руки и обнять его целиком. Аромат лилий пьянил меня, окутывая, сокрушая…

Я посмотрел на Клаудию. Подумал, что и она испытывает те же чувства. Журчание воды, тепло и разлитые в воздухе ароматы возбудили и ее. Сладострастная красота Клаудии влекла к себе: чувственные и влажные губы, пухлые и алые. Упругая шея, с такой белой кожей, что сквозь нее я видел вены. Платье, облегающее ее пышные формы, эти холмы плоти. В этот момент она казалась мне богиней сладострастия. И пока я смотрел на нее, мною овладело желание обладать ею. Я протянул руки, и она со страстным вскриком сдалась моим объятиям. Я притянул ее к себе, поцеловал ее прекрасный рот, чувственные и влажные губы, пухлые и алые…

Мы сидели бок о бок, смотрели на фонтан, вдыхали благоухающий воздух.

— Когда я смогу увидеть тебя? — прошептал я.

— Завтра… после полуночи. Приходи на узкую улочку за моим домом. Дверь найдешь открытой.

— Клаудия!

— До встречи! И ты не должен возвращаться со мной. Мы отсутствовали так долго, что люди это

заметили. Посиди здесь после того, как я уйду, а потом бояться будет нечего. До встречи!

Она оставила меня, и я еще долго сидел на мраморной скамье, наблюдая за маленькими кругами, расходящимися от падающих в воду капель. Моя любовь к Джулии теперь действительно умерла, и я похоронил ее, закопал под каменной Венерой, единственным свидетелем ее существования. Я попытался придумать подходящую эпитафию… Время может убить самую неистовую любовь, и прекрасная женщина, если ей помогает весенний ветерок, может развеять даже воспоминания. Я вернул себе душевный покой. Все удовольствия находились на расстоянии вытянутой руки: хорошие вина, вкусная еда, красивая одежда, приятное времяпрепровождение и, наконец, величайший дар богов — прекрасная женщина, согласившаяся стать моей. Я достиг вершины мудрости, постиг истину, которая открывается рано или поздно любому здравомыслящему человеку: живи текущим днем, не упускай удовольствий, избегай неприятного, наслаждайся настоящим, не думай о прошлом или будущем. Я сказал себе — мудрый из мудрых — никогда не думай. Счастье — это жить чувствами, как животные, и использовать разум, как это

делает бык, жующий жвачку, только для того, чтобы размышлять о своем превосходстве над всем человечеством.

Я посмеялся, вспоминая свои слезы и терзания, вызванные разрывом с Джулией. Теперь страданий я не испытывал. Только пожурил себя, что по глупости не бросил ее первым. Бедная Джулия! Я сильно напугал ее неистовством своей страсти.

Следующим вечером я не позволил Маттео уйти спать.

— Ты должен составить мне компанию. Мне надо уйти в час ночи.

— Составлю, если ты скажешь мне, куда пойдешь.

— Нет-нет, — я покачал головой, — это секрет. Но я хочу выпить с тобой за ее здоровье.

— Без имени?

— Да!

— Тогда за безымянную нашу, и удачи тебе!

Мы поговорили о пустяках, прежде чем я услышал от него:

— Я рад, что ты больше не страдаешь из-за Джулии д'Эсти. Я боялся…

— Нет, это ушло. Я внял твоему совету и убедился, что наилучший способ утешиться — влюбиться в кого-то еще.

Я немного волновался, идя на эту тайную встречу. Задавался вопросом, а вдруг это ловушка, устроенная дружелюбным Эрколе, чтобы избавиться от столь ненавистного ему человека. Но трусливое сердце недостойно прекрасной девы, и, даже если бы он напал на меня с двумя или тремя сообщниками, я сумел бы постоять за себя.

Страхи мои не оправдались. По пути домой, когда только-только затеплилась заря, я улыбался, вспоминая обыденность, с которой какая-то женщина открыла мне дверь и провела в комнату. Вероятно, она к такому привыкла. Даже не потрудилась посмотреть на мое лицо, чтобы узнать, кого пускает в дом, и оставалось только гадать, сколь много закутанных в плащ кавалеров входили в эту дверь, но меня не волновало, будь их и полсотни. С какой стати Клаудии быть более добродетельной, чем я? Внезапно я подумал, что наконец-то отомстил Эрколе Пьячентини, и мысль эта, безусловно не самая оригинальная, заставила меня замереть на месте и расхохотаться. Конечно же, образ, возникший перед мысленным взором, эта голова, увенчанная роскошными рогами, которыми я его наградил, мог рассмешить и мертвого. Да, о такой мести я, пожалуй, и не мечтал!

И кроме того, меня переполняла безмерная радость, потому что теперь я обрел полную свободу. Почувствовал, что разорвалась последняя тонкая цепочка, которая еще связывала меня и Джулию. На этот раз никакой любви я не испытывал. Только страстное желание овладеть этой роскошной, чувственной женщиной с такими пухлыми и алыми губами. Я желал ее телом, но не душой. Я вновь стал свободным человеком. И на этот раз мог не опасаться Немезиды.

Глава 18

Вот так какое-то время и текла моя жизнь, наполненная удовольствиями и развлечениями. Меня все устраивало, и я не хотел никаких перемен. Дни сменялись днями, началась первая неделя апреля. Джироламо устроил грандиозный бал, чтобы отпраздновать завершение строительства своего дворца. Он вселился в него, как только появились стены и крыша, но на внутреннюю отделку ушли годы. Он привлекал лучших мастеров Италии, и теперь наконец-то поставил последнюю точку. Семейство д'Орси пригласили с особой учтивостью, и вечером мы прибыли во дворец.

Поднялись по парадной лестнице и попали в огромный зал, который по замыслу Джироламо предназначался для таких вот грандиозных приемов. Повсюду горел яркий свет. В дальнем конце, на небольшом возвышении, на золоченых стульях с высокими спинками, сидели Джироламо и Катерина Сфорца. За ними полукругом и на ступеньках застыли, как статуи, придворные, дамы Катерины и несколько кавалеров. Позади

них — ряд гвардейцев.

— Прямо-таки королевская свита! — Кеччо кривил губы.

— Не дешевое это занятие — быть правителем Форли, — отметил Маттео, подливая масла в огонь.

Мы приблизились, и Джироламо, увидев нас, поднялся и сбежал по ступенькам.

— Мой дорогой Кеччо! — воскликнул он, сжимая его руки. — Я жду тебя как главного гостя.

Маттео и я направились к графине. В этот вечер она превзошла себя. Ее серебристое платье сверкало и переливалось. Бриллианты в волосах сияли, как светлячки в ночи. Шею, запястья, пальцы украшали драгоценные камни. Никогда она не выглядела такой прекрасной, такой величественной. Пусть все говорят, что им хочется, Кеччо, и Маттео, и остальные, но она родилась, чтобы быть королевой. Так странно, что дочь грубого солдата и распутницы внешностью ни в чем не уступала любой императрице, предки которой многие столетия восседали на престоле.

Нас она встретила крайне любезно. Меня похвалила за некоторые стихотворения из тех, которые читала, и поблагодарила за посвящение ей пасторальной пьесы моего сочинения. Она

не могла воздать должное интеллектуальным достижениям моего дорогого Маттео, но его амурные подвиги дали ей повод игриво упрекнуть моего друга. Она пожелала знать подробности, и я оставил ее, внимательно слушающую историю, которую Маттео нашептывал ей на ухо, причем я не сомневался в том, что сам он героем этой истории не являлся.

Я пребывал в исключительно хорошем расположении духа и огляделся в поисках человека, с которым мог бы над чем-нибудь посмеяться. Заметил Джулию. Я видел ее раз или два после возвращения в Форли, но ни разу не говорил. Теперь же я чувствовал себя уверенно. Точно знал, что она мне совершенно безразлична, но подумал, что неплохо бы хоть немного ей отомстить. Какое-то мгновение смотрел на нее, и принял решение. Подошел к ней и почтительно поклонился:

— Донна Джулия, несравненный мотылек!

Она неуверенно глянула на меня, не зная, как отнестись ко мне.

— Позвольте предложить вам руку, — решительно продолжил я.

Она улыбнулась чуть смущенно и взяла меня под руку.

— Как прекрасна сегодня графиня! — воскликнул я. — Все должны влюбиться в нее. — Я знал, что Джулия ненавидит Катерину, да и Катерина отвечала ей тем же. — Я бы не посмел сказать этого другой женщине, но знаю, что ты напрочь лишена ревности. На этом балу она луна среди звезд.

— Идея не первой свежести, — холодно ответила Джулия.

— Но более чем уместна в настоящий момент. Я думаю написать об этом сонет.

— Как я понимаю, сонеты в ее честь уже писались, и, думаю, дамы Форли будут тебе за него очень признательны.

Я рассердил ее и по собственному опыту знал, что в таком состоянии ей обычно хотелось плакать.

— Боюсь, ты злишься на меня.

— Нет, это ты зол на меня, — ответила она, уже на грани слез.

— Я? Почему ты так решила?

— Ты не простил мне…

Я задался вопросом, а не случился ли у добропорядочного Джорджо очередной приступ угрызений совести, заставивший его покинуть Форли.

— Дорогая моя, — с губ моих сорвался смешок, — заверяю тебя, я целиком и полностью тебя простил. В конце концов, ничего серьезного в наших отношениях и не было.

— Не было? — с некоторым удивлением взглянула она на меня.

Я пожал плечами:

— Ты поступила совершенно правильно. Такие интрижки рано или поздно заканчиваются, и в принципе не так уж важно, когда именно.

— Я боялась, что причинила тебе боль. — Она понизила голос.

Я вспомнил случившееся: тускло освещенная комната, элегантная женщина на диване, холодная и безразличная, и я, охваченный отчаянием. Я помнил блеск кольца с драгоценными камнями на белой руке. И не захотел пожалеть ее.

— Моя дорогая Джулия… ты позволишь мне называть тебя Джулией?

Она кивнула.

— Моя дорогая Джулия, поначалу я чувствовал себя несчастным, я это признаю, но недолго. Достаточно было выпить бутылку вина и хорошенько выспаться. Это такое же действенное средство, как кровопускание при лихорадке.

— Ты чувствовал себя несчастным?

— Естественно. Обычное дело, если тебе указывают на дверь. Куда приятнее самому инициировать разрыв.

— Так это вопрос гордости?

— Не могу этого не признать.

— Тогда я так не думала.

Я рассмеялся:

— Во всем виновата моя слишком уж эмоциональная натура. Я тебя напугал, но в действительности это ровным счетом ничего не значило. — Она молчала, и через какое-то время я продолжил: — Знаешь, когда человек молод, он должен максимально использовать отпущенное ему время. Верность — излишняя добродетель, непрактичная и совершенно немодная.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Проще говоря, ты не особенно любила меня, а я не особенно любил тебя.

— Ох!

— Мы почувствовали влечение другу к другу, а после того как удовлетворили его, нас уже ничего не связывало. Мы поступили бы глупо, если б не разбежались. Если бы ты не порвала со мной, это пришлось бы сделать мне. Женская интуиция подсказала тебе это, и ты опередила меня.

Вновь она промолчала.

— Разумеется, если бы ты любила меня или я — тебя, все было бы иначе. Но в нашем случае…

— Я вижу в углу мою кузину Виоланту. Отведешь меня к ней?

Я выполнил ее просьбу, а когда мы раскланивались, спросил:

— Мы так приятно поболтали и расстаемся друзьями, так?

— Несомненно!

Втайне я надеялся, что причинил Джулии боль и задел за живое. Сожалел, что не сумел сказать ей чего-то еще более обидного. Сам я испытывал по отношению к ней полнейшее безразличие, но, когда вспоминал о своих страданиях, ненавидел ее.

В Форли я теперь знал всех и, покинув Джулию, тут же нашел других собеседников. Гости прибывали. У графа собрался весь цвет Форли, и разговоры становились все более оживленными. Иногда их заглушала музыка, а главной темой вечера была удивительная красота Катерины. Она находилась в прекрасном настроении, и никто не знал, почему графиня так весела, учитывая, что в последнее время она страдала от непопулярности мужа. Теперь же ее мрачность исчезла, уступив место ослепительным улыбкам. Ее окружили

мужчины, которые что-то говорили ей, и взрывы смеха свидетельствовали об остроумных ответах. Обаянию графини способствовала чуть ли не солдатская прямота, свойственная Франческо Сфорце, которую Катерина в какой-то степени унаследовала. Люди говорили об уважении, которое выказывал Джироламо по отношению к Кеччо: они рука об руку ходили по залу, увлеченные разговором, напоминая о тех временах, когда со стороны казалось, что они — два любящих друг другу брата. Катерина иной раз смотрела на них и одобрительно улыбалась: не вызывало сомнений, что она радовалась их примирению.

Я прокладывал путь в толпе, наблюдая за людьми, со многими перекидываясь словом или раскланиваясь, и думал о том, что жизнь прекрасна и удивительна. Чувствовал себя очень довольным собой и гадал, где моя милая Клаудия. Мне хотелось подойти к ней и засвидетельствовать свое почтение.

— Филиппо!

Я повернулся и увидел Шипионе Моратини, который стоял рядом со своей сестрой, в окружении нескольких женщин и мужчин, в большинстве своем мне знакомых.

— Почему ты так довольно улыбаешься? —

спросил он. — Судя по твоему виду, ты потерял гальку и нашел алмаз.

— Может, так и случилось, кто знает?

В этот момент я заметил Эрколе Пьячентини, который входил в зал со своей женой. Мне стало любопытно, а чего это они так припозднились. К Клаудии тут же подскочил один из ее воздыхателей, и она покинула мужа, уплыв, опираясь на руку поклонника. Эрколе направился к графу. Его мрачная физиономия перекосилась неким подобием улыбки, которой определенно недоставало искренности.

— Сегодня действительно день веселья, раз уж злобный дикарь пытается улыбаться.

Зазвенел серебристый смех Джулии. Мне он показался натужным.

— У вас всепрощающая душа, дорогой друг. — Она сделала упор на последнем слове, напоминая, что им и закончился наш недавний разговор. — Истинно христианская добродетель!

— Почему? — с улыбкой спросил я.

— Я восхищаюсь той легкостью, с которой вы простили оскорбления, которые он вам нанес. Не часто случается видеть джентльмена, который подставляет вторую щеку.

Я внутренне рассмеялся: она пыталась покви-

таться со мной. И порадовался тому, что мои стрелы попали в цель. Шипионе вмешался, так как счел обидными как слова сестры, так и ее тон.

— Ерунда, Джулия! Ты знаешь, что Филиппо прощает своих врагов, только когда они перестают дышать. Просто обстоятельства…

Джулия пренебрежительно скривила губки:

— Обстоятельства! Я удивлена, потому что помню, с каким жаром мессир Филиппо клялся, что отомстит.

— Но мессир Филиппо считает, что отомстил, и очень эффектно, — ответил я.

— Как?

— Пробить дыру в груди человека не единственный способ отстоять свою честь.

— Что ты хочешь этим сказать, Филиппо? — спросил Шипионе.

— Разве ты ничего не заметил, когда он проходил мимо тебя?

— Эрколе? А что?

— Неужели ты не разглядел украшения на его благородной голове, изящную пару рогов?

Они смотрели на меня, словно не понимали. Я же разглядел в толпе Клаудию, которая стояла неподалеку от нас.

— Ах, я вижу алмаз, который нашел, потеряв гальку. Прошу меня извинить.

И когда я направился к Клаудии, они поняли: я услышал взрыв смеха. Я взял руку дамы и, низко поклонившись, страстно поцеловал. Искоса глянул на Джулию и увидел, что она смотрит в пол, покраснев от злости. Мое сердце радостно забилось: отчасти я расплатился за агонию, пережитую из-за нее.

Время шло, и гости засобирались домой. Кеччо, проходя мимо меня, спросил:

— Ты готов?

— Да, — ответил я и последовал за ним к Джироламо и графине, чтобы попрощаться.

— Ты так жестоко обошелся со мной, Кеччо, — упрекнула его графиня. — За весь вечер не уделил мне ни минуты.

— Но вы были так заняты.

— Но теперь-то нет, — улыбнулась она.

— Я подошел к вам, как только увидел, что вы свободны.

— Чтобы попрощаться.

— Уже очень поздно.

— Не так уж и очень. Присядь и поговори со мной.

Кеччо выполнил просьбу, а я, видя, что про-

щание затягивается, отошел и вновь принялся прогуливаться по залу в поисках друзей. Разговор Кеччо и графини постоянно прерывали люди, которые подходили, чтобы попрощаться, толпа гостей быстро редела. Мы с Маттео сели у окна и принялись делиться впечатлениями от вечера. Он рассказал мне о даме, к которой внезапно воспылал любовью.

— Как же тебя бросает из стороны в сторону, — рассмеялся я.

— Она сделала вид, что сильно рассердилась, — добавил Маттео, — но все-таки дала понять, что не позволит разбиться моему сердцу.

Я оглядел зал и увидел, что все гости ушли, за исключением Эрколе Пьячентини, который о чем-то перешептывался с графом.

— Я такой сонный, — признался Маттео. Мы пошли к графине, которая обратилась к Маттео, едва мы приблизились:

— Уходи, Маттео! Пока я не позволяю тебе увести Кеччо. Последние полчаса мы пытались поговорить, но только теперь получили такую возможность, и я не хочу, чтобы нам мешали.

— Я никогда не лишил бы Кеччо такого удовольствия. — Маттео кивнул мне, и мы вернулись к окну. — Сущее наказание — ждать кузена, пока

с ним флиртует красивая женщина!

— Ты можешь поговорить со мной… чего еще можно желать?

— Мне совершенно не хочется говорить с тобой! — рассмеялся он.

Джироламо все еще шептался с Эрколе. Его постоянно бегающие глаза осматривали зал, лишь изредка останавливаясь на лице Эрколе, иногда на нас, чаще — на Кеччо. Я даже задался вопросом, а не ревнует ли он.

Наконец Кеччо встал и попрощался. Тут Джироламо направился к нему.

— Ты же не собираешься уходить? — спросил он. — Я хочу поговорить с тобой о налогах.

Он упомянул о них впервые.

— Уже поздно, — ответил Кеччо, — и мои друзья устали.

— Они могут идти домой. Дело действительно срочное.

Кеччо замялся. Потом посмотрел на нас.

— Мы тебя подождем, — заверил его Маттео.

Взгляд Джироламо скользнул по нам — его глаза не останавливались ни на секунду — сместился на жену, вернулся к Кеччо, ко мне, к Маттео, все с невероятной, пугающей быстротой.

— Можно подумать, что вы боитесь оставить

Кеччо в нашем доме, — улыбнулась графиня.

— Нет, — ответил Маттео, — но я жажду получать хотя бы часть того внимания, которое вы уделили Кеччо. Или вы дадите мне увянуть?

Она рассмеялась, а потом быстро переглянулась с графом.

— Я буду только рада. Присядьте и поговорите со мной. По одному с каждой стороны.

Граф повернулся к Эрколе.

— Что ж, доброй ночи, мой друг. Доброй ночи!

Эрколе оставил нас, и Джироламо под руку с Кеччо принялся прохаживаться по залу Графиня и Маттео увлеклись разговором.

Я сидел рядом с ними, но они словно и не замечали меня, так что я наблюдал за графом. Его глаза зачаровывали меня: они никогда не останавливались, пребывая в непрерывном движении. Что они скрывали? Какие мысли роились в голове человека, глаза которого не знали покоя? Они как будто вбирали в себя того, на кого смотрели, — голову, черты лица, тело, одежду, не упускали ни одной мелочи, казалось, вгрызались в саму душу этого человека.

Джироламо и Кеччо, прогуливаясь по залу, продолжали беседовать. Мне оставалось только гадать, что их так занимало. Наконец граф оста-

новился.

— Что ж, я должен смилостивиться над тобой. И так утомил тебя до смерти. А ты знаешь, у меня нет желания ни в чем причинять тебе вреда.

Кеччо улыбнулся.

— Какие бы трения ни возникали у нас, Кеччо, — продолжил граф, — ты знаешь, что я со своей стороны никогда не держал на тебя зла. Всегда питал к тебе искренние дружеские чувства.

И едва он произнес эти слова, с ним произошла разительная перемена. Глаза, пребывающие в непрерывном движении, наконец-то остановились. Впервые я увидел их застывшими, замершими, словно отлитыми из стекла. Они всматривались в глаза Кеччо, не моргая, и их неподвижность, столь необычная в сравнении с прежним непрерывным движением, напугала меня еще больше. Казалось, Джироламо стремился увидеть собственное отражение в душе Кеччо.

Мы попрощались и вместе вышли в тишину ночи. Я чувствовал спиной эти остекленевшие глаза, взгляд которых провожал нас во тьму.

Глава 19

Ночь окутала нас. Днем прошел небольшой дождь, добавивший прохлады благоухающему воздуху. Легкий ветерок побуждал дышать полной грудью. Зеленели деревья, цветы источали тонкие ароматы. Облака лениво плыли по небу, в редких разрывах между ними сверкали звезды. Кеччо и Маттео шагали впереди, тогда как я чуть отстал от них, наслаждаясь весенней ночью. Она наполняла меня нежной грустью, естественной после мальчишеского веселья вечера, и не менее приятной.

Когда Маттео отстал от Кеччо и присоединился ко мне, я особого удовольствия не выказал: пожалел, что он вырвал меня из моих грез.

— Я спросил Кеччо, что говорил ему граф о налогах, но он не стал делиться со мной. Сказал, что должен обдумать их разговор.

Я никак не прокомментировал эти слова, так что шли мы молча. Миновав площадь, мы шагали по узким улочкам, проложенным меж высоких темных домов. В столь поздний час нам не встречалась ни одна живая душа, и тишину нарушал

только звук наших шагов. Кеччо опережал нас на несколько ярдов. Между крышами домов виднелась только полоска неба, по которому неспешно плыли облака. Лишь в одном месте сверкала звездочка. Теплый ветер дул в лицо и наполнял душу меланхолией. Я подумал, как это приятно, заснуть в такую дивную ночь и уже никогда не проснуться. Я устал, мне хотелось провалиться в вечный сон…

Внезапный крик заставил меня вздрогнуть.

Я увидел, как из тени домов к Кеччо метнулись черные фигуры. Поднялась рука, что-то блеснуло в темноте. Кеччо бросило вперед.

— Маттео! — крикнул он. — На помощь! На помощь!

Мы кинулись к нему, вытаскивая мечи. Завязалась схватка, нас трое против четверых, звенели удары мечей, послышался крик одного из нападавших, сраженного Маттео. Донесся топот бегущих ног, из-за угла появился небольшой отряд, раздался голос Эрколе Пьячентини:

— Что тут происходит?

— Помоги нам, Эрколе! — ответил Маттео. — Одного я убил. Кеччо ударили кинжалом.

— Ага! — И по приказу Эрколе его люди ринулись в бой.

Новые крики, звон мечей, тяжелые удары тел о землю.

— С ними покончено! — крикнул Маттео.

Все эти крики и шум схватки перебудили жителей ближайших домов. В окнах зажглись свечи, из них выглядывали женщины в ночных рубашках и колпаках. Открывались двери, на улицу выскакивали мужчины в сорочках и с мечами.

— Что такое? Что такое?

— Кеччо, ты ранен? — спросил Маттео.

— Нет. На мне кольчуга!

— Слава Богу, ты ее надел. Я видел, как тебя бросило вперед.

— Это от удара. Поначалу я не понял, ранен я или нет.

— Что случилось? Что случилось? — Горожане окружили нас.

— Они пытались убить Кеччо! Кеччо д'Орси!

— Господи! Он жив?

— Кто это сделал?

Взгляды устремились к четырем мужчинам, мешками лежащим на земле, из их ран струилась кровь.

— Они мертвы!

— Грабители?! — воскликнул Эрколе. — Они напали на тебя, не зная, что ты не один.

— Грабители! С какой стати грабителям нападать на меня этой ночью? — спросил Кеччо.

— Смотрите, смотрите, — указал кто-то из зевак, — один шевелится.

Не успели эти слова сорваться с губ мужчины, как один из солдат Эрколе вонзил кинжал в шею раненого, крикнув:

— Bestia![21]

Дрожь пробежала по распростертому на земле телу, и оно застыло.

— Глупец! — сердито рявкнул Маттео. — Почему ты это сделал?

— Он убийца, — ответил солдат.

— Он нам нужен живым, а не мертвым. Мы могли бы узнать, кто его нанял.

— О чем ты? — спросил Эрколе. — Это же обычные грабители.

— Вот и стража! — крикнул кто-то.

Подошли стражники, их быстро ввели в курс дела. Командир выступил вперед, осмотрел лежащие на земле тела.

— Они все мертвы.

— Унесите их, — распорядился Эрколе. — До утра оставьте в церкви.

---

[21] Примечания: 21
Скотина! (ит.)

— Стоп! — остановил его Кеччо. — Пусть принесут факелы, вдруг мы кого-то узнаем.

— Нет, сейчас уже поздно. Сделаем это завтра.

— Поздно будет завтра, Эрколе, — возразил Кеччо. — Несите факелы.

Принесли, осветили лицо первого мужчины, перекошенное гримасой смерти.

— Я его не знаю.

Потом второго.

— И его тоже.

Лица двух остальных также оказались незнакомыми. Кеччо покачал головой. Но тут же раздался голос:

— Эй, да я его знаю!

Мы повернулись к кричавшему.

— И кто он?

— Я его знаю. Это солдат из гвардии графа.

— Ага! — Маттео и Кеччо переглянулись. — Из гвардии графа!

— Это ложь, — возмутился Эрколе. — Я знаю их всех, а этого вижу впервые. Говорю вам, это грабители.

— Эрколе, безусловно, прав, — кивнул Кеччо. — Это обычные грабители. Пусть их унесут. Они уже заплатили высокую цену. Доброй ночи, друзья мои. Доброй ночи, Эрколе, и спасибо тебе.

Стражники подхватили трупы за голову и ноги и одного за другим унесли по темной улице. Мы втроем двинулись дальше, зеваки разошлись, все вокруг вновь стало тихо и пустынно.

Мы молча шли бок о бок. Добрались до дворца д'Орси, вошли, поднялись наверх, в кабинет Кеччо. Слуги принесли свечи, удалились, плотно затворив за собой дверь, после чего Кеччо повернулся к нам.

— И что?

Мы с Маттео промолчали. Кеччо сжал кулаки, глаза его сверкнули, он прошипел:

— Негодяй!

Мы все знали, что приказ отдал граф.

— Клянусь Богом, я так рад, что ты жив и невредим, — сказал Маттео.

— Каким же я был дураком, поверив его словам! Мне следовало знать, что он никогда не забудет оскорбление, которое я ему нанес.

— Он все хорошо спланировал, — заметил Маттео.

— Кроме солдата, — напомнил я. — Не предусмотрел, что его могут узнать.

— Возможно, он командовал остальными. Но как хорошо он все подготовил, задержал нас после ухода остальных, чуть не убедил Филиппо и

меня уйти домой, оставив тебя одного. Катерина в этом участвовала.

— Интересно, почему он не отменил покушения, когда понял, что вы не один? — спросил я.

— Он знает, что один я никуда не хожу, а второго такого случая могло и не представиться. Возможно, он думал, что им удастся отбиться от вас, может, даже убить.

— А Эрколе и его люди?

— Да, я думал об этом. Единственное объяснение — они ждали наготове, чтобы прикрыть их отступление, если бы они добились успеха, и убить, если бы покушение провалилось или они не смогли бы сбежать.

Так они и сделали. Я видел, как Эрколе подал знак солдату, добившему раненого.

— Возможно. Идея состояла в том, чтобы уничтожить всех свидетелей и исключить расследование.

— Что ж, теперь все увидят, что это опасно — выполнять грязную работу для Риарио.

— Это точно!

— И что теперь?

Кеччо посмотрел на него, но не ответил.

— Ты все еще отказываешься поступить с Джироламо так же, как он попытался поступить с

тобой?

— Нет! — без запинки ответил Кеччо.

— Правда? — вырвалось у нас обоих.

— Так ты согласен? — добавил Маттео.

— Теперь я не вижу причин, мешающих мне самому свершить правосудие.

— Убийство? — прошептал Маттео.

— Убийство, — твердо ответил Кеччо, а после паузы продолжил: — Это единственный оставшийся у меня выход. Вы помните слова Лоренцо? Они со мной изо дня в день, я обдумывал их снова и снова: «Дайте Кеччо знать, что только дурак ставит перед собой цель, которую не может или не хочет достигнуть, а мужчина, который достоин зваться мужчиной, уверенно и с ясным умом идет к цели. Он видит суть и отметает все ложное. И когда разум подсказывает ему средства для достижения этой цели, он глупец, если отказывается воспользоваться ими. Если же он мудр, то действует быстро и без колебаний». Я знаю цель, и я ее достигну. И знаю средства, и буду действовать быстро и без колебаний.

— Я рад, что ты наконец-то так заговорил, — кивнул Маттео. — Многие нам помогут. Моратини присоединятся к нам. Якопо Рончи и Лодовико Пансекки так злы на графа, что придут, как

только услышат о твоем решении убить нашего общего врага.

— Ты слеп, Маттео. Разве ты не видишь, что мы должны сделать? Ты принимаешь средства за цель.

— О чем ты?

— Смерть Джироламо всего лишь средство. Цель дальше и выше.

Маттео промолчал.

— Мои руки должны быть чисты. Никто не должен сказать, что мной двигали личные мотивы. И инициатива должна исходить не от меня. Идея убийства должна прийти со стороны.

— И кто, по-твоему…

— Я думаю, предложить ее должен Бартоломео Моратини, а я уступлю его доводам.

— Хорошо! Тогда я переговорю с ним.

— Нет-нет, ни ты, ни я не должны в этом участвовать. Потом ни у кого не должно остаться ни малейших сомнений, что д'Орси уговорили пойти на убийство ради блага общества. Понимаешь? Я скажу тебе, что надо сделать. Филиппо должен нам помочь. Он пойдет к Бартоломео, расскажет о нависшей над нами опасности, предложит Бартоломео убедить меня в необходимости убийства Джироламо. Вам ясно, Филиппо?

— Абсолютно!

— Вы это сделаете?

— Я пойду к нему завтра.

— Подождите, пока о покушении не станет известно всему городу.

Я улыбнулся обстоятельности Кеччо: он, несомненно, все продумал и не упускал ни единой мелочи. И куда только подевались его моральные принципы?

Ночная тьма уже начала разбавляться зарей, когда мы разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи.

Глава 20

Я не проспал, как мне показалось, и получаса, когда меня разбудил доносящийся снизу шум. Поднявшись, я подошел к окну, выглянул, увидел на улице толпу. Люди кричали и жестикулировали. Тут я вспомнил случившееся ночью и понял, что новости разлетелись по Форли и горожане пришли, чтобы узнать подробности. Я быстро оделся, спустился вниз и увидел, что и двор запружен толпой. Тут же меня окружили озабоченные люди, жаждущие узнать подробности происшествия. Ходили противоречивые слухи. Кто-то уверял, что Кеччо убили, другие утверждали, что он цел и невредим, большинство полагало, что его ранили. Все ждали Кеччо.

— Если он невредим, почему не выйдет к нам? — спрашивали они.

Слуга уверял их, что Кеччо одевается и спустится к ним с минуты на минуту… Внезапно раздался крик. Кеччо появился на верхней площадке лестницы. Люди бросились к нему, окружили, радостно крича, пожимали ему руку, обнимали ноги, просто прикасались к нему, чтобы убе-

диться, что он не ранен, целовали его камзол… Бартоломео Моратини вошел во двор, сопровождаемый сыновьями, и толпа раздалась, чтобы он мог пройти и обнять Кеччо.

— Слава Богу, ты невредим! — воскликнул Бартоломео. — Если что-то случится с тобой, для Форли это будет черный день!

Люди ответили криками согласия. Но тут же с улицы донесся глухой и недовольный ропот. Люди, стоявшие у лестницы, оборачивались, чтобы понять, что там такое.

— Расступитесь! Расступитесь! — послышались резкие крики. Толпу расталкивали, чтобы пропустить группу мужчин, в центре которой шел граф. Граф! Кеччо вздрогнул, но тут же взял себя в руки и поспешил навстречу высокому гостю. Джироламо подошел к нему, обнял, расцеловал в обе щеки.

— Мой Кеччо! Мой Кеччо!

Сторонники д'Орси, знавшие правду, изумленно переглянулись.

— Я поспешил сюда, как только узнал ужасные новости! — воскликнул граф. — Ты цел и невредим? Совершенно невредим?

Он вновь обнял Кеччо.

— Ты и представить себе не можешь, как я ис-

пугался, когда услышал, что ты ранен. Как же я рад, что это неправда! Господи, я благодарю Тебя за то, что Ты уберег моего Кеччо!

— Вы очень добры, мой господин, — ответил наш друг.

— Утешает только одно: грабители получили по заслугам. Мы должны принять необходимые меры, чтобы избавить город от таких опасных людей. Что скажут люди о моем правлении, если станет известно, что мирный горожанин не может ночью дойти до своего дома, не опасаясь за свою жизнь? Ох, Кеччо, я так корю себя за случившееся.

— У вас нет на то причин, мой господин, но… наверное, будет неплохо выяснить, кто эти люди, узнать, известны ли они в Форли. У них могут быть сообщники.

— Разумеется. Такая мысль приходила мне в голову. Давай выставим их тела на ярмарочной площади, чтобы их все могли увидеть.

— Извините, мой господин, — вмешался один из сопровождавших графа придворных, — но убитых оставили на ночь в церкви Сан-Спирито, а к утру трупы исчезли.

Мы с Маттео переглянулись. Кеччо не отрывал глаз от графа.

— Исчезли! — воскликнул тот, выражая крайнее неудовольствие. — Кто несет за это ответственность? Предложи награду за розыск тел и сообщников этих бандитов. Я требую, чтобы их нашли!

Вскоре после этого он отбыл, вновь расцеловав д'Орси, похвалив меня и Маттео за поддержку, оказанную Кеччо.

— Я сожалею, мессир Филиппо, что вы не уроженец Форли. Я бы гордился таким гражданином.

Бартоломео Моратини еще не покинул дворец д'Орси, поэтому, воспользовавшись случаем, я взял его за руку и отвел в галерею, уставленную скульптурами, где мы могли поговорить без помех.

— И что вы об этом думаете? — спросил я.

Он покачал головой:

— Это начало конца. Конечно же, всем нам совершенно ясно, что эти убийцы наняты графом. Притворной озабоченностью он никого не убедит в собственной невиновности. Весь город шепчет его имя. После провала первой попытки он не колеблясь предпримет вторую. Даже если он сможет простить оскорбление, нанесенное Кеччо, он не простит оскорбление, которое нанес себе сам. И в следующий раз он своего добьется.

— Меня это очень тревожит, — признался я. — Вы знаете, с каким уважением я отношусь к обоим д'Орси.

Он остановился, крепко сжал мою руку.

— Я просто не могу позволить Кеччо так безропотно отдать свою жизнь, — добавил я.

— Но что можно сделать?

— Только одно, и вы это предлагали… Джироламо надо убить.

— Да, но Кеччо никогда на это не согласится.

— Боюсь, что нет. — Я тяжело вздохнул. — Вы же знаете, какой он совестливый.

— Да, и хотя, по-моему, он тут перегибает палку, я его за это уважаю еще больше. В наши дни так сложно встретить такого честного, прямого и совестливого человека, как Кеччо. Но, мессир Филиппо, приходится жить по законам своего времени.

— Я тоже убежден в благородстве Кеччо, но оно его и погубит.

— Боюсь, что да. — Бартоломео погладил бороду.

— Кеччо надо спасти, даже против его воли. Нужно, чтобы он понял необходимость убийства графа. Он не станет слушать ни меня, ни Маттео, но вы для него авторитет. Я уверен, если кто и

способен повлиять на него, так только вы.

— Действительно, иной раз он прислушивается ко мне.

— Вы попытаетесь? Только он не должен заподозрить, что с этим предложением обратился к вам я или Маттео, а то не станет и слушать. Оно должно исходить исключительно от вас.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Как же я вам признателен. Только пусть его отказы не останавливают вас. Проявите настойчивость, ради нас. И вот что еще, вы знаете, что он начисто лишен эгоизма. Он не шевельнет и пальцем, чтобы спасти себя, но, если вы докажете ему, что делается все ради блага других, он не сможет вам отказать. Убедите его, что от него зависит безопасность всех нас. Такой уж он человек, побудить к действию его может только забота о других.

— Это я знаю, — кивнул Бартоломео. — Я пойду к нему и использую все аргументы.

— Я уверен, что ваши усилия будут вознаграждены.

Тут я показал себя идеальным пророком, потому что в предсказаниях опирался на факты.

Глава 21

Вечером Бартоломео вернулся во дворец д'Орси и попросил, чтобы его провели к Кеччо. По его просьбе нас с Маттео пригласили в кабинет хозяина, где уже находились два младших Моратини, Шипионе и Алессандро. Бартоломео выглядел даже более серьезным, чем всегда.

— Я пришел к тебе, Кеччо, побуждаемый чувством долга, и хочу поговорить с тобой о деле чрезвычайной важности. — Он откашлялся. — Прежде всего, ты уверен, что покушение на твою жизнь организовал Джироламо Риарио?

— К сожалению, должен признать, что да, уверен.

— Как и мы, абсолютно. И что ты собираешься теперь предпринять?

— А что я могу? Ничего!

— Ничего — это не ответ. Ты должен кое-что сделать.

— Что именно?

— Убить Джироламо до того, как он сумеет убить тебя.

Кеччо вскочил.

— Они говорили с тобой — Маттео и Филиппо. Это они надоумили тебя. Я знал, что речь снова зайдет об этом.

— Источник этой идеи только один — неодолимая сила обстоятельств.

— Никогда! Я никогда на это не соглашусь.

— Но он тебя убьет!

— Значит, я умру!

— Но ты погубишь семью. Что будет с твоей женой и детьми после твоей смерти?

— Если потребуется, умрут и они. Никто из д'Орси не боится смерти.

— Ты не можешь хладнокровно жертвовать их жизнью.

— Я не могу хладнокровно убить человека. Ах, друг мой, ты не знаешь, что для меня это значит. Я не религиозен, никогда не привечал священников, но что-то в моем сердце говорит — не делай этого. Я не знаю, что именно, совесть или честь, но этот голос ясно и отчетливо звучит во мне.

Он положил руку на сердце и говорил очень искренне. Мы проследили за его взглядом и увидели, что смотрит он на распятие.

— Нет, Бартоломео, — продолжил он, — нельзя забывать про Бога. Он всегда над нами, всегда смотрит на нас. И что я ему скажу, если мои руки

будут обагрены кровью этого человека? Ты можешь и дальше убеждать меня, но, поверь мне, лучше оставаться честным и незапятнанным и, насколько возможно, придерживаться основных положений учения, которое оставил нам Иисус, скрепив его кровью из ран своих.

Бартоломео посмотрел на меня, словно говоря, что ему нечего противопоставить этим аргументам, но я энергичным кивком предложил ему продолжать. Он колебался. Совершенно не хотелось, чтобы он отступил, не позволив Кеччо должным образом сдаться. И Бартоломео предпринял еще одну попытку.

— Ты хороший человек, Кеччо, и меня глубоко тронули твои слова. Но если ты не хочешь спасти себя, подумай о других.

— Что ты хочешь этим сказать? — В голосе Кеччо слышалось недоумение, он словно пробудился ото сна.

— Есть ли у тебя право жертвовать другими? Жители Форли надеются на тебя.

— Они легко найдут себе другого вождя. Да ты сам мог бы помочь им гораздо лучше, чем я. Под защитой твоих могучих рук они будут в полной безопасности.

— Нет, нет! Ты единственный, кому они под-

чинятся.

— Но разве я могу сделать больше, чем уже делаю? Я не собираюсь покидать Форли. Я останусь здесь и приму необходимые меры предосторожности. Это все, что в моих силах.

— Кеччо, посмотри на свое государство. Так дальше продолжаться не может. Люди едва сводят концы с концами, граф должен ввести эти налоги, и что тогда будет с людьми? Они начнут умирать от нищеты, а оставшиеся в живых будут завидовать умершим. Неужели ты сможешь на все это смотреть? И ты знаешь, что Джироламо убьет тебя, это всего лишь вопрос времени, и кто знает, сколько его тебе отпущено? Возможно, уже сейчас он выковывает орудие твоей смерти.

— Моя смерть! Моя смерть! — воскликнул Кеччо. — Пусть будет, как будет!

— Но что будет с остальными, когда ты уйдешь? Ты — дамба, сдерживающая тиранию Риарио. После твоего ухода его уже никто не остановит. И едва он поймет, что убийство — удобное средство для достижения цели, он пойдет на него вновь. Нам всем предстоит жить в постоянном страхе, что в любой момент в каждого из нас может вонзиться кинжал. Пожалей своих сограждан!

— Моя страна! — простонал Кеччо. — Моя

страна!

— Ты не можешь перед этим устоять. Ради блага своей страны ты должен возглавить нас.

— А если моя душа…

— Все делается ради страны. Кеччо, подумай о нас. Не только о тех, кто находится сейчас в этой комнате, но о наших женах, наших невинных детях, мы просим тебя, мы умоляем. Нам встать перед тобой на колени?

— Господи, что мне делать? — взволнованно вскричал Кеччо.

— Послушайте моего отца, Кеччо, — вмешался Шипионе. — Правда на его стороне.

— Только не ты, нет. Не давите на меня. Я чувствую, вы все против меня. Господи, помоги мне! Я чувствую, это неправильно, но решимость моя тает.

— Не думай о себе, Кеччо. Ты делаешь это для других, ради свободы, ради наших жизней, ради нас, и мы умоляем тебя сделать это!

— Я тронут твоими словами. Ты знаешь, как я люблю свою страну, и как я могу возражать, если ты говоришь от ее лица?

— Решайся, Кеччо! — Маттео поддержал старшего Моратини.

— Мы просим от тебя многого, — добавил Барто-

ломео. — Мы просим пожертвовать собой, даже, возможно, собственной душой, ради нашего общего блага.

Кеччо закрыл лицо руками, простонал:

— О Боже! Боже! — А потом с шумным вздохом поднялся. — Пусть будет, как вы хотите… ради блага нашей страны!

— Спасибо! Спасибо!

Бартоломео обнял его, поцеловал в обе щеки. Внезапно Кеччо вырвался.

— Послушайте вы все. Вы меня убедили, и теперь я должен высказаться. Клянусь, о себе я и не думаю. Если бы речь шла только обо мне, я бы и пальцем не шевельнул. Спокойно ждал бы удара кинжала убийцы. Я даже пожертвовал бы женой и детьми, и Бог знает, как сильно я их люблю! Себя бы я спасать не стал. И я клянусь всем, что для меня свято, что у меня нет никакого личного мотива, мною не руководит честолюбие, я не думаю о себе, не стремлюсь отомстить. Я с готовностью простил бы Джироламо все. Поверьте мне, друзья мои, в этом я честен. Клянусь вам, я делаю это только ради благополучия людей, которых я люблю, ради вас всех и… ради свободы.

Все принялись пожимать ему руку.

— Мы знаем, Кеччо, — выразил Бартоломео

общее мнение. — Мы в это верим. Ты великий и добрый человек.

Чуть позже мы начали обсуждать способы и средства. Каждый предложил свой план, а у остальных нашлись к нему серьезные возражения. Мы говорили все вместе, и каждого раздражало нежелание остальных слушать именно его, каждый думал, насколько жалки идеи остальных в сравнении с его собственными. Кеччо молчал. А какое-то время спустя задал короткий вопрос:

— Вы выслушаете меня?

Мы прикусили языки.

— Прежде всего мы должны выяснить, кто с нами, а кто против нас.

— Я уверен, что Якопо Рончи и Лодовико Пансекки выступят вместе с нами, — первым ответил Шипионе. — Они ненавидят графа и давно говорили мне, что готовы его убить.

— Нас шестеро и их двое — уже восемь.

— Еще Пьетро Альбанеси, и Пальянино, и Марко Скорсакана.

Шипионе перечислил верных сторонников дома д'Орси, которые последовали бы за главой семьи даже в ад.

— Одиннадцать, — подсчитал Бартоломео.

— А еще…

Каждый упомянул по имени, так что всего набралось семнадцать.

— Кто еще? — спросил Маттео.

— Этого достаточно, — ответил Кеччо. — Глупо собирать целую толпу, если можно обойтись меньшим числом. Еще раз, кто они?

Повторное перечисление имен подтвердило, что все названные злейшие враги графа, и большинство из них связаны с д'Орси родственными узами.

— Нам нужно встретиться с каждым по отдельности и поговорить.

— Тут нужна осмотрительность, — предупредил Бартоломео.

— Никто из них нас не выдаст. Каждый мечтает о смерти графа.

— Но до этого мы должны закончить все приготовления, — продолжил Кеччо. — Мы должны тщательно продумать каждый шаг, чтобы им осталось только реализовать наш план.

— Что ж, я думаю…

— Будьте добры, послушайте меня, — вмешался Кеччо. — Вы говорили о том, чтобы убить его в церкви или на прогулке. Оба этих пути опасны, потому что его всегда окружают люди, а говоря о церкви, никто и не вспомнил, с каким ужасом

люди относятся к святотатству. Свидетельство тому Галеаццо[22] в Милане и Медичи[23] во Флоренции. Необходимо учитывать предрассудки толпы.

— И что ты предлагаешь? — спросил Бартоломео.

— После дневной трапезы у гра… у нашего друга есть привычка удаляться в свой кабинет, пока слуги обедают. Практически всегда он там один. Я часто думал, что это прекрасная возможность для убийцы. Мне только в голову не приходило, что придется воспользоваться этой возможностью самому.

Он помолчал и улыбнулся иронии судьбы.

— После этого мы поднимем город, и очень важно, чтобы поблизости находилось как можно больше наших сторонников. Лучший день для этого — ярмарочный, когда все и так приходят на площадь. Собирать специально никого не надо, так что не возникнет и подозрений.

---

[22] Примечания: 22

Галеаццо Мария Сфорца (1444–1476) — герцог Милана, убит заговорщиками в церкви 26 декабря. Погибли и все участники заговора.

[23] Примечания: 23

В ранее упомянутом заговоре 1478 г., в результате которого погиб брат Лоренцо Медичи, активное участие принимали церковники во главе с кардиналом Франческо Сальвиати. Убийство произошло в церкви, и возмущенные флорентийцы растерзали заговорщиков.

Кеччо оглядел нас, чтобы понять, как воспринята его идея, а потом добавил:

— Разумеется, мысль эта только что пришла мне в голову.

И хорошо, что он это сказал, поскольку я уже успел отметить, как же тщательно все продумано. Даже хотелось узнать, сколь долго он обдумывал этот план.

Возражений у нас не нашлось.

— И кто это сделает?

— Я, — спокойно ответил Кеччо.

— Ты?!

— Да, один. Позже я расскажу вам о ваших ролях.

— И когда?

— В следующую субботу. Ближайший ярмарочный день.

— Так скоро! — Мы все удивились. До субботы оставалось только пять дней. Мы не могли даже хорошенько все обдумать. Слишком мало времени оставалось в нашем распоряжении. Алессандро высказался за всех:

— Времени нам хватит? Почему не неделей позже? Нужно же подготовиться.

— Особых приготовлений не требуется. У нас мечи уже наготове. Остальных предупредим за

несколько часов. Я бы хотел, чтобы все произошло завтра.

— Но… очень уж скоро.

— Длительное ожидание иной раз приводит к потере мужества. У нас есть цель, и мы должны идти к ней кратчайшим путем, сохраняя ясную голову и крепость духа.

На том обсуждение и закончилось. Когда мы уже расходились, один из Моратини спросил:

— Насчет остальных, должны мы…

— Оставьте все мне. Я возьму подготовку на себя. Вы трое приходите в пятницу вечером, часов в десять, сыграть в шахматы. В ближайшие дни дела будут отнимать все наше время, так что встретиться мы не сможем. Я рекомендую вам всем постоянно оставаться на виду, бывать на всех собраниях и балах.

Кеччо крепко взялся за бразды правления. Не допускал возражений, не отклонялся от плана, который он набросал… под влиянием момента.

Нам оставалось четыре дня на веселье и сбор роз, а потом… кто мог знать? Нас могли рядком развесить вдоль дворцовой стены на элегантных пеньковых веревках. Или наши головы могли украсить пики, а тела отдать на съедение собакам. Я поделился этими мыслями с Маттео, но

он был настроен более оптимистично. Впрочем, он согласился со мной в том, что оставшееся время надо использовать с толком, а потому в соответствии с желаниями Кеччо мы ударились в загул. Я уверен, что у Клаудии никогда не было такого страстного любовника, каким я показал себя в эти четыре дня. Помимо этого я отметился на всех банкетах, балах, играх в карты. Я отчаянно рисковал, с учетом неопределенности моего будущего, и выиграл целое состояние. Кеччо взял всю подготовку на себя, так что нам с Маттео оставалось лишь веселиться, что мы и делали. О том, что подготовка эта ведется, мне говорили глубокомысленные взгляды, которые бросали на меня люди, упомянутые в разговоре в кабинете Кеччо. А Якопо Рончи, расставаясь со мной в четверг вечером, сказал:

— Завтра увидимся.

— Как я понимаю, ты придешь сыграть в шахматы, — с улыбкой ответил я.

Войдя в кабинет Кеччо в назначенный час, мы с Маттео ощущали озабоченность и нервозность. У меня гулко билось сердце, и я с трудом сдерживал нетерпение. Мне хотелось, чтобы остальные собрались как можно быстрее. Наконец пришли все, мы пожали друг другу руки, держались ско-

ванно, словно школьники, собравшиеся вместе под покровом ночи, чтобы съесть украденные фрукты. Все это могло показаться комичным, да только мысленным взором я очень уж ясно видел пеньковые петли на шее каждого.

Кеччо заговорил тихим, чуть дрожащим голосом. Он волновался, хотя изо всех сил пытался это скрыть.

— Мои дорогие и верные друзья, — начал он. — Похоже, родиться и жить в Форли в наше время — худшая участь для всех, кто может родиться и жить.

Мне никогда не доводилось сталкиваться с тишиной, в которой его слушали. Как же она давила! Голос Кеччо становился все тише и тише, но каждое слово слышалось ясно и четко. Дрожь в голосе усиливалась.

— Так ли необходимо, чтобы здесь рождались и жили не люди, а рабы? Наши покрывшие себя славой предки никогда бы не допустили такой беды. Они были свободными и в свободе находили жизнь. Но нынешняя жизнь ничуть не лучше смерти…

Он привел примеры тирании Джироламо, которые заставили подданных возненавидеть графа, и рассказал об опасности, которой все они

подвергались.

— Вы знаете о несправедливостях, выпавших на мою долю благодаря человеку, которому я помог занять место на троне. За это я его прощаю. И руководствуюсь только верностью стране и любовью к людям, которые ее населяют. Если у кого-то еще есть личные обиды, я прошу забыть о них и думать только о том, что мы освобождаем от угнетения тех, кого любим больше всего на свете. Пусть в ваших сердцах живет душа Брута, ради свободы убившего человека, которого он любил больше всех.

Он познакомил присутствующих с подробностями плана, распределил роли и, наконец, распустил всех.

— Этим вечером помолитесь Господу, — с жаром воскликнул Кеччо, — чтобы Он благосклонно отнесся к делу, за которое мы взялись. Просите судить нас по чистоте наших намерений, а не действий, которые, в силу несовершенства наших знаний, могут показаться нам только средством для достижения нашей цели.

Мы все перекрестились и молча разошлись.

Глава 22

Спал я в ту ночь тревожно, а когда пробудился, солнце только-только начало подниматься над горизонтом.

Наступила суббота, 14 апреля 1488 года.

Я подошел к окну и увидел безоблачное небо, ярко-желтое на востоке, но белесое на остальной части небосвода, хотя белесость эта быстро наливалась синевой. Первые лучи, попавшие в мою комнату, высвечивали мириады пылинок. В открытое окно врывался весенний ветер, наполненный ароматами цветущих фруктовых деревьев, примул и фиалок. Никогда я не чувствовал себя таким молодым, сильным и здоровым. Я пошел в комнату Маттео и нашел его крепко спящим, как и в любой другой день.

— Поднимайся, лежебока! — крикнул я.

Через несколько минут, умывшись и одевшись, мы пошли к Кеччо. Нашли его в кабинете. Он сидел за столом и точил кинжал.

— Помните, что написано у Тацита? — Он добродушно нам улыбнулся. — Заговор против Нерона раскрыли, потому что один из его участ-

ников попросил вольноотпущенника наточить ему кинжал. У вольноотпущенника зародились подозрения, и он предупредил императора.

— Философы говорят нам, что учиться надо на ошибках других, — тем же тоном ответил я.

— Это одна из причин, по которым я люблю тебя, Филиппо, — ответил мне Кеччо. — Ты всегда находишь правильные слова и воспринимаешь жизнь без излишней серьезности.

Он поднял кинжал и посмотрел на него: прекрасная дамасская сталь лезвия, рукоятка, украшенная драгоценными камнями.

— Посмотрите. — Он показал нам клеймо мастера, выковавшего клинок. Потом задумчиво продолжил: — Я никак не могу ответить на вопрос, какой удар наиболее эффективен, если хочешь убить человека?

— Максимальную силу ты можешь приложить, занеся кинжал над головой… Вот так. — Маттео проиллюстрировал свои слова.

— Да, но можно попасть в ребро, и в этом случае твой друг может отделаться легкой раной.

— Можно ударить в шею.

— Цель слишком маленькая, и может помешать подбородок. С другой стороны, ранение там, где проходят крупные артерии, почти наверняка

окажется смертельным.

— Интересная тема, — кивнул я. — По моему разумению, наилучший удар — снизу вверх, вспарывающий живот.

Я взял кинжал и показал Кеччо, о чем речь.

— Костей нет, нанести такой удар легко, и он неминуемо принесет смерть.

— Да, — согласился Кеччо, — но не мгновенную! Я считаю, лучше всего бить между лопаток. Когда наносишь удар со спины, жертва не видит занесенного ножа и, если действовать быстро, не успевает оказать сопротивления.

— Это всего лишь вопрос вкуса. — Я пожал плечами. — Об этом человек должен судить сам, руководствуясь особенностями своего склада характера.

Какое-то время мы еще поболтали. А потом я предложил Маттео пойти на ярмарочную площадь и взглянуть на людей.

— Да, пойдите, — согласился со мной Кеччо, — а я повидаюсь с отцом.

По пути Маттео рассказал мне, что Кеччо пытался убедить отца на какое-то время уехать из города, но тот отказался, как и жена Кеччо. Я видел старого Орсо д'Орси раз или два. Совсем ослабевший, он никогда не спускался по лестни-

це, постоянно пребывал в своих покоях. Сидел у камина, играя с внуками. Кеччо заходил к нему каждый день, утром и вечером, но для остальных он вроде бы и не существовал. В доме всем заправлял Кеччо.

На ярмарочной площади толпились люди. Временные палатки торговцев стояли рядами, и крестьянки выложили на столах свои товары: овощи и цветы, кур, уток и другую домашнюю птицу, молоко, масло, яйца. В других местах предлагали мясо, масло для фонарей, свечи. Продавщицы широко улыбались, обмахивались желтыми и красными платками, на шеях сверкали золотые цепочки, головные уборы радовали чистотой. В одной руке они держали весы, в другой — миску с медными монетами, перекрикивались друг с другом, торговались, кричали, шутили, смеялись. Покупатели ходили между рядами, смотрели на товары, выбирали нужный, щупали, нюхали, пробовали, всевозможными способами оценивая качество. В толпе бродили продавцы амулетов, талисманов и колдовских снадобий, громко расхваливая свой товар, локтями проталкиваясь между людьми, ругая тех, кто случайно их толкал. Уличные мальчишки носились по площади, сновали между ног, проле-

зали под повозками, между шатрами, не обращая внимания на полученные пинки и проклятия, которые неслись вслед. Стоило торговцу зазеваться, сорванцы хватали все, что плохо лежит, и со всех ног уносились прочь. Тут же выступал фокусник, лекарь, вынимающий зубы, пел менестрель. Жизнь на площади бурлила.

— С первого взгляда и не видно, что все эти люди — жестоко угнетаемые рабы, — ехидно заметил я.

— Первое впечатление обманчиво, — ответил Маттео, который многое начал воспринимать слишком уж серьезно. Я не раз говорил ему, что такое отношение к жизни может привести его в монастырь.

— Давай развлечемся, — предложил я, взял Маттео за руку и повел в поисках жертвы. Мы остановили свой выбор на торговке дешевыми украшениями, необъятной женщины с тройным подбородком и раскрасневшимся лицом, с которого градом катился пот. Мы пожалели ее и подошли, чтобы утешить.

— Очень холодный сегодня день, — сказал я, на что она раздула щеки и выдохнула. Порыв горячего ветра едва не отнес нас в сторону.

Она взяла со столика бусы и предложила

Маттео купить их для своей дамы сердца. Мы начали торговаться, предлагая цену чуть ниже названной, а когда появились признаки того, что торговка готова уступить, сделали ей последнее предложение, еще снизив цену. Она схватила швабру и бросилась на нас, так что нам пришлось спешно ретироваться.

Никогда раньше я не пребывал в столь прекрасном расположении духа. Я предложил Маттео посостязаться — в беге, ходьбе, скачке, — но он отказался, заявив, что я слишком уж разыгрался. Потом мы пошли домой. Кеччо только что вернулся с мессы, молчаливый и серьезный, как палач. Я пожаловался, что никто не хочет говорить со мной, и отправился к детям, которые приняли меня в свои игры, прятки и жмурки, и пробыл с ними до обеда. Ели мы вместе, и рот у меня не закрывался, я болтал обо всем, что только приходило в голову, но остальные молчали, как совы, и не слушали меня, а потому у меня тоже начало портиться настроение…

Мрачность остальных заразила и меня, безрадостные картины, которые рисовало их воображение, появились и перед моим мысленным взором. Слова иссякли, и теперь мы втроем сидели молча. За стол я садился с отменным

аппетитом, но и в этом сказалось влияние остальных, так что кусок уже не лез в горло. Мы возили еду по тарелкам, мечтая об окончании обеда. Я ерзал на стуле, Кеччо сидел, обхватив пальцами подбородок, иногда пристально смотрел на меня или Маттео. Один из слуг уронил тарелки. Мы все вздрогнули, а Кеччо еще и выругался: никогда раньше я не слышал от него бранного слова. Он побелел как полотно — не вызывало сомнений, что он сильно нервничал. Я спросил, который час. Оставалось еще два часа. И тянуться им предстояло, похоже, очень долго. Хотелось, чтобы обед поскорее закончился и я мог встать из-за стола. Я хотел пройтись, но, когда трапеза закончилась, ноги вдруг стали такими тяжелыми, что подняться не удалось: я мог только сидеть и смотреть на остальных. Маттео несколько раз наполнял и осушал свою кружку, и когда вновь потянулся к кувшину с вином, заметил, что Кеччо нахмурился, а уголок его рта приподнялся — верный признак недовольства. Маттео убрал руку и отодвинул кружку. Так резко, что она скатилась со стола. Мы услышали, как часы на церкви пробили три. Казалось, нужный нам час никогда не наступит. Мы сидели и ждали. Наконец Кеччо встал и закружил по комнате. Позвал детей. Они

пришли, и он заговорил с ними таким хриплым голосом, что они едва могли его понять. Потом, словно испугавшись себя, обнял их, одного за другим, страстно поцеловал, как целуют женщину, и велел уйти. Подавил рыдание. Мы продолжали сидеть. Я отсчитывал минуты. Никогда они не тянулись так долго. Это было ужасно…

Наконец ожидание закончилось!

В половине четвертого мы поднялись и взяли шляпы.

— Пора, друзья мои! — Кеччо облегченно выдохнул. — Худшие наши беды теперь позади.

Мы последовали за ним. Я обратил внимание, что кинжал, украшенный драгоценными камнями, при нем, и время от времени Кеччо брался за рукоятку, словно хотел убедиться, что оружие на месте. Мы шли по улицам, и люди приветствовали нас. Подошедший нищий попросил милостыню, и Кеччо дал ему золотой.

— Да благословит тебя Бог! — воскликнул нищий.

И Кеччо горячо его поблагодарил.

По узким улицам мы шли в тени, но, когда обогнули последний угол, солнце ударило нам в лицо. Кеччо на мгновение остановился и раскинул руки, словно хотел обнять солнечные лучи,

потом повернулся к нам и широко улыбнулся:

— Добрый знак!

Еще несколько шагов привели нас на площадь.

Глава 23

Среди слуг графа был Фабрицио Торниелли, кузен д'Орси по материнской линии. Кеччо сказал ему, что хочет поговорить с Джироламо о деньгах, которые ему одолжил, и думает, что лучше всего сделать это, когда граф пребывает в одиночестве после обеда, а обедал правитель Форли всегда в три часа пополудни. Но Кеччо требовалось точно знать, что граф один, вот он и попросил кузена подать ему знак, когда он придет… Фабрицио согласился, и мы договорились, что будем прогуливаться по площади, пока не увидим его. Все наши друзья тоже прибыли на площадь, и мне казалось, что они разительно отличаются от остальных. Я даже удивился, что люди не останавливают нас и не спрашивают, что стряслось.

Тут одно из окон дворца распахнулось, и мы увидели стоящего за оконным проемом Фабрицио Торниелли, который смотрел на площадь. Мы получили свой шанс. Мое сердце забилось так яростно, что мне пришлось поднести руку к груди, чтобы чуть успокоить его. Помимо меня и Маттео

Кеччо взял с собой во дворец Марко Скорсакану, Лодовико Пансекки и Шипионе Моратини. Кеччо коснулся моей руки, и мы медленно поднялись по ступенькам, а остальные шли следом. Глава семьи д'Орси, как тогда говорили, имел золотой ключ, то есть мог пройти к графу в любое время. Стражник у двери отсалютовал нам, не задав ни единого вопроса. Мы поднялись в личные покои Джироламо, и слуга впустил нас. Оказались в приемной и увидели большую дверную арку, задернутую портьерой.

— Подождите меня здесь, — распорядился Кеччо. — Я пойду к графу.

Слуга откинул портьеру, Кеччо прошел, портьера за его спиной вернулась на прежнее место.

Джироламо стоял, облокотившись на подоконник. Он протянул Кеччо руку.

— Кеччо, как ты?

— Все хорошо. А вы?

— Мне всегда хорошо, когда я среди своих нимф.

Он обвел рукой фрески на стенах. Их автором был знаменитый художник, и они изображали нимф, бегающих, прыгающих, купающихся, плетущих венки и приносящих жертву Пану. Собственно, комната эта так и называлась — Ка-

бинет нимф.

Джироламо огляделся с довольной улыбкой.

— Я рад, что все наконец-то закончилось. Восемью годами раньше здесь были только каменные стены, а теперь все выкрашено и отделано, так что я могу сесть и сказать: «Работа закончена».

— Такой работой можно гордиться, — кивнул Кеччо.

— Ты представить себе не можешь, Кеччо, как я этого ждал. Раньше я всегда жил в домах, которые строили и отделывали другие люди, и они жили в них до меня. Но этот дом я построил по своему вкусу. Я контролировал каждый этап строительства и могу сказать, что это действительно мой дом.

Он помолчал, оглядывая комнату.

— Иногда, казалось, я с головой уходил в строительство, потому что не было у меня более приятного времяпрепровождения. Удары молотка плотника, стук мастерка каменщика музыкой звучали в моих ушах. В законченности всегда есть привкус меланхолии. В тот момент, когда заканчивается строительство дома, начинается его разрушение. Кто знает, сколько пройдет времени, прежде чем эти картины сползут со стен, да и сами стены обратятся в пыль?

— Пока ваша семья будет править в Форли, этот дворец сохранит свое великолепие.

— Да, и, я уверен, если семья будет поддерживать дом, то и дом будет поддерживать семью. Я чувствую, что все сильнее укореняюсь в Форли, становлюсь с городом единым целым. И я полон надежд, потому что еще молод и силен. Впереди еще добрых тридцать лет жизни, а за тридцать лет можно многое сделать. И мои дети, Кеччо! Каким славным для меня будет день, когда я возьму сына за руку и скажу ему: «Ты уже взрослый и сможешь удержать скипетр после того, как смерть заберет его из моей руки». Этот дворец будет хорошим подарком, который я ему оставлю. У меня столько планов. Форли станет богатым и сильным городом, а его правитель не будет опасаться соседей: и папа, и Флоренция будут искать его дружбы.

Он смотрел куда-то далеко-далеко, словно видел будущее.

— А пока я хочу наслаждаться жизнью. У меня жена, которую я люблю, дом, которым горжусь, два верных города. Чего еще можно желать?

— Вы счастливый человек, — кивнул Кеччо.

Последовала короткая пауза. Кеччо пристально смотрел на графа. Тот отвернулся и отошел, и

Кеччо взялся за кинжал. Последовал за графом. Джироламо повернулся к нему, держа в руке драгоценный камень, который взял с подоконника.

— Когда ты пришел, я рассматривал этот камень. Бонифацио привез его из Милана, но, боюсь, я не могу его себе позволить. Хотя искушение велико.

Он протянул камень Кеччо.

— Я не думаю, что он лучше того, что вы носите на шее. — Кеччо указал на другой камень, оправленный в золото, висевший на тяжелой золотой цепи.

— Нет, этот красивее, — не согласился Джироламо. — Сравни их.

Кеччо поднес камень, который держал в руке к другому, и при этом пальцами надавил на грудь графа. Хотел убедиться, что тот без кольчуги, чтобы не допустить ту же ошибку, что и подручный графа… Он предполагал, что никакой кольчуги нет, но рассчитывал убедиться в своей правоте.

— Я думаю, вы правы. В оправе второй камень смотрится лучше, сверкает ярче. И неудивительно, потому что оправа и цепь — шедевр.

Он приподнял цепь, вроде бы для того, чтобы получше ее рассмотреть, и при этом положил руку на плечо графа. Теперь точно знал, что коль-

чуги нет.

— Да, — кивнул Джироламо, — их мне изготовил лучший золотых дел мастер Рима. Настоящее произведение искусства.

— Вот ваш камень. — Кеччо протянул его графу, но так неловко, что, когда граф хотел взять камень, он проскользнул между их рук. Джироламо инстинктивно наклонился, чтобы поймать камень. В этот самый момент Кеччо выхватил кинжал и вонзил в спину графа. Того качнуло вперед, и он упал лицом вниз.

— Боже, — крикнул Джироламо. — Меня убили!

Ранее из кабинета не доносилось ни звука. Теперь же мы услышали и крик, и тяжелый удар. Слуга рванулся к портьерам.

— Они убивают моего господина! — закричал он.

— Заткнись, болван! — Я схватил его сзади и, руками закрыв рот, потащил назад. В тот же самый момент Маттео выхватил кинжал и пронзил слуге сердце. Несчастный дернулся, я оттолкнул от себя уже бездыханный труп, и он, упав на пол, откатился в сторону.

Тут же из-за портьеры появился Кеччо, привалился к стене. Бледный как смерть, дрожа всем

телом, он молчал, жадно хватая ртом воздух, и я подумал, что сейчас он лишится чувств. Потом невероятным усилием воли он заставил себя просипеть:

— Господа, мы свободны!

— Свобода! — вырвался из нас общий крик.

— Он мертв? — спросил Лодовико Пансекки.

Вновь дрожь пробежала по телу Кеччо, словно от порыва ледяного ветра. Он доплелся до стула, плюхнулся на него, простонал:

— О Боже!

— Я пойду посмотрю. — Пансекки откинул портьеру и скрылся в кабинете.

Мы стояли, дожидаясь его. Услышали тяжелый удар, потом появился Пансекки.

— В этом можно не сомневаться.

Мы увидели кровь на его руках. Подойдя к Кеччо, он протянул ему кинжал, украшенный драгоценными камнями:

— Возьмите. Здесь он понадобится вам больше, чем там, где вы его оставили.

Кеччо в отвращении отвернулся.

— Слушай, возьми мой, — предложил Маттео кузену. — Я возьму твой. Он принесет мне удачу.

Едва эти слова слетели с его губ, в коридоре послышались шаги. Шипионе осторожно выглянул

за дверь.

— Андреа Фрамонти, — прошептал он.

— Та еще удача, — пробормотал Маттео.

Командир дворцовой стражи в это время дня всегда приходил к графу, чтобы узнать новый пароль. Мы об этом забыли. Андреа вошел в приемную.

Сразу заметил лежащее у стены тело.

— Господи! Что это? Что тут…

Посмотрел на нас и замолчал. Мы уже окружали его.

— Измена! — закричал он. — Где граф?

Обернулся. Шипионе и Маттео блокировали дверь.

— Измена! — повторил он и выхватил меч.

Одновременно мы выхватили свои и бросились на него. Он парировал несколько наших ударов, но нас было слишком много, и он упал, истекая кровью, с дюжиной ран.

Схватка произвела на Кеччо магический эффект. Он встал, выпрямился в полный рост, щеки раскраснелись, глаза засверкали.

— Все хорошо, друзья мои, все хорошо! Удача на нашей стороне. И теперь пора браться за работу. Дай мне мой кинжал, Маттео, теперь он священный. Он окроплен кровью во имя свободы.

Свобода, друзья мои, свобода!

Мы вскинули над головой мечи и прокричали:

— Свобода!

— А теперь вы, Филиппо, возьмите Лодовико Пансекки и Марко и отправляйтесь в покои графини. Скажите ей, что она и дети под арестом, и никому не позволяйте входить или выходить. Сделайте это любой ценой… Мы же пойдем поднимать город. На площади меня ждут двадцать вооруженных слуг. Они будут охранять дворец и окажут вам всяческую помощь. Пошли!

Я понятия не имел, как добраться до покоев графини, но Марко часто бывал во дворце и знал все входы и выходы. Он подвел нас к двери, у которой мы остановились. Через несколько минут до нас донесся поднявшийся на площади шум и крики «Свобода!». Потом на лестнице послышался топот. Во дворец ворвались вооруженные слуги Кеччо. Некоторые подбежали к нам. Я отправил Марко руководить остальными.

— Очисти дворец от всех, кроме слуг, — приказал я ему. — Остальных выгони на площадь. Если кто будет сопротивляться, убей его.

Марко кивнул и ушел. Дверь в покои графини открылась, из нее выглянула женщина:

— Что тут за шум?

Она увидела нас, пронзительно вскрикнула и метнулась обратно в покои. Оставив двоих у двери, я вместе с Пансекки и остальными последовал за женщиной. Нас встретила графиня.

— Что происходит? — сердито спросила она. — Кто вы? Кто эти люди?

— Мадам, — ответил я, — ваш муж, граф, убит. А меня послали, чтобы арестовать вас.

Женщины расплакались и заголосили, но графиня и бровью не повела. Осталась она безразличной и к моей учтивости.

— Вы, — я указал на женщин, — должны незамедлительно покинуть дворец. Графиня останется вместе с детьми.

Потом я спросил, где дети. Женщины посмотрели на свою хозяйку, которая отдала короткое распоряжение:

— Приведите их.

Я дал знак Пансекки, который следом за одной из дам вышел из комнаты. Вскоре они вернулись с тремя маленькими детьми.

— А теперь, мадам, отпустите этих женщин, — приказал я.

Какие-то мгновения она колеблясь смотрела на меня. Шум на площади усиливался, превращаясь в рев, от которого дрожали стекла.

— Вы можете оставить меня.

Женщины вновь заголосили, отказываясь подчиниться. Терять время мне не хотелось.

— Если не уйдете, вас вышвырнут, — предупредил я.

Графиня топнула.

— Уходите, говорю я вам! Уходите! — крикнула она. — Не хочу слышать ваших воплей!

Женщины с плачем бросились к двери, как стадо овец, толкая друг друга. Наконец комната опустела.

— Мадам, я должен оставить в вашей комнате двух солдат.

Я запер обе двери, ведущие в другие комнаты, поставил у каждой по охраннику и ушел.

Глава 24

Направился я на площадь. Ее по-прежнему заполнял народ, но я не заметил ни энтузиазма, ни суматохи, ни криков радости. Или умер не тиран? Они стояли испуганные, сбитые с толку, словно овцы… Я видел заговорщиков Кеччо, которые сновали в толпе с криками: «Смерть тиранам!» и «Свобода, свобода!» — но в целом толпа не реагировала. Тут и там люди залезали на телеги, обращались к толпе с пламенными словами, но пламя не возгорелось… Молодежь что-то возбужденно обсуждала, однако торговцы сохраняли спокойствие, как будто чего-то опасаясь. Рассуждали о том, что теперь будет… что сделает Кеччо? Некоторые предполагали, что город отойдет папе, другие говорили о герцоге Лодовико и грозящей мести со стороны Милана.

Я остановил Алессандро Моратини.

— Что слышно? Какие новости?

— Господи, я ничего не знаю! — На лице отражалось отчаяние. — Они ничего не хотят. Я думал, они вдохновятся и сами все за нас сделают. А они инертные, словно камни.

В этот момент в конце площади возникло какое-то движение, из примыкающей к ней улицы выплеснулась толпа ремесленников, возглавляемая гигантом-мясником, который размахивал мясницким топором. Они кричали: «Свобода!» Маттео направился к ним, начал им что-то говорить, но мясник прервал его, рявкнув: «Свобода!» — и остальные поддержали его ревом и криками.

Рядом с Маттео возник Кеччо, сопровождаемый вооруженными слугами. За ним следовала небольшая группа людей, кричащих: «Браво, Кеччо! Браво!»

Увидев Кеччо, ремесленники окружили его, громко приветствуя и поздравляя… Народу на площади все прибавлялось. В городе закрывались все лавки и мастерские, люди спешили на площадь. Я протолкался к Кеччо и шепнул ему:

— Эти люди! Воодушевите их, чтобы подать пример остальным.

— Возглавить толпу?

— Не важно. Используйте их. Бросьте им кость, и они исполнят вашу волю. Отдайте им тело графа!

Он посмотрел на меня, кивнул и прошептал:

— Быстро!

Я побежал во дворец и сказал Марко Скорсакане, что нужно делать. Мы прошли в Кабинет нимф. Тело графа лежало лицом вниз, в луже крови. В спине зияли две раны: Лодовико нанес второй удар, чтобы подстраховаться и гарантированно отправить Джироламо в мир иной. Мы подхватили еще не остывшее тело и потащили к окну. С трудом подняли его на подоконник.

— Вот ваш враг! — прокричал я.

Потом мы столкнули графа вниз, и он упал на камни с глухим ударом. Громкий крик вырвался из всех глоток, когда они бросились к трупу. Один человек сорвал с шеи золотую цепь, но, когда бросился бежать, за нее ухватился другой. В борьбе цепь порвалась, один остался с цепью, второй — с драгоценным камнем. Потом с криками ненависти они набросились на труп. Пинали его, били по лицу, оплевывали. С пальцев сорвали перстни, потом с тела камзол, обтягивающие штаны, башмаки. Менее чем через минуту он лежал на камнях голым, каким и появился на свет божий. Они не знали жалости, эти люди. Смеялись, отпускали грязные шутки насчет его наготы.

А народу на площади все прибавлялось. Появились женщины низших сословий, их пронзительные вопли присоединились к крикам мужчин.

Шум стал оглушающим, и громче всех звучали слова «свобода» и «смерть».

Вдруг кто-то крикнул: «Графиня!» — и крик этот волной прокатился по всей площади:

— Графиня! Графиня!

— Где графиня? Приведите ее. Смерть графине!

Узнав, что графиня во дворце, толпа заорала:

— Во дворец! Во дворец!

Кеччо повернулся к нам.

— Мы должны ее спасти. Если они доберутся до нее, то разорвут. Отведите ее в мой дом.

Маттео и Пансекки собрали вооруженных слуг Кеччо и ушли во дворец. Через несколько минут вывели из него Катерину и детей, окружив их плотным кольцом, с мечами в руках.

Крик вырвался из тысячи глоток. Толпа надвинулась на маленький отряд. Кеччо обратился к людям, требуя, чтобы они дали пройти графине. Горожане чуть отступили, но, когда Катерина проходила мимо, шипели и обзывали ее грязными прозвищами. Она шла с гордо поднятой головой, глядя прямо перед собой. На лице не читался ужас, даже щеки не побледнели.

Казалось, она вышла на площадь, запруженную верноподданными, которые собрались, чтобы поприветствовать ее. Внезапно какому-то мужчине

пришла в голову мысль, что она могла спрятать на себе драгоценности. Он пробился прямо к Катерине, ухватился за ее грудь. Она ударила его по лицу. Толпа ответила криком ярости, двинулась вперед. Маттео и его люди остановились, плотнее сжав оцепление.

— Клянусь Богом, я убью любого, кто подойдет на расстояние вытянутой руки! — предупредил Маттео.

Горожане в испуге подались назад, и, воспользовавшись моментом, маленький отряд покинул площадь.

Люди начали переглядываться. Их ненависть требовала выхода, но они не знали, с чего начать. Глаза сверкали, руки чесались. Кеччо уловил настроение толпы и указал на дворец:

— Это плоды ваших трудов, ваши деньги, ваши драгоценности, ваши налоги. Пойдите и возьмите то, что принадлежит вам. Этот дворец! Мы отдаем вам дворец!

Толпа ответила громкими радостными криками, горожане бросились к дворцу, поднялись по лестнице, устроили давку в дверях, разбежались по великолепным залам и комнатам.

Кеччо смотрел, как все больше и больше людей исчезает за дверями.

— Теперь мы их наконец-то проняли.

Через несколько минут толчея в дверях только усилилась, потому что появились те, кто хотел уже не войти, а выйти. В ход пошли кулаки, тут и там вспыхивали драки. Окна распахивались, из них на площадь летели вещи — покрывала, простыни, портьеры, великолепные шелка, парча, атлас. Стоявшие внизу женщины все это подбирали. Иногда завязывались потасовки, но из окон летело так много вещей, что никто не оставался с пустыми руками. Из дворца мужчины выносили охапки всякого добра, до отказа набив и карманы, отдавали все своим женам и вновь устремлялись обратно. После того как с мелочевкой покончили, пришла очередь мебели. Люди выносили стулья и сундуки, торопясь, как бы их добыча не приглянулась кому-то еще. Иной раз двое или трое мужчин тащили тяжелый комод или резное изголовье кровати. Крики и толкотня только нарастали. Покончив с мебелью, оглядываясь, они видели везде только голые полы и стены. Но тут же поняли, что забрали еще не все. Принялись выворачивать двери. С площади мы видели, как за дверьми последовали и оконные рамы. Их выдирали вместе с петлями. От дворца люди уходили, тяжело нагруженные, с окровав-

ленными от тяжелой работы руками.

По всему городу звонили колокола, а люди все прибывали на площадь. Тысячи не смогли ничем поживиться во дворце, и они злобно кричали на других горожан, которым повезло больше. Люди сбивались в банды, стихийно появлялись главари, которые распаляли остальных. Кеччо стоял среди людей, не в силах утихомирить толпу. Внезапно возникла и мгновенно разлетелась по площади новая идея:

— Сокровищница!

Неодолимая, как море, толпа рванула к Габелле, зданию, которое занимали сборщики налогов, и через несколько минут его постигла участь дворца: от него остались только голые стены.

Толпа схлынула и площадь опустела. Обезображенный труп графа лежал на холодных камнях у стены дома, которым Джироламо так гордился. Сам же дом, с зияющими дырами вместо окон, казалось, стал жертвой гигантского пожара: от него остались только голые стены. Он опустел, если не считать нескольких упрямцев, которые еще бродили по залам и коридорам в тщетной надежде чем-нибудь поживиться. Они напоминали стервятников, опоздавших к пиршеству.

Тело графа сделало свое дело и теперь могло

покоиться с миром. Кеччо послал за монахами, которые положили труп на носилки, прикрыли его наготу и унесли в церковь.

Пришла ночь, а с ней и некоторое успокоение. Бурлящий город начал затихать. Постепенно все звуки сошли на нет: горожане забылись тревожным сном…

Глава 25

Утром мы поднялись рано. Город принадлежал нам, за исключением крепости. Кеччо уже подъезжал к ней, возвышающейся над городом, и предложил коменданту сдаться. Он, как и ожидалось, отказался, но нас это не сильно волновало: Катерина и дети находились у нас, и мы рассчитывали, что это убедит коменданта открыть ворота крепости.

Кеччо созвал заседание совета, чтобы обсудить, что делать с городом. Сделал это лишь из уважения к заведенным порядкам, потому что для себя он уже все решил и предпринял соответствующие шаги. С учетом городской смуты, крепости, остававшейся в руках врага, и армий Лодовико Моро в Милане надежды выстоять в одиночку не было никакой, и Кеччо принял решение предложить город папе. Тем самым он мог обезопасить себя от внешних врагов, а во внутренние дела владыка Рима особо вмешиваться бы не стал. Реальная власть принадлежала бы самому влиятельному горожанину, ставленнику папы, и Кеччо знал, кто им станет. Более того, и без того мягкая хватка

папы могла ослабеть после смерти последнего, в суматохе очередного конклава, и вот тогда появлялась возможность обрести настоящую свободу, а Кеччо мог бы стать настоящим правителем. Поэтому еще прошлой ночью он отправил депешу протонотарию Савелло, назначенному папой губернатору Чезены, с изложением случившегося и предложением папе взять город под свое крыло. Кеччо попросил ответить немедленно и ожидал послания протонотария с минуты на минуту.

Заседание совета назначили на десять утра. В девять Кеччо получил согласие Савелло.

Председатель совета, Никколо Торниелли, открыл заседание, напомнив членам совета о причине его созыва, и предложил высказаться. Поначалу все молчали. Никто не знал, что задумал Кеччо, и никому не хотелось, чтобы его предложение не понравилось Кеччо. Жителей Форли всегда отличали осторожность и осмотрительность. Через какое-то время поднялся какой-то старик, поблагодарил Кеччо за свободу, которую тот принес городу, и предложил ему выступить первым. Идею подхватили, один за другим начали подниматься наиболее влиятельные члены совета и говорили то же самое, пусть и другими словами, как бы претендуя на ориги-

нальность.

Потом встал Антонио Ласси. Именно он посоветовал Джироламо обложить город более высокими налогами, и его знали как смертельного врага Кеччо. Многие удивились, когда увидели его входящим в зал заседания совета, предположив, что он покинул город по примеру Эрколе Пьячентини и других фаворитов графа. А уж когда он решил выступить, изумление охватило всех.

— Наш добрый друг Никколо созвал нас, чтобы решить, что делать с городом. Судя по всему, многие склоняются к тому, чтобы просить защиты у того или иного сильного соседа. Но мне представляется, что лучше остаться свободными, какими мы стали благодаря нашей победе. Давайте сохраним свободу, которую добыли нам эти люди, рискуя собственной жизнью… Почему мы сомневаемся в нашей способности сохранить свободу наших предков? Мы же их прямые потомки, в наших жилах течет их кровь, мы выросли в построенных ими домах! Почему мы думаем, что не способны воспользоваться выпавшим нам шансом? Давайте не бояться, что могучий монарх, который защитит город, сойдет с тропы справедливости и не сумеет взрастить росток свободы, который наконец-то взошел в

нашем городе.

Тут Антонио Ласси выдержал паузу, чтобы оценить реакцию других членов совета.

— Но сам Спаситель показал нам, что пастух необходим для сохранения стада. И Он указывает нам, что наши взоры должны обратиться к тому, кто непосредственно приложил руку к уничтожению волка. Я предлагаю отдать нашу свободу в руки того, кто лучше всех сможет ее защитить, — Кеччо д'Орси.

Члены совета ответили криком удивления. Неужели это предложил Антонио Ласси? Они посмотрели на Кеччо, но его лицо оставалось бесстрастным, лишенным даже намека на эмоции. Они спрашивали себя, не подстроено ли все заранее, не подкупил ли Кеччо своего врага, не попытался ли Антонио таким способом примириться с победителем. На лицах читалось смятение. Собравшиеся оказались в трудном положении: никто не знал, чего именно хочет Кеччо. Высказываться им или молчать? Вид их вызывал жалость. Наконец один поднялся и поддержал предложение Антонио Ласси. Тут уж и остальные собрались с духом и принялись произносить восхваляющие Кеччо речи, упрашивая его взять на себя правление городом.

Сухая улыбка появилась на лице Кеччо, но тут же исчезла. И наконец, решив, что сказано достаточно, он поднялся и, поблагодарив всех выступавших за теплые слова, изложил свое видение ситуации.

— Это правда, мы захватили город, рискуя собственными жизнями, но действовали мы ради города, а не себя… Никто не думал о личной выгоде, мы руководствовались чувством долга. Свобода и всеобщее благополучие — такие цели мы ставили перед собой. Я от всего сердца благодарю Антонио Ласси и всех вас за ваше доверие ко мне, которое столь велико, что вы готовы поставить меня править городом. Одно ваше желание принять такое решение я расцениваю как достаточную награду. Но, Бог свидетель, нет у меня желания править. Мне нужна любовь моих сограждан, а не страх подданных. Я со страхом думаю о тяжких обязанностях правителя. И кто поверит в мою личную незаинтересованность, увидев, как я подхватил скипетр, выпавший из безжизненной руки? Простите меня, я не могу принять ваш дар. Но есть силы, способные управлять городом. Церковь не отказывает тому, кто просит убежища, и простит нас за то, что мы освободились от ярма тирании. Давайте попросим

защиты у Святого Отца…

Члены совета прервали его аплодисментами. Они не хотели слушать дальше, потому что уже согласились с ним. Тут же приняли решение отправить делегацию к губернатору Чезены. Заканчивая заседание, члены совета вновь принялись возносить хвалу Кеччо. И если перед заседанием его позиции были сильны, то теперь стали в десять раз сильнее. Зажиточные сословия боялись толпы и выражали недовольство тем, что Кеччо прибег к ее помощи. Теперь же и они приняли его сторону.

Люди знали, что совет собрался с тем, чтобы решить судьбу города, и тысячи горожан пришли к зданию совета. Новость распространилась мгновенно, и когда Кеччо появился на верхней ступеньке лестницы, они приветствовали его громкими криками, выражая поддержку и восхищение:

— Браво! Браво!

Он направился домой, и толпа последовала за ним, оглашая криками серые улицы. Вдоль стен домов плотными рядами стояли люди, многие поднимались на цыпочки, чтобы получше разглядеть Кеччо. Мужчины махали шляпами и подбрасывали их в воздух, женщины привет-

ствовали его взмахами разноцветных платков. Детей поднимали на плечи, чтобы они могли увидеть великого человека, их пронзительные крики добавлялись к общему шуму. Потом кому-то пришла мысль бросить под ноги Кеччо плащ, чтобы он прошел по нему. Другие последовали его примеру, и теперь ноги Кеччо уже не касались земли. Перед ним рассыпали корзины цветов, по воздуху растекся резкий запах нарциссов. Поначалу все кричали, кто во что горазд, но постепенно два слова начали набирать силу, и вскоре их скандировали тысячи глоток:

— Pater Patria![24] Pater Patria!

Кеччо шел с непокрытой головой, глядя под ноги, с бледным лицом. Столь велик был его триумф… что ему было страшно.

Процессия достигла улицы, на которой находился дворец д'Орси, и в этот момент из ворот дворца вышла жена Кеччо и его дети. Они двинулись к нам, сопровождаемые благородными дамами. Произошла радостная встреча, и Кеччо, раскрыв объятия, прижал жену к груди и нежно поцеловал. Потом одной рукой обнял за талию, другой взял за руку одного сына, второй встал со

---

[24] Примечания: 24
Отец родной! (лат.)

стороны матери, и они пошли к дому. Толпа ответила восторженным ревом. Людей захлестнули эмоции, и свою радость они могли выразить, лишь крича во весь голос:

— Pater Patria! Pater Patria!

Глава 26

Через какое-то время официальная делегация, посланная в Чезену, вернулась с известием, что протонотарий Савелло никак не мог решить, принимать город или нет, но, увидев твердое желание жителей Форли перейти под правление папы и убедившись, что именно набожность горожан привела их к такому решению, не посмел противиться воле небес и согласился прибыть, чтобы самолично принять город под крыло Церкви.

Кеччо чуть улыбнулся, услышав про сомнения, которыми терзался этот достойный человек, но полностью одобрил решение монсеньора Савелло, подумав, что его приезд более чем уместен.

Протонотария приняли с должным почетом. Ростом Савелло не вышел, зато мог похвастать дородностью. Большущий круглый живот, толстое, всегда красное лицо, двойной подбородок и бычья шея. Огромные уши торчали, а маленькие свинячьи глазки, казалось, буравили насквозь. Он сильно облысел, и макушка сверкала на солнце. Тонкие, выцветшие брови едва просмат-

ривались между обширными полями бритых щек и лоснящегося лба, так что лицо его отчасти напоминало гладкий костяной шар. В Форли он прибыл в роскошном бархатном наряде. После положенных приветствий Савелло подробно рассказали о ситуации в Форли. Ему очень не понравилось, что крепость по-прежнему в руках коменданта, которому вежливо предложили сдать крепость полномочному представителю папы, но комендант отказался повиноваться. Меня отправили к Катерине, чтобы сообщить о последних событиях и передать, что протонотарий хочет с ней встретиться.

Графиня теперь находилась во дворце д'Орси, и в одну из ее комнат проводили достопочтенного Савелло.

Протонотарий остановился на пороге, поднял руку с вытянутыми двумя сложенными пальцами и басовитым слащавым голосом произнес:

— Да пребудет с вами милосердие Божье!

Катерина поклонилась и перекрестилась. Он подошел к ней и взял ее руку в свою.

— Мадам, я всегда надеялся, что придет день, когда я встречу ту, которая известна как самая талантливая, самая красивая и самая добродетельная женщина нашего времени. Но я не думал,

что это будет день печали и горя.

Он говорил негромко, важно и медленно, найдя, как мне представлялось, правильный тон.

— Ах, мадонна, вы и представить себе не можете, как я огорчился, услышав о вашей ужасной утрате. Я встречался с вашим дорогим мужем в Риме, всегда питал к нему глубокую привязанность и высоко его ценил.

— Вы очень добры, — ответила она.

— Я понимаю, что вы сокрушены горем и наверняка считаете, что мой визит не ко времени. Я пришел, чтобы утешить вас, насколько это в моих силах, ибо это самая главная работа, которую возложил на нас наш Небесный Владыка — утешать страждущих.

— У меня сложилось впечатление, что вы прибыли, чтобы взять город под свою власть от лица папы.

— Ах, мадонна, я вижу, вы сердиты на меня за то, что я отбираю у вас город. Только не думайте, что я делаю это по собственной инициативе. Ах, нет же. Я раб, слуга его святейшества. По своей воле все сделал бы с точностью до наоборот, и не только из уважения к вашим достоинствам, которые столь велики, но принимая во внимание желания герцога, вашего брата.

Он прямо-таки сочился елеем. Приложил руку к сердцу, посмотрел на небо, так закинув голову, что радужки скрылись под веками, оставив на всеобщее обозрение только белки. Своим представлением он производил впечатление высоконравственного человека.

— Я умоляю вас, мадам, храбро перенести выпавший на вашу долю удар судьбы. Разве мы все не знаем, как она непостоянна? Если город забрали у вас, значит, на то воля Божья, и вы, как христианка, должны смириться, согласившись с его указом. Помните, что пути Господни неисповедимы. Душа грешника очищается страданиями. Мы все должны пройти через огонь. Возможно, эти неудачи послужат спасению вашей души. И теперь, когда город возвращен Небесному Владыке, ибо кто есть Святой Отец, как не наместник Христа, будьте уверены, что эта потеря добавит вам любви его святейшества, а со временем вы получите награду, достойную раскаявшегося грешника, и будете восседать среди избранных, распевая гимны во славу Владыки всего сущего.

Он замолчал, чтобы перевести дух. Я видел, как пальцы Катерины судорожно сжимают подлокотник стула: она едва сдерживалась.

— Но величайшее горе — утрата вашего мужа,

Джироламо. Ах, как это прекрасно — скорбь вдовы! Но такова воля Господа. И на что ему теперь жаловаться? Давайте представим его в одеяниях из света, с золотой арфой в руках. Ах, мадонна, он сейчас ангел на небесах, а мы, несчастные грешники, на земле. Он был скромным, набожным человеком и получил свою награду. Ах…

Тут уж она не выдержала. Ярость прорвалась наружу.

— Да как ты смеешь стоять передо мной, произнося эти лицемерные слова? Как смеешь говорить мне все это, пируя плодами его смерти и моей неудачи? Ханжа! Ты стервятник, подбирающий падаль вместе с воронами, но приходишь ко мне с молитвой и разговорами о воле Божьей! — Она сжала пальцы в кулаки и вскинула их к потолку. — Я надеюсь, что придет мой черед, и тогда я покажу тебе волю Божью. Берегитесь!

— Вы сражены горем, мадонна, и не понимаете, что говорите. Вы пожалеете, что приняли мои соболезнования с презрением. Но я прощаю вас, как и положено христианской душе.

— Не нуждаюсь я в твоем прощении. Я тебя презираю.

Слова эти она прошипела, как змея. Глаза Савелло блеснули, тонкие губы стали еще тоньше,

но он только вздохнул. Голос остался мягким и успокаивающим.

— Вы вне себя от горя. Это печально. Только молитва может вам помочь.

— Чего ты от меня хочешь? — Последних фраз она словно и не услышала.

Савелло замялся, глядя на нее. Катерина нетерпеливо топнула.

— Быстро. Говори и позволь остаться одной. Меня от тебя тошнит.

— Я пришел, чтобы принести соболезнования и пожелать крепости духа.

— Ты думаешь, я дура? Если других дел ко мне у тебя нет — уходи!

Священник тоже сдерживался с трудом: его выдавали глаза.

— Я мирный человек и не хочу проливать кровь. Поэтому я хотел предложить вам пойти со мной и убедить коменданта сдать крепость, что позволит избежать кровопролития и заслужит благодарность Святого Отца.

— Я не собираюсь в этом участвовать. С какой стати мне помогать тебе покорять мой город?

— Вы должны помнить, мадонна, что вы в наших руках, — мягко ответил он.

— И что?

— Я мирный человек, но, возможно, мне не удастся остановить людей, если они захотят отомстить вам за ваш отказ. Я не смогу скрыть от них тот факт, что крепость не сдается только из-за вашего упрямства.

— Как я понимаю, ты не остановишься ни перед чем.

— Это не я, дорогая моя…

— Да, конечно, ты — слуга папы. Это воля Божья.

— Вы поступите мудро, если выполните мою просьбу.

И такая ярость отразилась на его лице, что любой, взглянув на него, понял бы: он действительно не остановится ни перед чем. Катерина задумалась.

— Хорошо, — ответила она, к моему величайшему изумлению. — Я сделаю все, что смогу.

— За это вы удостоитесь признательности Святого Отца и моих слов благодарности.

— Для меня это одно и то же.

— А теперь, мадам, я вас покину. Успокойтесь, помолитесь. Молитва утешит вашу печаль.

Он поднял руку, как и прежде, с двумя оттопыренными пальцами и повторил слова, с которыми вошел в комнату Катерины:

— Да пребудет с вами милосердие Божье!

Глава 27

Мы отправились к крепости торжественной процессией. Люди, мимо которых мы проходили, возносили хвалу Кеччо и проклинали Катерину. Она шла спокойная и бесстрастная, а когда протонотарий что-то ей говорил, отвечала с отвращением на лице.

Вызвали коменданта, и Катерина обратилась к нему со словами, предложенными Савелло:

— Раз уж Небеса забрали у меня сначала мужа, а потом и город, я прошу вас, памятуя о том, что я назначала вас на эту должность, сдать крепость полномочным представителям его святейшества папы.

В ее голосе чувствовался легкий намек на иронию, а губы чуть кривились, словно в улыбке.

Комендант хмуро ответил:

— Вы назначали меня комендантом с тем, чтобы я защищал крепость от врагов, а потому я не сдам ее представителям его святейшества папы. И поскольку Небеса забрали у вас мужа, а потом и город, я, возможно, сдам крепость, но только Богу, мадам, а земным силам ее у меня не отнять!

Катерина повернулась к Савелло.

— И что мне делать?

— Настаивать.

Она повторила требование, и они услышали тот же ответ.

— Так не пойдет. — Катерина покачала головой. — Я очень хорошо его знаю. Он думает, что я говорю по принуждению. Не знает, что я делаю все по доброй воле, из великой любви к папе и Церкви.

— Мы должны захватить крепость, — гнул свое Савелло. — Если она не станет нашей, я не смогу гарантировать вашу безопасность.

Она долго смотрела на него, а потом ее, похоже, осенило.

— Если я войду в крепость и поговорю с ним там, он скорее всего сдастся.

— Мы не можем отпустить вас, — покачал головой Кеччо.

— Мои дети останутся у вас в заложниках.

— Это точно, — промурлыкал Савелло. — Я думаю, мы можем отпустить ее.

Кеччо возражал, но последнее слово принадлежало священнику, так что коменданта вызвали вновь и велели ему впустить в крепость графиню. Савелло предупредил ее:

— Помните, ваши дети у нас, и я без колебаний прикажу вздернуть их, если…

— Я знаю, что у вас христианская душа, монсеньор, — прервала его Катерина.

Но, едва оказавшись в крепости, она тут же поднялась на стену, и мы услышали ее издевательский смех. Ярость, которую она держала в себе, вырвалась наружу. Она честила нас последними словами, которые больше пристали торговке рыбой, грозила нам смертью и всевозможными пытками, обещая отомстить за убийство мужа.

Мы стояли с открытыми ртами, словно пораженные громом. Крик ярости вырвался у всех. Маттео выругался. Кеччо сердито глянул на Савелло, но ничего не сказал. Священник рвал и метал. Его всегда красное лицо стало пурпурно-лиловым, глаза блестели, как у змея.

— Мерзавка! — прошипел он. — Мерзавка!

Дрожа от ярости, он приказал привести детей и крикнул графине:

— Не думай, что у нас не хватит смелости. Твои сыновья будут повешены у тебя на глазах.

— Я смогу родить новых, — презрительно ответила она.

Природа даровала ей сердце львицы. Я не мог

не восхититься этой удивительной женщиной. Конечно же, она не могла пожертвовать своими детьми! Но я сомневался, что нашелся бы хоть один мужчина, который так смело ответил бы на угрозы Савелло.

Лицо священника перекосила злобная гримаса. Он повернулся к своим помощникам.

— Постройте помост с двумя виселицами, и быстро.

Савелло и Кеччо удалились, площадь заполнила толпа, скоро застучали молотки. Графиня стояла на крепостной стене, смотрела на своих бывших подданных, наблюдала за строительством помоста.

Много времени оно не заняло. Савелло и остальные вновь подошли к воротам крепости, и священник еще раз спросил, готова ли Катерина сдаться. Она не удостоила его ответом. Привели двух мальчиков, одного девяти лет, другого — семи. Когда люди увидели их, шепот жалости пробежал по толпе. И мое сердце забилось чаще. Мальчики смотрели на помост и ничего не понимали, но Чезаре, младший, видя вокруг столько незнакомых людей с сердитыми лицами, заплакал. Оттавиано тоже был на грани слез, но, как старший, посчитал, что плакать ему не при-

стало, и сумел сдержаться. А потом Чезаре увидел мать и позвал ее. Тут же к нему присоединился Оттавиано, и они уже вместе кричали:

— Мама! Мама!

Она молча смотрела на них, и на лице не дрогнул ни один мускул. Ее словно высекли из камня… Ох, это было ужасно. Она показала себя железной женщиной.

— Еще раз спрашиваю, — крикнул Савелло, — ты сдашь крепость?

— Нет… нет!

Голос звучал спокойно, звенел, как серебряный колокольчик.

По знаку Савелло двое мужчин направились к мальчикам. И они внезапно все поняли. С криком бросились к Кеччо, упали у его ног, ухватились за его колени. Оттавиано больше не мог сдерживаться и расплакался. Его брат, увидев слабость старшего, заревел еще сильнее.

— Кеччо, не позволяй им забрать нас.

Кеччо их словно и не слышал, смотрел прямо перед собой. Он не был таким бледным, даже когда граф пал под ударом его кинжала… Дети отчаянно рыдали у его ног. Мужчины колебались, но слуга Бога не знал жалости. Вновь махнул рукой, еще более нетерпеливо, и мужчины сдви-

нулись с места. Мальчишки, уцепившись за ноги Кеччо, продолжали молить:

— Кеччо, не позволяй им забрать нас.

Кеччо по-прежнему смотрел прямо перед собой, словно ничего не видел, ничего не слышал. Но его лицо! Никогда я не видел такой агонии…

Детей оторвали от него, связали им руки за спиной. Как они могли! Мое сердце рвалось из груди, но я не решался что-либо сказать. Их повели к помосту, заставили подняться на него. Крик жалости вырвался у людей и повис в застывшем воздухе.

Графиня стояла неподвижно, глядя на своих детей. Казалось, что она окаменела.

Дети кричали:

— Кеччо! Кеччо!

Их крики рвали сердце.

— Продолжайте! — приказал Савелло.

Стон сорвался с губ Кеччо, он закачался из стороны в сторону, словно собрался упасть.

— Продолжайте! — повторил Савелло.

Но Кеччо больше не мог этого выносить.

— Господи! Остановитесь! Остановитесь!

— Что ты такое говоришь? — злобно бросил священник. — Продолжайте!

— Я не могу! Развяжите их!

— Дурак! Я пригрозил, что повешу их, и я это сделаю! Продолжайте!

— Не повесишь! Говорю вам, развяжите их!

— Я здесь главный. Продолжайте.

Кеччо шагнул к нему со сжатыми кулаками.

— Клянусь Богом, ты уйдешь тем же путем, каким пришел, если будешь мне перечить. Развяжите их!

Мы с Маттео оттолкнули людей, которые держали мальчиков, и перерезали веревки. Кеччо пошел к детям, протягивая руки, и они бросились в его объятия. Он крепко прижимал их к себе и покрывал личики поцелуями. Толпа отреагировала криком радости, многие разрыдались.

Внезапно все увидели какую-то суматоху на крепостной стене. Графиня упала, люди сгрудились вокруг нее.

Она потеряла сознание.

Глава 28

От крепости мы возвращались в тревоге. Савелло шел один, очень злой, хмурясь, отказываясь с кем-либо говорить… Кеччо тоже молчал, отчасти винил себя за то, что сделал, отчасти радуясь, что проявил милосердие. Бартоломео Моратини шел рядом, что-то ему говорил. Мы с Маттео шагали позади детей. В какой-то момент Бартоломео замедлил шаг, чтобы присоединиться к нам.

— Я пытался уговорить Кеччо извиниться перед Савелло, но он ни в какую.

— Я бы тоже не извинялся, — поддержал кузена Маттео.

— Их ссора не пойдет на пользу городу.

— На месте Кеччо я бы сказал, что город может катиться к дьяволу, но я не буду извиняться перед этим чертовым священником.

Когда мы подошли к дворцу д'Орси, нам навстречу вышел слуга, чтобы сообщить, что посыльный ждет с важными новостями. Кеччо повернулся к Савелло и мрачно спросил:

— Вы пойдете? Возможно, новости потребуется обсудить.

Протонотарий не ответил, но вошел в дом. Через несколько минут к нам вышел Кеччо.

— Герцог Миланский идет на Форли с пятитысячной армией.

Никто не произнес ни слова, но лицо протонотария потемнело.

— Как хорошо, что мы сберегли детей, — указал Бартоломео. — Живые они могут принести больше пользы, чем мертвые.

Савелло посмотрел на него, а потом, словно наводя мосты, но против воли, пробурчал:

— Возможно, ты поступил правильно, Кеччо. В тот момент я не увидел политической мудрости твоего деяния.

Кеччо чуть покраснел, но потом, чувствуя на себе взгляд Бартоломео, вежливо ответил:

— Я сожалею, что наговорил лишнего. Сложность ситуации и моя вспыльчивость привели к тому, что я потерял контроль над собой.

Кеччо выглядел так, будто ему пришлось проглотить очень горькую пилюлю, но его слова произвели должный эффект, и тучи начали рассеиваться. Разгорелась активная дискуссия, касающаяся наших дальнейших действий. Прежде всего нам требовалась помощь, чтобы противостоять герцогу Лодовико. Савелло сказал,

что папа не оставит их в беде. Кеччо рассчитывал на Лоренцо де Медичи, так что гонцов отправили и в Рим, и во Флоренцию. Потом решили завезти в город как можно больше продовольствия и укрепить стены, чтобы подготовиться к осаде. Что же касается крепости, мы понимали, что взять ее штурмом невозможно. А вот уморить голодом гарнизон и заставить сдаться не составляло особого труда, потому что после убийства графа ворота крепости закрылись очень уж быстро и съестных припасов там могло быть лишь на два или три дня.

Кеччо отослал из города жену и детей. Пытался убедить уехать и отца, но старый д'Орси заявил, что он лучше умрет в своем городе и дворце, чем будет метаться по стране в поисках безопасного места. В тревожные дни молодости он частенько становился изгнанником и теперь хотел только одного: оставаться в собственном доме в своем любимом Форли.

Новость о приближении армии Лодовико вызвала ужас. Когда же в город потянулись телеги с продовольствием, а работа на стенах велась днем и ночью, храбрые горожане задрожали от страха. Им предстояло выдержать осаду, им предстояло сражаться, и существовала вероятность того,

что их могли убить. Шагая по улицам, я заметил, что лица горожан побледнели. Словно подул холодный ветер, остудивший их боевой пыл. Я улыбался и говорил им, естественно, про себя: «Вы разграбили дворец графа и сокровищницу, и вам это очень даже понравилось, а теперь придется платить за полученное удовольствие».

Я восхищался Кеччо, который доходчиво объяснил горожанам, что им лучше хранить верность ему, так как тем, кто участвовал в грабежах, придется заплатить большую цену, если к власти вновь придет милосердная графиня.

Кеччо постарался, чтобы никто не узнал об отъезде его семьи. Все приготовления велись втайне, уехали жена и дети глубокой ночью. Но об этом стало известно, и секретность вышла Кеччо боком. Люди спрашивали, почему Кеччо вывез из города жену и детей. Он боялся осады? Сам собирался их покинуть? Мысли о возможном предательстве добавили злости к их страхам, и популярность Кеччо начала стремительно падать. Почему он хотел сохранить отъезд семьи в такой тайне? На этот вопрос давались тысячи ответов, и все они в большей или меньшей степени дискредитировали Кеччо. Еще недавно он был на пике популярности, он проходил по

улице, его осыпали нарциссами, но нескольких дней хватило, чтобы все это кануло в Лету. Его больше не окружала восторженная толпа. Крики радости перестали быть в тягость. Никто не приветствовал его словами «Pater Patria». Кеччо делал вид, что не замечает перемен, но сердце его отчаянно ныло. И начались перемены с фиаско у крепости. Люди винили своих вождей за то, что они выпустили графиню из своих рук. Их ужасало пребывание врага в сердце города. Обычную осаду они еще могли пережить, но какое тут сопротивление, если крепость в любой момент могла нанести удар в спину?

Горожане знали, что помощь идет из Флоренции и Рима, и очень рассчитывали, что дружественные армии появятся под стенами города раньше ужасного герцога. О Лодовико ходили самые разные истории. Люди, которые видели герцога в Милане, рассказывали о его бледном, даже желтоватом, лице с большим крючковатым носом и широким, тяжелым подбородком. Другие вспоминали его жестокость. Все знали, что он убил своего племянника после того, как долгие годы продержал его в темнице. Они помнили, как он подавил мятеж в городе, который хотел освободиться от его власти, повесив на ярмарочной

площади всех членов совета, старых и молодых, а потом выискивал каждого, кто участвовал в мятеже, и безжалостно убивал, так что население города уменьшилось на треть. Жители Форли тряслись и поглядывали на дороги, по которым должны были подойти дружественные армии.

Лоренцо де Медичи помочь отказался.

В городе едва не начался бунт, когда об этом стало известно. Лоренцо заявил, что в настоящий момент Флоренция никак не может прислать войска, но позже он обязательно нам посодействует. Это означало, что он намеревался выжидать, наблюдая за развитием событий, не собираясь открыто выступить против герцога, пока не станет ясно, что чаша весов склоняется в нашу пользу. Кеччо пришел в ярость, а горожане еще больше разозлились на Кеччо. Он уверял всех, что Флоренция придет на помощь, а когда Лоренцо ему отказал, в городе пошли разговоры о том, что он пошел против Джироламо без необходимой подготовки, не подумав о будущем. Мы умоляли Кеччо не показываться в тот день в городе, но он нас не послушал. Когда он проходил, люди смотрели на него в полном молчании. Его не восхваляли и ни в чем не винили, но мы чувствовали, что скоро его будут проклинать так

же громко, как недавно благословляли. Кеччо шагал по улицам с каменным, бледным лицом. Мы просили его поскорее вернуться домой, но он намеренно замедлял шаг, чтобы растянуть время прогулки, как будто ему доставляли удовольствие страдания души. На площади мы увидели двух членов совета, которые о чем-то говорили. Они отошли на другую сторону, сделав вид, что не заметили нас.

Теперь нашей единственной надеждой оставался Рим. Папа прислал посланца, чтобы сообщить, что готовит армию, и попросил нас держаться. Сообщение об этом Савелло вывесил на ярмарочной площади, и толпа, читая его, восхваляла папу и Савелло. По мере того как влияние Кеччо падало, укреплялся авторитет Савелло. На заседаниях совета протонотарий все чаще добивался принятия своих решений, которые обычно противоречили мнению Кеччо. Не раз и не два решения эти он предлагал только для того, чтобы показать свою власть и унизить Кеччо. С каждым днем Кеччо становился все более замкнутым и молчаливым.

Стремление горожан к сопротивлению сильно уменьшилось, когда стало известно, что армия Лодовико в одном дневном переходе от Форли, тогда как из Рима никаких вестей не поступало. К

папе отправлялись гонцы с просьбами ускорить выход армии или хотя бы направить какие-то войсковые части для поддержания боевого духа горожан. Жители поднимались на городские стены и смотрели на две дороги, одну — ведущую в Милан, вторую — в Рим. Герцог подходил все ближе. В город потянулись крестьяне со своими семьями, домашней скотиной, добром, которое могли увезти. Они говорили, что герцог приближается с сильной армией, и он поклялся предать всех форлийцев мечу, чтобы отомстить за смерть брата. Страх беженцев охватил и горожан, вызвав всеобщую панику. Ворота закрыли, всем взрослым мужчинам приказали взяться за оружие. Те запротестовали, спрашивая, что могут сделать неопытные люди против обученной армии герцога? Женщины плакали и умоляли мужей не рисковать своими драгоценными жизнями. Недовольство политикой Кеччо звучало все громче.

Где армия из Рима? Жители спрашивали крестьян, но те ничего не знали об этом. Дорога, по которой должна была прийти дружественная армия, оставалась пустынной.

Зато на дороге в Милан внезапно появился авангард войска герцога. Одни солдаты спускались на равнину, другие поднимались на

вершину холма. Потрясенные горожане видели, какая огромная приближается армия — пять, десять, двадцать тысяч человек! Когда же появится арьергард? Паника в городе только усиливалась. Наконец вся армия разместилась на равнине и начала обустраиваться в суете, мельтешении, криках-приказах. Со стен казалось, что колония муравьев готовится к зимовке. Солдаты разбили лагерь, обнесли его полевыми укреплениями, поставили палатки, и осада Форли началась.

Глава 29

Наступила ночь, но прошла она без сна и отдыха. Горожане собирались на городских стенах, озабоченно переговаривались, вглядывались в темноту, пытаясь увидеть спешащую на помощь армию из Рима. То и дело кому-то казалось, что он слышит топот кавалерии или видит блеск брони, и тогда все замирали, затаив дыхание, прислушиваясь. Но тщетно. Форлийцы приходили на площадь семьями. Во всех церквях молились и плакали женщины. Наконец прохлада воздуха подсказала им, что заря близка, постепенно тьма начала светлеть, и вскоре над облаками, закрывавшими восточный горизонт, появилась желтоватая полоска света. С нарастающей озабоченностью мы смотрели в сторону Рима. Туман скрывал от нас землю, но некоторые наблюдатели видели что-то большое и черное вдалеке, на горизонте. Они указывали на эту черноту остальным, и уже никто не отрывал от нее глаз. Но чернота эта не приближалась, а когда солнце медленно поднялось и желтые лучи пробили облака, мы увидели лишь уходящую вдаль пу-

стынную, пустынную дорогу.

Горожане обреченно ахнули и принялись спрашивать друг друга, когда же придет помощь. В этот момент на стенах появился какой-то мужчина, сообщивший, что протонотарий получил письмо от папы, в котором тот сообщал, что обещанная подмога уже в пути. Все радостно закричали. Наконец-то!

В город вели четверо ворот, и осада началась с одновременной атаки на все. Но ворота были хорошо укреплены, и атаку эту отбили без особого труда. Но тут же мы услышали грохот орудий, крики, вопли, увидели языки пламени, поднимающиеся над крышей одного из домов. Занятые Лодовико, мы напрочь забыли про врага в центре города, и обстрел из крепостных орудий вызвал жуткую панику.

Комендант нацелил их на дома, окружавшие крепость, и разрушения были значительными. Обитатели домов бросились врассыпную, похватав свои пожитки, и укрылись в более безопасных частях города. Один дом загорелся, и какое-то время мы опасались, что пламя перекинется на соседние строения, и тогда к нашим бедам добавится еще и большой пожар. Люди видели в этом руку Божью. Говорили, что это месть Небес

за убийство графа, и когда Кеччо поспешил к горящему дому, они более не стали сдерживаться и принялись честить и освистывать его.

Потом, когда пожар удалось потушить и Кеччо шел через площадь, они окружили его, осыпая проклятиями и не давая пройти.

— Трусы! — прошипел он, яростно глядя на них, сжимая кулаки. А потом, более не в силах сдерживаться, выхватил меч и закричал: — Дайте мне пройти!

Они раздались в стороны, и он прошел. Но за его спиной толпа сомкнулась и вновь, только еще громче, зазвучали проклятия.

— Клянусь Богом, — воскликнул Кеччо, — я бы с радостью развернул пушки и выкосил их, как траву.

То были первые гневные слова, которые он произнес в адрес своих горожан.

Нас тоже перестали жаловать и освистывали, когда мы с Маттео или Моратини проходили по улицам. А ведь неделей раньше они лизали наши сапоги и целовали землю, по которой мы проходили.

Атака продолжалась снаружи и изнутри, по городу ползли слухи, что Лодовико поклялся отдать город на разграбление армии и повесить каждого

третьего. И все знали его как человека слова. Сначала шепотом, а потом все громче зазвучали предложения сдаться… Мысль эта завладела всеми, и когда даже самые смирные жители, осмелев от охватившего их страха, заговорили об этом, они принялись виновато переглядываться. Собирались группами, шушукались, замолкали, если вдруг видели человека, которого причисляли к сторонникам Кеччо. Горожане обсуждали, как что-то выторговать для себя. Некоторые предлагали сдаться безо всяких условий, другие отдавали предпочтение хоть какому-то, но соглашению. Наконец прозвучало предложение выдать герцогу семнадцать заговорщиков, которые подготовили убийство Джироламо. Мысль эта сначала их испугала, но скоро они к ней привыкли. Говорили, что на самом деле д'Орси нисколько не заботило общее благо, они преследовали личные цели, убивая графа, и тем самым навлекли на город беду. Горожане ставили Кеччо в вину, что он заставил их страдать в угоду собственному честолюбию. Ранее они превозносили его до небес за отказ править городом, теперь же говорили, что он лишь прикидывался, а на самом деле собирался при первой возможности захватить город. Другие же помогали ему из

жадности и мелкой мести. Обсуждая нас, они только распалялись и скоро пришли к выводу, что поступят по справедливости, выдав герцогу виновников их бед.

День прошел, и вторая ночь, а помощь из Рима все не приходила.

Еще одна ночь миновала, но ничего не изменилось: дорога на Рим по-прежнему пустовала.

И четвертая ночь прошла без изменений. Горожан охватило разочарование: если армия выступила на подмогу, почему же ее нет? Внезапно они принялись задавать вопросы о письме из Рима от папы. Никто не видел посланца. Как появилось письмо? Ужасные подозрения зародились в головах, и горожане устремились к дворцу д'Орси, требуя встречи с Савелло. Как только он появился, раздались крики:

— Покажи нам письмо!

Савелло отказался. Они настаивали. Спрашивали, где гонец, который доставил его. Савелло ответил, что отправил его обратно в Рим. Никто из нас тоже не видел письма, и мы заподозрили неладное. Кеччо спросил:

— Письмо было?

Савелло какое-то мгновение смотрел на него, прежде чем ответить:

— Нет.

— Господи, почему вы сказали, что получили его?

— Я не сомневался, что армия выступила. И хотел их подбодрить.

— Дурак! Теперь они ничему не поверят. Дурак, ты все испортил!

— Не я, а ты! Ты сказал мне, что весь город хочет перейти к папе!

— Так оно и было, пока не появился ты со своей ложью и интригами!

Савелло сжал кулаки, и я подумал, что он собирается броситься на Кеччо. Но тут с улицы донеслись крики толпы:

— Письмо! Гонец!

Кеччо подскочил к окну.

— Нет никакого письма! Протонотарий солгал вам! Помощи не будет ни из Рима, ни из Флоренции!

Толпа загомонила, и теперь послышались уже другие крики:

— Сдаваться! Сдаваться!

— Сдавайтесь, если хотите, — ответил им Кеччо, — но не думайте, что герцог простит вас. Придется отвечать за то, что вы раздели графа, надругались над телом, разграбили его дворец.

Савелло стоял один, побагровев от ярости. Кеччо повернулся к нему, губы искривила насмешливая улыбка.

Глава 30

На следующий день состоялось секретное заседание совета, о котором заранее не узнали ни Кеччо, ни его друзья. Но потом нам стало известно, что на заседании обсуждались условия капитуляции, предложенные Лодовико. Герцог потребовал, чтобы детей графа передали ему, а для управления городом предлагал создать комиссию, часть членов которой назначил бы он, а часть — жители Форли. Вскоре после полудня вошел слуга и сообщил, что к дворцу пришли Никколо Торниелли и другие члены совета. Кеччо спустился к ним, и Никколо заговорил, едва увидев его:

— Кеччо, мы решили, что будет лучше, если заботу о детях графа Джироламо мы возьмем на себя, и пришли, чтобы ты передал их нам.

Кеччо ответил коротко:

— Если это все, Никколо, вы можете идти…

— Мы не уйдем без детей, — прервал его Антонио Ласси.

— Как я понимаю, это зависит от меня, а я намерен держать детей у себя.

— Поосторожнее, Кеччо, не забывай, что ты не наш правитель.

— А кто ты, Антонио, хотелось бы мне знать?

— Я член совета Форли, как и ты, не больше и не меньше.

— Нет, сейчас я скажу тебе, кто ты, — яростно вскричал Кеччо. — Ты жалкий трус, попавший в совет благодаря тирану, и ты помогал ему угнетать людей, которых я освободил, и люди оплевывали тебя. Ты жалкий трус, который переметнулся ко мне, когда я убил тирана, и в своем рабском подобострастии предложил избрать меня правителем, и я плюнул на тебя. А теперь ты снова боишься и пытаешься примириться с герцогом, предав меня. Это от тебя поступило предложение выдать меня Лодовико. Вот кто ты такой. Посмотри на себя и возгордись!

Антонио уже собрался ответить, но Никколо остановил его:

— Помолчи, Антонио. А теперь, Кеччо, передай нам детей.

— Не передам, или вы меня не поняли? Я спас им жизнь, и они по праву мои. Они мои, потому что я убил графа, потому что я взял их в плен, потому что сейчас они у меня, и потому что они залог моей безопасности.

— Они залог и нашей безопасности, и мы, совет Форли, требуем от тебя, Кеччо д'Орси, отдать их.

— И я, Кеччо д'Орси, отказываюсь!

— Тогда мы возьмем их силой.

Никколо и Антонио шагнули вперед. Кеччо выхватил меч:

— Клянусь Богом, я убью первого, кто переступит порог моего дома.

Постепенно собирались люди, и теперь за спинами членов совета гудела огромная толпа. Они жадно ловили каждое слово, радуясь возможности унизить недавнего героя. Они насмешливо гоготали, когда Кеччо орал на Антонио, а теперь принялись кричать:

— Дети! Отдай детей!

— Говорю вам, не отдам!

Они начали свистеть и ругаться, обвинять Кеччо, что навлек на город беду, называть тираном и узурпатором. Кеччо смотрел на них, его трясло от ярости. Никколо приблизился еще на шаг.

— Отдай их, Кеччо, или тебе будет хуже.

— Еще шаг, и я тебя убью!

Терпение толпы лопнуло. В нас полетели камни. Один задел лоб Кеччо, и по щеке потекла струйка крови.

— Отдай нам детей! Отдай нам детей!

— Мы вызовем солдат, — пригрозил Антонио.

— Дети! — ревела толпа. — Он их убьет! Отберите их у него!

Толпа подступала. Члены совета и передние ряды подошли к нам почти вплотную, так что едва не натыкались на обнаженные мечи. Еще мгновение, и все закончилось бы для нас трагически: против двухсот человек мы устоять не могли. Внезапно на верхней ступеньке лестницы появился Бартоломео, который вел за руки мальчиков.

— Остановитесь! — крикнул он. — Остановитесь, вот дети!

Кеччо обернулся.

— Я их не отдам. Уведи их!

— Я никогда тебя ни о чем не просил, Кеччо, — ответил Бартоломео. — Всегда делал то, что ты говорил. Но сейчас взываю к тебе: отдай детей.

Я присоединился к нему:

— Детей надо отдать. Или нас всех убьют.

Кеччо постоял в нерешительности. Потом молча повернулся и ушел. Мы приняли это за согласие, и Бартоломео передал испуганных детей членам совета. Толпа радостно завопила, и горожане ушли с добычей, торжествуя…

Я отправился на поиски Кеччо и нашел его

одного. Он слышал крики толпы, и рыдание сорвалось с его губ: слишком велико было унижение.

Якопо Рончи и обоих сыновей Бартоломео мы отправили в город, чтобы выяснить, что происходит. Мы не знали, что заставило членов совета прийти к дворцу д'Орси, но логично предполагали, что для такой смелости должны были быть причины. Мы также понимали, что потеряли и власть, и надежду. Колесо провернулось, и мы оказались в самом низу. Через несколько часов вернулся Алессандро Моратини.

— Совет снова заседает, и на заседание прибыли вражеские посланцы. Это все, что я узнал. Все злобно смотрели на меня и замолкали при моем приближении. Я спрашивал, но они отвечали, что ничего не знают, ничего не видят, ничего не слышат.

— Подонки! — фыркнул Маттео.

— И это те самые люди, ради которых мы рисковали жизнью и состоянием! — поддержал его Бартоломео.

Кеччо с любопытством посмотрел на него, и, как и он, я подумал о нашем бескорыстии! Алессандро, доложив об увиденном и услышанном, налил себе вина и выпил. Мы сидели молча.

Время шло, приближался вечер, минуты растягивались в часы. Запыхавшись, прибежал Якопо Рончи.

— Я все узнал. Совет решил сдать город герцогу, который обещал, что простит все и позволит им править самим, если они отдадут детей и предоставят ему право назначить половину членов совета.

С криком мы вскочили на ноги.

— Я этого не допущу! — воскликнул Кеччо.

— Если заговорщики будут чинить помехи, их объявят преступниками и назначат цену за голову каждого.

— Как далеко зашли переговоры? — спросил я.

— Гонцы отправлены к герцогу.

— Тогда нельзя терять время.

— О чем ты? — спросил Кеччо.

— Мы должны бежать.

— Бежать?!

— Или нас возьмут живыми, а вы знаете, чего ждать от Катерины и Лодовико. Не верьте их обещаниям простить всех.

— Их обещаниям я не верю, — с горечью ответил Кеччо.

— Филиппо прав, — кивнул Бартоломео. — Мы должны бежать.

— И быстро! — добавил я.

— Я не могу выйти из игры, — покачал головой Кеччо. — И что станет без меня с моими сторонниками?

— Их, возможно, простят, если они подчинятся герцогу. А от вас здесь пользы никакой. Находясь в безопасности, вы хоть как-то, но сможете влиять на события. А самое главное, останетесь живы.

Кеччо закрыл лицо руками.

— Я не могу, не могу.

Моратини и я настаивали. Мы привели множество аргументов. Наконец он сдался.

— Мы должны быть вместе, — сказал я. — Возможно, придется прорываться с боем.

— Да, — кивнул Шипионе. — Давайте встретимся в два часа ночи рядом с воротами у реки.

— Но туда нужно добираться врозь. Если люди узнают, что мы собрались бежать, они набросятся на нас.

— Мне бы очень этого хотелось, — пробурчал Маттео. — С удовольствием проткну мечом полдесятка их толстых животов.

— Луны сейчас нет.

— Очень хорошо. В два ночи!

Ночь выдалась облачной, и луны мы бы не увидели, даже если бы она и плыла по небосклону.

Шел мелкий холодный дождь, чернильная тьма подступала со всех сторон. Добравшись до реки, я нашел там четверых или пятерых беглецов. Замерзшие и несчастные, мы молчали, сидя на лошадях, дожидаясь остальных. Всматривались в лицо каждого, кто подъезжал, и, убедившись, что это свой, замирали. Наконец собрались все, кроме Кеччо. Прождали еще какое-то время. Потом Бартоломео шепотом спросил у Маттео:

— Где ты оставил Кеччо?

— В доме. Он велел мне уезжать, сказав, что скоро последует за мной. Рядом с моей лошадью стояли еще две заседланные.

— Для кого вторая?

— Я не знаю.

Мы ждали. Холодный и мелкий дождь не прекращался. Часы пробили половину третьего. Вскоре после этого мы услышали топот копыт и сквозь пелену дождя разглядели приближающуюся к нам черную фигуру.

— Это вы, Кеччо? — прошептал я, чтобы стражник у ворот не мог нас услышать. Мы стояли на пустыре, в десяти ярдах от крепостной стены.

— Я не могу уехать с вами, — ответил Кеччо.

— Почему? — изумленно спросили мы.

— Ш-ш-ш! — шикнул на нас Кеччо. — Я соби-

рался привезти отца, но он отказался.

Никто из нас не подумал о старом Орсо д'Орси.

— Он говорит, что слишком старый, и не покинет родной город. Я делал все, что мог, убеждая его, но он просил меня ехать, говоря, что ему они ничего не сделают. Я не могу оставить его, так что поезжайте без меня.

— Вы должны поехать с нами, Кеччо, без вас мы беспомощны.

— А как же ваша жена и дети?

— Ваше присутствие разозлит тиранов. Пользы вы здесь не принесете, только вред.

— Я не могу оставить отца беззащитным.

— Я останусь, — предложил я. — Меня знают не так хорошо, как вас. Я пригляжу за вашим отцом, а вы сможете в безопасности жить с семьей.

— Нет, ты должен уехать. Это слишком опасно.

— Не так опасно, как вам. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы уберечь его от беды. Позвольте мне остаться.

— Да, — поддержали меня остальные. — Пусть Филиппо остается. Его могут и не опознать, но у вас такого шанса нет.

Часы пробили три.

— Поехали, поехали, уже поздно. До рассвета мы должны проскакать тридцать миль.

Мы уже договорились о том, что отправимся в Читта-ди-Кастелло, мой родной город, и на всякий случай я раздал им рекомендательные письма, чтобы их приютили и обеспечили защиту.

— Вы должны ехать с нами, Кеччо, или мы останемся все.

— Ты позаботишься о нем? — наконец спросил меня Кеччо.

— Клянусь!

— Очень хорошо. До свидания, Филиппо, и да благословит тебя Бог!

Они направились к воротам, и Кеччо вызвал командира караула.

— Открывай ворота, — приказал он.

Командир колебался. Я стоял позади, в густой тьме, оставаясь невидимым для стражи.

— Если поднимешь тревогу, мы тебя убьем, — предупредил Кеччо.

Они вытащили мечи. Командир все колебался, и Кеччо повторил:

— Открывай ворота!

Только тут командир достал связку тяжелых ключей. Открыл замки, ворота повернулись на петлях, и один за другим они покинули город. Ворота с лязгом закрылись. Я услышал короткую команду и топот копыт. Развернулся и поскакал

в город.

Через полчаса зазвонили колокола. Люди сообщали друг другу, что заговорщики сбежали и город свободен.

Глава 31

Утром совет собрался вновь и решил, что город должен вернуть прежнюю власть и сдаться герцогу безо всяких условий в надежде на помилование. Лодовико Моро с триумфом въехал в главные ворота и направился к крепости, где его встретила Катерина, вышедшая ему навстречу. Вместе они проследовали в кафедральный собор, чтобы прослушать мессу. Добрые жители Форли за последнее время привыкли приветствовать победителей. Когда графиня проезжала по улицам, горожане, выстроившись вдоль стен домов, встречали ее криками, благословляли и ее, и ее мать, и всех ее предков. Лицо Катерины оставалось таким же бесстрастным, как и несколькими днями раньше, когда она шла к крепости по этим самым улицам, выслушивая ругательства и проклятия своих верноподданных. Правда, внимательные наблюдатели заметили плотно сжатые губы, не сулившие ничего хорошего горожанам, и их крики радости стали еще громче.

Протонотарий Савелло таинственным образом исчез, как только ему сообщили о побеге Кеччо.

Но Катерине скоро дали знать, что он укрылся у доминиканцев. Легкая улыбка появилась на ее губах, и она прокомментировала эту весть:

— Следовало ожидать, что он укроется в женском монастыре.

Потом она послала к доминиканцам людей, чтобы те заверили его, что она не держит на него зла и умоляет присоединиться к ней. Добрый человек побледнел, услышав это приглашение, но не посмел отказаться. Поэтому, успокаивая себя мыслью о том, что никто не посмеет причинить вреда полномочному представителю папы, он собрался с духом, надел самые роскошные одежды и прибыл в кафедральный собор.

Увидев его, она подняла руку с двумя оттопыренными пальцами и со всей серьезностью произнесла:

— Да пребудет с вами милосердие Божье! — И тут же, прежде чем он успел прийти в себя, продолжила: — Монсеньор, я всегда надеялась, что придет день, когда я встречу того, кто славится как самый талантливый, самый красивый и самый добродетельный мужчина нашего времени. Но я не думала, что это будет день печали и горя.

— Мадам… — прервал он ее.

— Я умоляю вас, монсеньор, храбро перенести

выпавший на вашу долю удар судьбы. Разве мы все не знаем, как она непостоянна? Если город забрали у вас, значит, на то воля Божья и вы, как христианин, должны смириться, согласившись с его указом.

С этого начала Катерина свою месть, и все видели, как она сладка. Придворные хихикали, когда графиня произносила эти слова, Савелло хотелось провалиться сквозь землю.

— Мессир Савелло, при нашей предыдущей встрече вы рассказали мне много поучительного о воле Божьей. И теперь я позволю себе преподать вам урок на ту же тему. Если вы займете место рядом со мной, то у вас появится возможность хоть в малой степени изучить пути Господни, которые, как известно, неисповедимы.

Савелло поклонился и прошел к указанному ему месту.

Глава 32

Вернувшись во дворец д'Орси, я прежде всего снял бархат и шелковое белье, сбрил усы и бороду, коротко подстригся, облачился в одежду слуги и глянул на себя в зеркало. Если бы встретил такого на улице, прошел бы мимо, не узнав. Однако результат получился не таким уж плохим, и я улыбнулся, подумав, что не будет ничего удивительного, если бы какая-нибудь служанка положила глаз на такого вот слугу.

Я поднялся в покои старика Орсо и убедился, что все спокойно. Лег на диван у двери и попытался заснуть, но тревожные мысли не отпускали. Я думал о всадниках, которые мчались сквозь ночь, гадал, что завтрашний день принесет им и мне. Я знал, что за мою голову назначат награду, и мне предстояло оставаться среди врагов, защищая старика д'Орси.

Через какое-то время я услышал колокола, возвещавшие городу о бегстве заговорщиков, и, наконец, провалился в беспокойный сон. В шесть утра меня разбудила поднявшаяся в доме суета. Слуги говорили друг другу, что Кеччо уехал, гра-

финя покинула крепость и теперь только одному Богу известно, что из этого выйдет. Они собирались кучками, шептались, не обращая внимания на нового слугу, появившегося этой ночью. Они говорили, что дворец отдадут на разграбление горожанам, так что вместо хозяина пострадают слуги. И скоро один из них проявил инициативу. Сказал, что здесь не останется, а поскольку жалованье ему не заплачено, он возьмет его вещами. Набил карманы всякими ценностями, которые смог найти, спустился по черной лестнице, выскользнул через боковую дверь и растворился в лабиринте улиц. Остальные последовали его примеру, и дворец подвергся разграблению. Старик-мажордом ругал их, потрясая кулаками, но они не обращали на него ни малейшего внимания, думая только о собственной безопасности и набивая карманы. Все слуги удрали еще до того, как солнце рассеяло утренний туман, и во дворце, кроме старика д'Орси, остался только седовласый мажордом, юноша двадцати лет, его племянник, и я, а ведь Кеччо всегда был мягким и щедрым хозяином!

Мы пошли к старому Орсо. Он сидел в большом кресле у очага, закутанный в толстый халат. Уткнулся подбородком и ртом в воротник, чтобы

сохранять тепло, и на виду оставались только глаза, нос и запавшие, морщинистые щеки. Бархатная шапочка скрывала волосы и лоб. Он протягивал длинные высохшие руки к огню, и языки пламени чуть ли не просвечивали сквозь них. Руки еще и тряслись. При нашем появлении он поднял голову.

— Ах, Пьетро! — обратился он к мажордому. После паузы добавил: — А где Фабрицио?

Так звали слугу, который постоянно находился при старике, и Орсо очень к нему привык, принимал еду только из его рук и настаивал, чтобы тот не отходил от него ни на шаг. Фабрицио входил в число тех, кто, набив карманы, покинул дворец первыми.

— Почему не приходит Фабрицио? — ворчливо спросил старик. — Скажи ему, что он мне нужен. Я не желаю, чтобы меня оставляли одного.

Пьетро не знал, что ответить. Смущенно смотрел на старика.

— Почему Фабрицио не приходит? Теперь, когда хозяин здесь Кеччо, они пренебрегают мной. Это безобразие. Я поговорю насчет этого с Кеччо. Где Фабрицио? Скажи ему, чтобы пришел немедленно, а не то ему не поздоровится.

Слабым и дрожащим голосом он напоминал

больного ребенка. Я видел, что Пьетро не знает, что ответить, а Орсо начал стонать.

— Фабрицио в отъезде, — сказал я, — меня поставили на его место.

Пьетро и его племянник повернулись ко мне. Они впервые заметили, что такого слуги раньше в доме не было, и переглянулись, вскинув брови.

— Фабрицио в отъезде? Кто его отослал? Я никуда его не отсылал.

— Это сделал Кеччо.

— Кеччо не имел права его отсылать. Я здесь хозяин. Они относятся ко мне как к ребенку. Это позор! Где Фабрицио? Я этого не потерплю, говорю вам. Это позор! Я поговорю насчет этого с Кеччо. Где Кеччо?

Никто из нас не ответил.

— Почему вы не отвечаете, когда я обращаюсь к вам? Где Кеччо?

Он приподнялся с кресла и наклонился, чтобы всмотреться в нас, потом откинулся на спинку.

— Ах, теперь я вспоминаю, — пробормотал он. — Кеччо уехал. Он хотел, чтобы я поехал с ним. Но я слишком старый, слишком старый, слишком старый. Я сказал Кеччо, что будет. Я знаю жителей Форли. Прожил с ними восемьдесят лет. Они такие же ненадежные и трусливые,

как все другие люди, которые населяют эту выгребную яму, что зовется Землей. Я четырнадцать раз становился изгнанником. Четырнадцать раз бежал из Форли и четырнадцать раз возвращался. Да, в свое время моя жизнь бурлила, но теперь я устал. Я не хочу больше убегать, я такой старый. Я могу умереть до того, как вернусь, а мне хочется умереть в собственном доме.

Он смотрел на очаг, обращался к тлеющим углям и последним языкам пламени. Потом вроде бы начал повторять свой последний разговор с Кеччо.

— Нет, Кеччо, я не поеду. Поезжай один. Они не тронут меня. Я Орсо д'Орси. Они не тронут меня, не решатся. Поезжай один и поцелуй от меня Кларису. — Так звали жену Кеччо. Он какое-то время молчал, потом заговорил вновь: — Мне нужен Фабрицио.

— Я не смогу его заменить? — спросил я.

— Кто ты?

Я терпеливо повторил:

— Я слуга, назначенный на место Фабрицио. Меня зовут Фабио.

— Тебя зовут Фабио? — переспросил он.

— Да.

— Нет, это не так. Почему ты говоришь мне,

что тебя зовут Фабио? Мне знакомо твое лицо. Ты не слуга.

— Вы ошибаетесь, — заверил его я.

— Нет-нет, ты не Фабио. Кто ты?

— Я Фабио.

— Кто ты? — сварливо повторил старик. — Я не могу вспомнить, кто ты. Почему ты мне не говоришь? Разве ты не видишь, какой я старый? Почему ты мне не говоришь?

Голос перешел в стон, и я подумал, что он заплачет. Он видел меня лишь дважды, но гости к нему заходили нечасто, и он, похоже, запоминал их лица, вот мое и показалось ему знакомым.

— Я Филиппо Брандолини, — ответил я. — Остался здесь, чтобы приглядывать за вами и следить, чтобы вам не причинили вреда. Кеччо хотел остаться сам, но мы настояли на его отъезде.

— Так ты дворянин, — кивнул он. — Я этому рад.

Потом, словно разговор утомил его, он вжался в спинку кресла и вроде бы задремал.

Я отправил Андреа, племянника мажордома, в город посмотреть, что там творится, а мы с Пьетро сели у большого окна. Внезапно Пьетро насторожился:

— Что это?

Мы оба прислушались. Издалека доносился какой-то рев. Будто где-то далеко-далеко на скалы накатывали морские волны. Я открыл окно, выглянул. Рев все усиливался и усиливался, пока наконец мы не поняли, что слышим голос толпы.

— Что это? — повторил Пьетро.

На ступенях послышался топот бегущих ног. Дверь распахнулась, вбежал Андреа.

— Спасайтесь! — крикнул он.

— Что такое?

— Они идут, чтобы разграбить дворец. Графиня им разрешила, и весь город идет сюда.

Рев нарастал, мы уже различали отдельные выкрики.

— Быстро! — торопил нас Андреа. — Ради Бога, быстро! Они будут здесь через минуту!

Я посмотрел на дверь, а Пьетро, словно прочитав мои мысли, покачал головой:

— Не сюда. Есть другая дверь, в коридор, который выводит на боковую улицу.

Он поднял гобелен, показал узкую дверь, открыл ее. Я подбежал к старому Орсо, тряхнул его.

— Просыпайтесь! — крикнул я. — Просыпайтесь и пойдемте со мной.

— Что такое? — спросил он.

— Не важно. Пойдемте со мной!

Я взял его за руку, попытался поднять с кресла, но он вцепился в подлокотники и не сдвинулся с места.

— Никуда не пойду. Что такое?

— Толпа идет к дворцу, чтобы разграбить его, и они убьют вас, если вы останетесь здесь.

— Никуда не пойду. Я Орсо д'Орси. Они не посмеют тронуть меня.

— Быстрее, быстрее! — крикнул Андреа, стоявший у окна. — Они уже на улице. Вот-вот будут здесь!

— Скорее! Скорее! — вторил ему Пьетро.

Рев толпы стал таким громким, что от него звенело в ушах. И с каждым мгновением становился еще громче.

— Быстро! Быстро!

— Вы должны уйти! — просил я, и Пьетро присоединился ко мне, но старик оставался непоколебим.

— Говорю вам, я не побегу. Я глава этого дома. Я Орсо д'Орси. Я не побегу, как собака, от всякой черни.

— Ради вашего сына… ради нас, — молил я. — Нас убьют вместе с вами.

— Вы можете идти. Дверь открыта. Я останусь один.

К нему, похоже, вернулось мужество молодости. Он словно и забыл, что превратился в древнего старика.

— Мы не можем оставить вас. Я поклялся Кеччо, что буду вас защищать, так что вас убьют только после меня. Наш единственный шанс — бежать.

— Быстрее! Быстрее! — кричал Андреа. — Они уже здесь.

— Господин, господин, — молил Пьетро, — прислушайтесь к нему.

— Быстрее! Быстрее!

— Вы хотите, чтобы я улизнул из моего собственного дома через черный ход, словно вор?

— Они уже у дверей, — крикнул Андреа.

Шум теперь доносился снизу. Ворота мы заперли, так что послышались удары: камни и палки били по железу. Потом они, похоже, взяли что-то большое и тяжелое и застучали по замкам. Удары наносились вновь и вновь, пока, наконец, не раздался скрежет разрываемого металла. Толпа исторгла громкий крик, а затем послышался топот бесчисленных ног. Я подскочил к двери в комнату Орсо, закрыл ее, запер и на замок, и на засов. Подтащил к ней тяжелый комод. Мы

добавили к нему второй комод, потом кровать.

Едва успели это сделать, как толпа добралась до двери. Кто-то ее толкнул, но она, к всеобщему изумлению, не открылась. Снаружи раздался крик:

— Дверь заперта!

Помеха их раззадорила, людей у двери становилось все больше.

Тяжелые удары посыпались на замок.

Я повернулся к Орсо.

— Ради Бога, пойдемте.

Он не отвечал. Времени не оставалось, а сломить его упрямство я не мог.

— Тогда я вас заставлю. — Я схватил его за обе руки и потащил с кресла. Он вцепился в подлокотники, но силой я его, конечно, превосходил. И уже поднимал на руки, когда дверь не выдержала. Люди перебирались через баррикаду, в комнате их становилось все больше. Мы опоздали. Я попытался добраться до потайной двери, но мне это не удалось. Они окружили меня.

— Держите его, — крикнул я Пьетро, — а я с ними разберусь.

Выхватил меч, но тут же удар дубиной переломил его надвое. Я все равно бросился на них, но шансов у меня не было. Следующий удар обру-

шился мне на голову, и я провалился в черноту.

Глава 33

Открыв глаза, я понял, что лежу в кровати в темной комнате. Рядом сидела какая-то женщина. Я посмотрел на нее, гадая, кто она.

— Кто вы, черт побери? — спросил я без должной вежливости.

При этих словах надо мной кто-то склонился, и я узнал Андреа. Вспомнил, что произошло.

— Где Орсо? — спросил я. — Он в безопасности?

— Вам лучше? — Он словно и не услышал моих вопросов.

— Я в полном порядке. Где Орсо? — Я попытался сесть, но перед глазами все поплыло. К горлу подкатила тошнота, и я повалился на спину. — Что со мной? — простонал я.

— Только разбитая голова, — с легкой улыбкой ответил Андреа. — Будь вы слугой, а не утонченным дворянином, маскирующимся под слугу, вы бы этого и не почувствовали.

— Пожалей раненого, дорогой мальчик, — пробормотал я. — Я и не притворяюсь, что голова у меня такая же деревянная, как у тебя.

Тут он объяснил, что произошло.

— Свалив вас, они бросились к старику и увели его.

— Боже! — вырвалось у меня. — Я пообещал Кеччо оберегать его. Что он обо мне подумает?

— Это не ваша вина. — Андреа уже менял повязку на голове, смочив ее охлаждающим лосьоном.

— Хороший мальчик! — Холод явно шел на пользу голове, в которой пульсировала боль.

— Когда я увидел удары, обрушившиеся на вашу голову, после которых вы рухнули как подкошенный, я подумал, что вас убили. У дворян очень уж мягкие головы, и никто не знает, что они могут выдержать.

— Похоже, тебя это забавляет, — нахмурился я. — Что произошло потом?

— Радуясь своей добыче, они не обратили внимания на нас, и мы с дядей вытащили вас через потайную дверь и принесли сюда. Веса в вас о-го-го!

— И где я?

— В доме моей матери и останетесь здесь, пока не поправитесь.

— А Орсо?

— Мой дядя выходил в город и узнал, что его посадили в тюрьму. Но пока никакого вреда не причинили. Дворец разграбили. От него остались

только голые стены.

В этот момент, тяжело дыша, в комнату вошел Пьетро.

— Двух заговорщиков схватили.

— Господи, не Кеччо с Маттео?

— Нет. Пьетро Альбанеси и Марко Скорсакану.

— Как остальным удалось ускользнуть?

— Не знаю. Я слышал, что лошадь Марко сломала ногу, а Пьетро отказался его покинуть. Их обоих схватили и привезли сюда ради награды.

— Господи!

— В город они въехали на ослах, со связанными за спиной руками, толпа кричала и улюлюкала, в них швыряли камни.

— А теперь?

— Они в тюрьме и…

— Что?

— Казнь назначена на завтра.

Я застонал. Пьетро Альбанеси и Марко я справедливо считал нашими Дамоном и Пифиасом[25]. Содрогнулся, подумав о том, что уготовила им

---

[25] Примечания: 25

Имена двух знаменитых верных друзей, живших в Сиракузах. Когда Пифиас был осужден тираном Дионисием на смерть, то Дамон хотел сам умереть вместо друга, и на месте казни они оспаривали друг у друга право на смерть. Дионисий так был тронут этой дружбой, что простил осужденного и пожелал быть принятым третьим в общество этих двух друзей.

судьба. Они люто ненавидели графа и помогли сбросить его тело на площадь. Я знал, что в сердце Катерины нет места прощению, и всю ночь думал о том, как она собирается отомстить.

Глава 34

Наутро я настоял на том, чтобы встать. Андреа помог мне одеться, и мы вместе вышли из дома.

— Сегодня никто не примет вас за дворянина, — рассмеялся он.

Моя одежда и раньше выглядела жалко, а драка добавила несколько дыр. Щеки и подбородок заросли двухдневной щетиной, лоб и полголовы закрывала повязка, так что выглядел я совсем не привлекательно. Но печаль, которая переполняла сердце, не позволила мне улыбнуться или осадить Андреа едкой фразой. Я думал только о том, какое ужасное нас ждет зрелище.

На площади толпился народ. Напротив дворца Риарио возвели помост, на нем стояли кресла, но они пустовали. Над головой раскинулось синее небо, солнце радостно светило людям, чистый воздух наполняли ароматы цветов. Умиротворенность природы только подчеркивала жажду крови человеческих сердец… Трубы возвестили о приближении Катерины и ее свиты. Под радостные крики она появилась на площади, сопровождаемая сводным братом, герцогом Ми-

ланским, и протонотарием Савелло. Они заняли приготовленные им места на помосте, герцог — справа, Савелло — слева. Она повернулась к священнику, доброжелательно заговорила с ним. Он улыбался и кивал, но не отпускающую его тревогу выдавали руки, которые постоянно теребили материю плаща.

Барабанная дробь сменилась мертвой тишиной. Потом отряд солдат вышел на площадь, громко стуча сапогами. За ним следовала одинокая фигура, без камзола и шляпы, в порванной рубашке, со связанными за спиной руками. Марко Скорсакана. При виде его толпа разразилась ругательствами. Он шагал с гордо поднятой головой, не обращая никакого внимания на крики и свист, от которых звенело в ушах. По бокам шли босоногие монахи, каждый нес распятие… Потом на площади появился еще один отряд, за ним — одинокая фигура с непокрытой головой и связанными за спиной руками. Но этот человек вжал голову в плечи и смотрел в землю, вздрагивая от оглушительных криков. Бедный Пьетро! И его сопровождала пара монахов со строгими лицами. Замыкали шествие барабанщики, которые без устали работали палочками, и бой этот сводил с ума.

Они приблизились к помосту. Солдаты отошли, оставив пленников перед их судьями.

— Марко Скорсакана и Пьетро Альбанеси, — громко ровным голосом начала графиня, — вы признаны виновными в убийстве и измене. Это вы сбросили тело моего дорогого мужа из окна дворца на камни площади, поэтому вас повесят в этом самом окне, а потом сбросят ваши тела на камни площади.

Рокот одобрения прокатился по толпе. Пьетро дернулся, но Марко повернулся к нему и что-то сказал. Слов я не услышал, но увидел во взгляде искреннюю дружбу, и ответная улыбка Пьетро показала, что к нему вернулось мужество.

Графиня повернулась к Савелло.

— Вы согласны с тем, что приговор справедливый?

— Более чем! — прошептал тот.

— Протонотарий говорит: «Более чем!», — громко воскликнула графиня, чтобы ее услышала вся площадь. Священника передернуло.

Марко пренебрежительно посмотрел на него:

— Я бы ни за что не поменялся с вами местами.

Графиня улыбнулась священнику:

— Сами видите, я выполняю волю Божью, делая с другими то, что они сделали бы со мной.

Она махнула рукой, и обоих мужчин повели к дворцу. Они поднялись по лестнице и скрылись. Из окна в Кабинете нимф выставили балку с привязанной к ней веревкой. В окне появился Пьетро. Второй конец веревки заканчивался петлей, надетой ему на шею.

— Прощай, верный друг, — сказал он Марко.

— Прощай, Пьетротино, — ответил Марко и поцеловал его.

Двое солдат столкнули Пьетро с подоконника, и он полетел вниз. По телу пробежала дрожь, а потом он закачался из стороны в сторону. После короткой паузы в окне появился мужчина и мечом перерубил веревку. Толпа громко заорала, люди бросились к упавшему телу и разорвали его на части. К балке привязали новую веревку, и через несколько минут в окне появился Марко. Он смело шагнул с подоконника в пустоту, обойдясь без посторонней помощи. Какое-то время повисел на балке, и его тело тоже упало на площадь, где толпа набросилась на него, как стая волков. Я закрыл лицо руками. Ужасно, ужасно! Господи! Господи!

Вновь раздался барабанный бой. Я поднял голову, гадая, что нас еще ждет. На площади появился еще один отряд солдат, за ним — шут в колпаке

с колокольчиками и жезлом с погремушкой, который вел за собой осла. На осле сидел жалкий старик. Орсо д'Орси.

— Боже, — простонал я, — что они собираются с ним сделать?

Толпа взорвалась смехом, шут размахивал жезлом и важно раскланивался. Он подвел осла к помосту, и Катерина заговорила вновь:

— Орсо д'Орси, ты приговариваешься к тому, чтобы увидеть, как уничтожают твой дворец — камень за камнем.

Толпа взревела, многие побежали к дворцу д'Орси, чтобы увидеть все своими глазами. Старик ничего не ответил, ничем не показал, что услышал ее, никак не отреагировал. Я подумал, что он потерял всякую связь с окружающим миром. Процессия двинулась к его дому, который уже являл собой жалкое зрелище, потому что погромщики оставили после себя только голые стены. Тут же началась работа, и величественное здание развалили на камни. Орсо бесстрастно взирал на происходящее, хотя не было большего унижения, которому мог бы подвергнуться итальянский дворянин. Дворец д'Орси простоял триста лет, в его строительстве и отделке принимали участие самые знаменитые архитекторы,

ремесленники, художники. И теперь его разрушили до основания.

Старика вновь привели на площадь, и жестокая женщина снова заговорила:

— Ты понес наказание за себя, Орсо, а теперь я накажу тебя за твоего сына. Разойдитесь!

Солдаты, вторя ей, закричали:

— Разойдитесь!

Толпу приняли оттеснять, пока людей не прижали к стенам домов, освободив центральную часть площади. Под звуки труб на площади появился всадник в пламенеющих красных одеждах на огромном черном жеребце, фыркающем и вырывающемся из рук двух солдат, которые вели его под уздцы. Красный капюшон с прорезями для глаз полностью закрывал лицо мужчины. Шепот ужаса пробежал по площади:

— Палач.

В центре площади всадник остановился. Катерина обратилась к старику:

— Тебе есть что сказать, Орсо д'Орси?

Наконец-то он вроде бы услышал ее, а потом, собрав оставшиеся силы, выкрикнул:

— Сучья дочь!

Катерина вспыхнула, махнула рукой. Двое солдат подскочили к старику и стащили его с осла.

Повалили на землю, толстой веревкой связали лодыжки.

Тут я все понял. Меня охватил ужас, из груди вырвался крик. Повинуясь безотчетному порыву, я двинулся к старику. Я не знал, что собираюсь делать, просто чувствовал, что должен его защитить. Но Андреа обхватил меня руками и потащил назад.

— Пусти меня! — Я принялся вырываться.

— Не дурите! — прошептал он. — Что вы можете сделать против них?

Действительно — ничего. Я сдался. Господи, мне предстояло стоять и наблюдать за ужасом происходящего, в полной мере осознавая собственное бессилие. Я задался вопросом, как люди могли смотреть на такую чудовищную жестокость. Мне казалось, что их долг — броситься на помощь несчастному старику. Но они смотрели… смотрели жадно…

За ноги его подтащили к лошади, вторым концом веревки обвязали хвост жеребца и грудь седока.

— Готово? — крикнул палач.

— Да, — ответили солдаты.

Палач вонзил шпоры в жеребца. Толпа громко ахнула, когда жеребец рванул с места и помчался

по кругу. Внезапно появившаяся ноша пугала его, он мчался галопом, вытягивая вперед голову. Толпа подгоняла жеребца своими криками, палач еще глубже всаживал шпоры, мостовая окрасилась кровью.

Одному Богу известно, как долго прожил старик. Я надеюсь, он умер сразу. Наконец жеребца остановили, веревки перерезали, труп застыл на камнях, люди раздались в стороны, палач на жеребце покинул площадь. Обезображенное тело еще долго лежало в луже крови. По приказу графини к нему запретили притрагиваться до наступления ночи. В назидание остальным.

Андреа хотел уйти, но я настоял на том, чтобы остаться, чтобы посмотреть, чем все закончится. Ждать пришлось недолго. Катерина поднялась с кресла и повернулась к Савелло.

— Я не забываю, что власть и сила идут от Господа, монсеньор, и хочу поблагодарить Небесного Владыку, который спас меня, моих детей, государство. Я прикажу провести большой крестный ход вокруг города, а потом отслужить мессу в кафедральном соборе.

— Мадам, это свидетельствует о том, что вы набожная женщина и истинная христианка, — ответил Савелло.

Глава 35

Когда город окутала ночь и площадь опустела, Андреа, я и старый мажордом пришли к тому месту, где лежал обезображенный труп. Завернули его в полотнище черной материи, молча подняли и понесли к церкви, где семья д'Орси многие поколения хоронила своих усопших. Монах в черной рясе встретил нас в нефе и повел к двери, которую заранее открыл. Потом, словно в испуге, оставил нас. Мы очутились во дворе, с четырех сторон окруженном крытыми галереями. Тело оставили под аркой, а сами прошли к находящемуся по центру, заросшему травой участку, на котором стояли маленькие кресты. Взяли лопаты и начали рыть могилу. Моросил дождь, глинистая земля поддавалась с трудом. Я вспотел и разделся по пояс. Теперь дождь падал на разгоряченную кожу. Могилу рыли мы с Андреа, тогда как Пьетро приглядывал за телом и молился. Мы углубились в землю по колено, но продолжали копать. Наконец я сказал:

— Достаточно!

Мы вылезли из ямы и пошли к телу. Подняли

его, отнесли к могиле и осторожно опустили в нее. Пьетро положил распятие на грудь старого господина, и мы уже втроем начали забрасывать могилу землей.

Вот так, без священников, без погребальной службы, глубокой ночью, под мелким дождем, мы похоронили Орсо д'Орси, великого главу семьи. В свое время он храбро сражался на войне и преуспевал в мирной жизни. Проявил торговую жилку, считался первым политиком в городе, показал себя покровителем искусств. Но он жил слишком долго, и его ждала такая вот жалкая смерть.

На следующий день я задумался о том, что делать дальше. В Форли я уже никому и ничем не мог помочь. Собственно, и раньше ничем и никому не помог — только стоял и наблюдал, как гибнут дорогие и уважаемые мною люди. Более того, мое присутствие могло навлечь беду на тех, кто приютил меня. Катерина уже бросила в темницу пятьдесят человек, которые принимали участие в мятеже, несмотря на торжественное обещание простить всех, и я прекрасно понимал, что после моего ареста Пьетро и Андреа разделили бы мою, безусловно, печальную участь. Они ничем не показывали, что знают об опасности,

которой грозило им мое пребывание в их доме, но в глазах женщины, матери Андреа, стояла тревога, и при каждом неожиданном звуке она вздрагивала и со страхом смотрела на меня. Я решил уехать немедленно. Когда сказал об этом Андреа, он заявил, что поедет со мной. Я красочно описал опасности, которые встретят нас на пути, но разубедить его не смог. Следующий день был ярмарочным, и мы решили на телеге покинуть город ранним утром, как только откроются ворота. Нас бы приняли за торговцев, и мы ни у кого не вызвали бы подозрений.

Мне хотелось знать, что творится в городе и о чем говорят люди, но благоразумие подсказывало мне, что выходить из дома небезопасно, меня узнают. Поэтому сидел дома и болтал с Андреа. Наконец, устав от безделья и увидев, что его мать собралась прибраться во дворе, я вызвался все сделать сам. Взял швабру и ведро воды и принялся за работу. Андреа стоял в дверях и пренебрежительно усмехался. Мне же на какое-то время удалось забыть о случившемся на площади.

А потом в дверь постучали. Мы затихли и прислушались. Стук повторился, но поскольку ответа не последовало, щеколда повернулась и дверь открылась. Вошла служанка и плотно закрыла

дверь за собой. Я сразу узнал служанку Джулии и подался назад, Андреа меня загородил. К девушке подошла мать Андреа.

— Чем я могу вам помочь?

Служанка не ответила, но обошла мать и прямиком направилась ко мне.

— У вас живет слуга, которому я должна передать записку, — по пути пояснила она.

Сунула мне в руку клочок бумаги, без единого слова вернулась к двери и исчезла.

Записка состояла из пяти слов: «Приходи ко мне этим вечером». Странное чувство охватило меня, когда я смотрел на записку… и рука начала дрожать. Я задумался. Зачем я ей потребовался? Я в этом сомневался, но вдруг она хотела сдать меня графине? Я знал, что она ненавидела меня, но мне не верилось, что она могла пасть так низко. В конце концов, она была дочерью Бартоломео, благородного дворянина. Андреа вопросительно смотрел на меня.

— Это приглашение от моего злейшего врага. Она ждет меня у себя.

— Но вы не пойдете?

— Нет, пойду.

— Почему?

— Потому что она женщина.

— Вы думаете, что она может вас предать?

— Такое возможно.

— И вы собираетесь рискнуть?

— Думаю, я буду только рад, убедившись, что она полное ничтожество.

Андреа смотрел на меня, открыв рот. Он ничего не понимал. Потом его осенило.

— Так вы ее любите?

— Любил.

— А теперь?

— Нет. Теперь не испытываю к ней даже ненависти.

Глава 36

Пришла ночь, и когда все уснули и город затих, я сказал Андреа:

— Жди меня здесь. Если через два часа я не вернусь, знай…

Он прервал меня:

— Я пойду с вами.

— Нет, — я покачал головой, — я не знаю, сколь велика опасность, и не хочу подвергать риску и тебя.

— Я пойду туда же, куда и вы.

Я с ним не спорил, его упрямство взяло верх. Мы шли по темным улицам, крадучись, словно воры, едва заслышав тяжелые шаги стражников. Дворец Эсти встретил нас темными окнами. Какое-то время мы ждали снаружи, однако никто не вышел, а стучать я боялся. Потом вспомнил про боковую дверь. Ключ от нее по-прежнему был при мне, и я достал его из кармана.

— Подожди снаружи, — приказал я Андреа.

— Нет, я пойду с вами.

— Там, возможно, засада.

— Тем более двоим выбраться будет легче, чем

одному.

Я вставил ключ в замочную скважину. Сердце гулко забилось, а рука затряслась, но не от страха. Ключ повернулся, я толкнул дверь, она открылась. Мы вошли и поднялись по ступеням. Былые чувства возродились во мне с новой силой, сердце защемило… Мы вошли в тускло освещенную прихожую. Знаком я предложил Андреа подождать здесь, а сам прошел в комнату, которую так хорошо знал. Именно там я в последний раз видел Джулию, — Джулию, которую любил, — и ничего в комнате не изменилось. Посередине стоял тот же диван, а на нем лежала Джулия, спала. Заслышав меня, подняла голову.

— Филиппо!

— К вашим услугам, мадам.

— Вчера Люсия узнала тебя на площади и шла за тобой следом до дома, в котором ты сейчас живешь.

— Понятно.

— Мой отец прислал записку, что ты еще здесь, и, если мне понадобится помощь, я могу рассчитывать на тебя.

— Я сделаю все, что смогу.

И зачем я только сюда пришел! Голова у меня шла кругом, сердце разрывалось на части.

Господи, как же она красива! Я смотрел на нее и чувствовал, что стена безразличия, которой я отделил ее от себя, рухнула при первом взгляде в ее глаза. И я пришел в ужас. Моя любовь не умерла — она жила, жила! Как же я обожал эту женщину! Мне не терпелось заключить ее в объятия, покрыть мягкие губы поцелуями.

Ну почему я пришел? Я просто обезумел. Клял свою слабость, ощущал такую ненависть к себе, что мог бы убить Джулию. И я изнывал от любви к ней…

— Мессир Филиппо, вы мне поможете? Меня предупредила одна из придворных дам графини, что стража получила приказ завтра арестовать меня. И я знаю, чего ждать дочери Бартоломео Моратини. Я должна покинуть город этой ночью… немедленно.

— Я вам помогу, — ответил я.

— Что мне делать?

— Я могу переодеть вас простой горожанкой. Мать моего друга Андреа одолжит вам одежду. Мы с Андреа поедем с вами. Или, если предпочитаете, после того как мы минуем ворота, Андреа поедет с вами один, куда вы пожелаете.

— А почему вы не поедете?

— Я боюсь, что в моем присутствии путеше-

ствие покажется вам очень утомительным.

— А вам?

— Мне это совершенно безразлично.

Она какое-то время всматривалась в меня, потом воскликнула:

— Тогда я не поеду!

— Почему?

— Потому что ты меня ненавидишь!

Я пожал плечами:

— Я думал, что мои чувства не имеют ровно никакого значения.

— Я не приму твоей помощи. Ты слишком сильно меня ненавидишь. Я останусь в Форли.

— Вы сама себе хозяйка… А почему не примете?

— Мне надо тебе это говорить? — Она подошла вплотную. — Потому что… потому что я тебя люблю!

У меня закружилась голова, я почувствовал, что шатаюсь… не знал, что со мной происходит.

— Филиппо!

— Джулия!

Я раскинул руки, и она упала в мои объятия, и я прижал ее к сердцу и покрыл ее поцелуями… Я целовал ее губы, глаза и шею.

— Джулия! Джулия!

Я оторвался от нее, схватил за плечи, чуть ли не прорычал:

— Но теперь ты должна быть только моей. Поклянись, что будешь…

Она вскинула голову и улыбнулась, потом, прижавшись ко мне, прошептала:

— Ты женишься на мне?

Я целовал ее снова и снова.

— Я всегда тебя любил. Пытался ненавидеть тебя, но не смог.

— Ты помнишь тот вечер во дворце? Ты сказал, что никогда не питал ко мне никаких чувств.

— Да, но ты мне не поверила.

— Я чувствовала, что это неправда, но ты причинил мне боль. А потом, Клаудия…

— Я так злился на тебя, что сделал бы все, чтобы отомстить… но я все равно любил тебя.

— Но Клаудия… ты любил и ее?

— Нет, — запротестовал я. — Я ненавидел ее и презирал, но старался забыть тебя. Я хотел, чтобы ты почувствовала, что стала мне безразлична.

— Я ее ненавижу.

— Прости меня.

— Я прощаю тебе все.

Я страстно поцеловал ее и уже не помнил, что и ей тоже надо бы попросить у меня прощения.

Благо было за что.

Время пролетело незаметно, и когда луч света ворвался в окно, я в изумлении вскинул голову.

— Мы должны поторопиться. — Я прошел в прихожую, где крепко спал Андреа. Тряхнул его за плечо.

— Когда открываются ворота? — спросил я.

Он потер глаза и ответил:

— В пять.

Часы только что пробили половину пятого. Нужно было спешить. Я посчитал, что Андреа не успеет сходить в дом матери и вернуться обратно с необходимой одеждой. На это требовалось время, а каждая лишняя минута, проведенная во дворце Эсти, могла стать роковой. Но молодая и красивая женщина, выезжающая из города в столь ранний час, наверняка привлекла бы внимание стражи, и Джулию могли узнать.

Тут меня осенило.

— Раздевайся! — приказал я Андреа.

— Что?

— Раздевайся! Быстро.

Он тупо смотрел на меня. Я подскочил к нему и, поскольку он не торопился, сорвал с него камзол. Тут он понял и через мгновение остался в одной рубашке, тогда как я уже уходил с его одеждой.

Отдал ее Джулии и вернулся. Андреа по-прежнему стоял посреди комнаты. Выглядел крайне нелепо.

— Послушай меня, Андреа, я отдал твою одежду женщине, которая будет сопровождать меня вместо тебя. Понимаешь?

— Да, но что делать мне?

— Пока ты останешься со своей матерью, а потом, если захочешь, можешь найти меня в моем доме в Читта-ди-Кастелло.

— А сейчас?

— Сейчас ты можешь идти домой.

Он не ответил, с сомнением посмотрел на меня, потом на свои голые ноги и рубашку, снова на меня. Я сделал вид, что не понимаю, в чем проблема.

— Тебя что-то волнует, Андреа? В чем дело?

Он указал на рубашку.

— И что?

— Ее обычно носят со штанами.

— Такому широко мыслящему юноше, как ты, негоже принимать во внимание подобные предрассудки, — со всей серьезностью сказал я. — В такое утро ты найдешь, что без камзола и штанов жизнь куда как более приятна.

— Общественные приличия…

— Мой дорогой мальчик, или ты забыл, что наши прародители довольствовались фиговыми листками? Тебя же не устраивает целая рубашка. Кроме того, у тебя стройные ноги и мускулистое тело. Кого ты стыдишься?

— Любого, кто пойдет следом.

— И напрасно, тебе есть что им показать.

— Стражник посадит меня под замок.

— Неужели ты думаешь, что дочь тюремщика сможет перед тобой устоять, если ты будешь в таком наряде?

Тут мне в голову пришла новая мысль.

— Слушай, Андреа, я сожалею, что ты в таком мрачном настроении, но постараюсь тебе помочь. — Пошел к Джулии, взял ее одежду и принес Андреа. — Вот!

Он радостно вскрикнул, но лицо его вытянулось, когда он увидел, что это нижняя юбка с оборками. Я прислонился к стене и смеялся так, что заболели бока.

Тут появилась Джулия, самый красивый слуга на свете…

— До свидания, — крикнул я, и мы поспешили вниз по ступеням. Решительно направились к городским воротам и с гулко бьющимися сердцами и невинными лицами миновали их, оказавшись

на уходящей вдаль дороге.

Глава 37

Д'Орси и Моратини последовали моему совету и обосновались в Читта-ди-Кастелло. Туда же направились мы и в конце концов прибыли безо всяких приключений. Я не знал, где поселился Бартоломео Моратини, и мне не хотелось приводить Джулию в свой дом, поэтому я оставил ее в бенедиктинском монастыре, настоятельница которого, услышав мое имя, пообещала окружить гостью всемерной заботой.

Потом я пошел к своему дворцу, в котором не был много лет. Так разволновался, попав в родной город, что ничего не замечал на улицах, по которым проходил. А когда увидел такие знакомые стены, воспоминания нахлынули на меня… Я припомнил день, когда мне сообщили, что старик Вителли, правивший в то время в Кастелло, сказал обо мне некие слова, от которых как-то сразу неприятно зачесалась шея. Тут же я вверил младшего брата заботам родственника, каноника кафедрального собора, дворец оставил на мажордома, вскочил на лошадь и умчался с максимально возможной скоростью. Я полагал,

что нескольких месяцев хватит, чтобы Вителли поостыл, но месяцы растянулись на годы, и он умер раньше, чем простил меня. Но теперь я действительно вернулся и больше уезжать не собирался. Путешествия научили меня осторожности, а случившееся в Форли на какое-то время утолило страсть к приключениям. Кроме того, я собирался жениться, положить начало большой семье, и, пусть даже судьба особой щедростью по отношению ко мне никогда не отличалась, я, похоже, обрел не только дом, но и любовь. И о чем еще я мог мечтать?

Мои размышления прервал знакомый голос:

— Клянусь Вакхом!

Я увидел Маттео, а в следующее мгновение он уже сжимал меня в объятиях.

— Я все спрашивал себя, что за болван таращится на этот дом, и уже хотел сказать ему, что так разглядывать чужое добро неприлично, но узнал хозяина лошади.

Я рассмеялся, вновь пожал ему руку.

— Что ж, Филиппо, я уверен, мы будем рады предложить тебе кров и стол.

— Ты очень добр.

— Мы оккупировали весь дом, но какая-нибудь комнатка для тебя обязательно найдется. Заходи.

— Спасибо, — поблагодарил его я, — если не буду в тягость.

Кеччо, Бартоломео и двое его сыновей сидели в одной комнате. Они вскочили, увидев меня.

— Какие новости? Какие новости?

Тут я внезапно вспомнил ужасную историю, которую мне предстояло рассказать: радость от возвращения домой заставила меня позабыть о случившемся в Форли. Я сразу помрачнел.

— Плохие новости. Очень плохие.

— Господи! Я это предчувствовал. Каждую ночь меня мучили кошмарные сны.

— Кеччо, я сделал все, что мог, но, увы, не смог спасти твоего отца. Ты оставил меня охранять старика, но уберечь его я не сумел.

— Продолжай!

Я начал рассказ с решения совета открыть ворота и сдать город без всяких условий. Описал, как графиня триумфально въехала в город. Но ведь это было только начало. Худшее ждало их впереди. Кеччо сжал кулаки, когда я рассказывал о разграблении его дворца. Они узнали, как старый Орсо отказался бежать из дворца, как его схватили, когда я без сознания лежал на полу.

— Ты сделал все, что мог, Филиппо, — кивнул Кеччо. — И что за этим последовало?

Я рассказал, как схватили Марко Скорсакану и Пьетро, как привезли в город на ослах, словно воров, как их освистывала и оплевывала толпа, как привели на площадь и повесили на балке, торчащей из окна дворца Джироламо, как толпа растерзала их тела.

— Господи! — вырвалось у Кеччо. — И все это — моя вина.

Я рассказал им, как на площадь привели старого Орсо, а потом заставили смотреть, как по камню разбирают его дворец, пока от него не осталась гора мусора.

Из груди Кеччо вырвался стон.

— Мой дворец, мой дом!

И тут, словно удар был слишком жесток, он наклонил голову и зарыдал.

— Мужайтесь, Кеччо. — Я коснулся его руки. — У вас еще будет повод для слез.

Он поднял голову.

— Что еще?

— Ваш отец.

— Филиппо!

Он встал, отступил на шаг, прижался спиной к стене, вытянул руки перед собой, его осунувшееся лицо побледнело как полотно.

Я рассказал ему, как его отца вновь привели на

площадь и привязали к хвосту черного жеребца, который таскал его за собой, пока кровь старика не окропила камни и душа не покинула его. Кеччо издал жуткий стон, поднял глаза к потолку, словно призывая небожителей в свидетели, простонал:

— Господи!

Потом рухнул на стул, закрыл лицо руками, закачался из стороны в сторону. Маттео подошел к нему, положил руку ему на плечо, стараясь утешить, но Кеччо отогнал его:

— Оставь меня.

Он поднялся, и мы увидели, что глаза его сухие. Такому горю слезы помочь не могли. Выставив перед собой руки, словно слепец, он доплелся до двери и вышел из комнаты.

Шипионе, слабак, плакал.

Глава 38

Человек не очень-то грустит из-за чужих горестей. Нет, он, конечно, старается, лицо его выглядит печальным, он ругает себя за душевную черствость, но ничего не может с собой поделать, и это, наверное, хорошо. Если бы человек очень уж печалился из-за чужих горестей, жизнь стала бы совсем невыносимой. У человека хватает своих бед, чтобы принимать близко к сердцу беды соседа. Это объяснение моего поступка: через три дня после возвращения в Читта-ди-Кастелло я женился на Джулии.

Теперь я об этом ничего не помню. Осталось только смутное ощущение безмерного счастья. Я пребывал на седьмом небе, отчасти боясь, что все это сон. Меня словно заколдовали и перенесли в сказочную страну. Но подробности той жизни я забыл начисто. Наверное, такова ирония судьбы: все несчастья мы помним в мельчайших подробностях, а от счастья, когда оно уходит, не остается следа, и мы даже начинаем сомневаться, а было ли оно? Должно быть, судьба завидует тому маленькому счастью, которое она дарует нам, и,

чтобы наказать нас, стирает все воспоминания о нем, заполняя разум несчастьями прошлого.

Так что все мои воспоминания об этом периоде времени связаны с другими. Я столкнулся с Эрколе Пьячентини и его женой Клаудией. В Кастелло он родился и приехал сюда после смерти графа. Но и после того, как Катерина вернула себе власть, оставался в Читта-ди-Кастелло, вероятно, с тем, чтобы следить за нами и сообщать о наших действиях в Форли. Я навел о нем справки и не без труда выяснил, что он внебрачный сын дворянина Кастелло и дочери торговца. То есть он не солгал, когда говорил, что кровь в его жилах ничуть не хуже моей. Однако я не думал, что он очень уж ценное приобретение для города, и решил добиться его высылки, благо новый правитель благоволил ко мне. Маттео предложил устроить с ним ссору и убить, но оказалось, что реализовать эту идею не так просто: наш храбрец практически не выходил из дому, так что встретить его где-либо не представлялось возможным. Раньше такого за ним не наблюдалось, и мы пришли к выводу, что действует он по инструкциям, полученным из Форли, а потому решили соблюдать предельную осторожность.

Я пригласил Моратини пожить в моем доме, но

они предпочли поселиться отдельно. Бартоломео, когда я попросил руки его дочери, сказал мне, что не может пожелать себе лучшего зятя, и рад, что его дочь вновь под защитой мужчины. Шипионе и Алессандро мое решение безмерно обрадовало, и наши отношения, и без того неплохие, стали еще более теплыми. От всего этого душа моя пела от счастья, ибо после долгих лет странствий я жаждал любви других, и теплое отношение окружающих проливалось бальзамом. И от Джулии я не мог требовать большего. Думаю, она действительно любила меня, пусть не так сильно, как я, но для полного счастья мне вполне хватало той любви, которую она мне дарила. Иногда я в некотором недоумении думал о том происшествии, что разлучило нас в Форли, и не мог понять, как такое могло случиться. Более того, отгонял эти мысли. Я не хотел понимать — стремился просто забыть.

Кеччо и Маттео тоже были со мной. Семья д'Орси в свое время купила дворец в Читта-ди-Кастелло, и они могли бы пустить здесь более глубокие корни, но обоих не отпускало желание вернуть утерянное. Кеччо и теперь оставался богатым человеком, который мог позволить себе жить в привычной роскоши, и со временем он

набрал бы в Кастелло немалый политический вес, потому что молодой Вителли выделял моего друга среди остальных и уже часто следовал его советам, но Кеччо снедала печаль. Он мог думать только о городе, который так любил, а теперь, после изгнания, любовь эта возросла десятикратно. Иногда перед его мысленным взором возникал Форли тех лет, когда он жил в мире и покое, окруженный друзьями, гулял по улицам, на которых знал каждый дом. Или он представлял себе, как ходит по комнатам своего дворца, смотрит на картины, статуи, рыцарские доспехи. Или как ночью стоит у окна и смотрит на темный, молчаливый город, дома которого возвышаются, будто высокие призраки. Но потом дворец являлся перед ним грудой камней, поливаемых дождем, и Кеччо закрывал лицо руками и часами просиживал, охваченный тоской. Случалось, он перебирал в памяти недавние события, начиная с неудавшегося покушения и заканчивая ночным бегством через ворота у реки. Пытался определить, что сделал неправильно, где мог предпринять что-то иное. Но вроде бы он всегда действовал благоразумно, сообразно ситуации и не допускал ошибок, если не считать того, что доверился жителям Форли, поклявшимся идти за

ним до самого конца, и своим высокопоставленным друзьям, обещавшим помощь и поддержку. Он сделал все от него зависящее, а то, что последовало, предвидеть никак не мог. Судьба сыграла против него, вот и все…

Но на бесплодные сожаления он тратил далеко не все свое время. Кеччо наладил контакты с Форли и через своих шпионов узнал, что графиня посадила в тюрьму и казнила всех, так или иначе связанных с мятежом, и город теперь более всего напоминал побитую собаку. Надеяться на поддержку горожан Кеччо никак не мог: активных его сторонников казнили, остальные забились в норы и старались не привлекать к себе внимание. Тогда Кеччо обратился во враждебные Форли города-государства, но везде получил отказ. Милан могуществом превосходил всех, и, пока там властвовал герцог Лодовико, никто не решался и пикнуть. «Подожди, — говорили они Кеччо. — Он вызовет ревность со стороны еще более могучих Венеции и Флоренции. Тогда тебе выпадет шанс, и мы придем на помощь». Но Кеччо не мог ждать. Каждый потерянный день растягивался для него на год. Он худел и все больше замыкался в себе. Маттео пытался подбодрить кузена, но постепенно заботы Кеччо поглотили и его, он потерял

присущую ему веселость, стал таким же молчаливым и замкнутым, как и Кеччо. Так прошел год, полный озабоченности и душевных страданий для них и безмерного счастья для меня.

Но однажды Кеччо подошел ко мне.

— Филиппо, я всегда видел от тебя только хорошее, и теперь хочу попросить еще об одной услуге, и эта моя просьба к тебе будет последней.

— Что за просьба?

Кеччо объяснил, что хочет привлечь на свою сторону папу. Он знал, как разозлился его святейшество, не только из-за потери города, но и потому, что его полноправного представителя, а следовательно, и самого папу, подвергли такому унижению. Тогда между Римом и герцогом Миланским действовали некие договоренности, и первый уважал определенные права второго, но Кеччо предполагал, что теперь папа готов нарушить эти договоренности и воспользоваться эффектом внезапности, неожиданно для всех возвратив себе Форли. Тирания Катерины лишила ее поддержки населения, и Кеччо не сомневался, что горожане откроют ворота, увидев его во главе папской армии, и встретят его, представителя папы, с распростертыми объятиями.

Я не понимал, какая от меня будет польза, и

мне совершенно не хотелось покидать молодую жену. Но Кеччо очень хотел, чтобы я поехал с ним, похоже, думал, что ему просто не обойтись без моей поддержки, и я счел свой отказ слишком жестоким. Более того, я полагал, что вернусь в Кастелло через месяц, и горькое расставание таило в себе сладость встречи. У меня самого были в Риме кое-какие дела, которые я откладывал на потом, потому что не мог даже подумать о расставании с Джулией. И я решил согласиться на путешествие.

Уже через несколько дней мы были на пути в Рим. Я грустил, потому что впервые после свадьбы покинул жену, и расставание оказалось более болезненным, чем я ожидал. Тысячу раз я находился на грани того, чтобы сказать, что я передумал и никуда не поеду, но не смог этого сделать из уважения к Кеччо. Грустил я и от того, что Джулию предстоящая разлука печалила куда меньше моего, но тут же отругал себя за глупость. Не следовало мне ожидать от нее столь многого. В конце концов, речь шла лишь о четырех коротких неделях. Джулия во многом оставалась еще ребенком, а сильные эмоции возникали только у тех, кто жил долго и много страдал.

Мы добрались до Рима и попытались добить-

ся аудиенции у папы. Начались бесчисленные встречи с мелкими чиновниками, нас отсылали от одного кардинала к другому, мы проводили долгие часы в приемных, чтобы услышать несколько слов от очередного великого человека. Иной раз я так уставал, что засыпал стоя, но в Кеччо энергия так и бурлила, и мне приходилось повсюду сопровождать его. Месяц прошел, а мы не продвинулись ни на шаг. Кеччо уговорил меня остаться еще на две недели. Я согласился, и вновь потекли хождения по кабинетам. В какой-то момент вспыхнул луч надежды, и Кеччо летал, как на крыльях. Но надежда угасла, и Кеччо впал в отчаяние. Месяц растянулся на три, и я видел, что наши усилия бесплодны. Папа вел сложные переговоры с герцогом, каждая сторона внимательно следила за другой, пытаясь с помощью обмана и подкупа добиться односторонних преимуществ. В переговоры втянули короля Неаполя, Флоренция и Венеция проявляли к ним все больший интерес, и никто не знал, чем все закончится.

Однажды Кеччо пришел ко мне и буквально рухнул на мою кровать.

— Толку никакого. — Голос переполняло отчаяние. — Все впустую.

— Мне очень жаль, Кеччо.

— Тебе лучше поехать домой. Здесь тебе делать нечего. Нет никакого смысла держать тебя в Риме.

— А вы, Кеччо? Если добиться ничего не удается, почему вам тоже не уехать?

— Здесь мне лучше, чем в Кастелло. Здесь я в центре событий, и я могу еще подождать. Война может начаться в любой день, и тогда папа найдет время выслушать меня.

Я видел, что мне оставаться смысла нет, и понимал, что уговорить его уехать не удастся, поэтому собрал вещи, попрощался с ним и отправился в обратный путь.

Глава 39

Нет нужды говорить, как мне хотелось увидеть мою молодую жену и с какой страстью я сжал ее в объятиях, едва переступив порог дома.

Чуть позже я отправился на поиски Маттео. Он крайне удивился, увидев меня.

— Мы не ждали тебя так скоро.

— Да, я думал, что приеду послезавтра, — кивнул я, — но мне не терпелось добраться до дому, я скакал практически без остановок, и вот я здесь.

Я пожал ему руку, довольный и счастливый.

— Э… ты уже побывал дома?

— Естественно, — с улыбкой ответил я. — Первым делом.

Я не мог сказать наверняка, но мне показалось, что на лице Маттео отразилось облегчение. И почему? Я этого не знал, но подумал, что значения это не имеет, и выкинул из головы эту мысль. Поделился с Маттео новостями из Рима и расстался с ним. Мне не терпелось вернуться домой.

На обратном пути я увидел Клаудию Пьячентини, выходившую из дома. Меня это очень удивило. Я знал, что мои усилия не пропали да-

ром и Вителли подписал указ о высылке Эрколе из города. Я решил, что его по каким-то причинам пока не исполнили. Хотел пройти мимо дамы, даже не поздоровавшись, потому что после моей женитьбы она больше не разговаривала со мной. Но к моему еще большему удивлению, она остановила меня:

— Ах, мессир Филиппо!

Я глубоко ей поклонился.

— Почему вы никогда не заговорите со мной? Вы на меня сердитесь?

— Никто не может сердиться на такую красивую женщину. — Клаудия покраснела, а я почувствовал, что сказал глупость: нечто подобное я уже говорил совсем в другой ситуации. — Но я только что вернулся после долгого отсутствия.

— Я знаю. Не зайдете ли? — Она указала на дом, из которого только что вышла.

— Но мне не хочется нарушать ваши планы. Вы куда-то собрались.

Она улыбнулась.

— Я видела, как недавно вы проходили мимо, и поняла, что идете к Маттео д'Орси, а потом дожидалась вашего возвращения.

— Вы крайне добры.

Я задался вопросом, зачем я ей понадобился?

Может, она узнала о грядущей высылке мужа и моей причастности к этому событию?

Мы вошли и сели.

— Вы побывали дома? — спросила она.

Этот же вопрос задал мне и Маттео. Я ответил так же.

— Естественно. Первым делом.

— Ваша жена… удивилась, увидев вас?

— И обрадовалась.

— Ах! — Клаудия сложила руки и улыбнулась.

Я не знал, что она хотела этим сказать.

— Как я понимаю, вас ждали только через два дня.

— Вы прекрасно осведомлены о моих первоначальных планах. Приятно, что вы проявляете такой интерес ко мне.

— И не только я. Весь город интересуется вами. Вы — самая популярная тема разговоров.

— Правда? — Я начал злиться. — И что же говорит обо мне город?

— Ох, я не хочу портить ваше хорошее настроение.

— Вас не затруднит пояснить, о чем, собственно, речь?

Она пожала плечами, загадочно улыбнулась.

— Ну? — напирал я.

— Раз уж вы настаиваете, я скажу. Они говорят, что вы любезный муж, делящий жену с другими.

— Это ложь!

— Не слишком-то вы вежливы, — ровным голосом ответила она.

— Как ты смеешь такое говорить, наглая женщина?

— Дорогой мой, это чистая правда. Спроси Маттео.

Внезапно я вспомнил вопрос Маттео, облегчение на его лице. Меня охватил страх. Я сжал запястья Клаудии.

— О чем ты? О чем ты?

— Отпусти меня… мне больно.

— Говорю тебе, отвечай! Я знаю, тебе не терпится сказать мне. Не потому ли ты поджидала меня и затащила сюда? Скажи мне!

Лицо Клаудии разительно изменилось. Ярость и ненависть, прорвавшиеся наружу, сделали его неузнаваемым.

— Ты думаешь, что можешь избежать судьбы обычных мужей? — И она дико захохотала.

— Это ложь. Ты обливаешь Джулию грязью, потому что сама порочна!

— Ты сам-то веришь тому, что говоришь? Ты думаешь, что характер Джулии стал другим после

того, как она вышла за тебя замуж? Она оброгатила своего первого мужа, а теперь, по-твоему, внезапно стала добродетельной? Дурак!

— Это ложь. Я не верю ни единому слову.

— Весь город говорит о ее любви к Джорджо д'Эсти.

С моих губ сорвался крик. Из-за него она бросила меня в первый раз.

— Ага, теперь ты мне веришь?

— Послушай, — ответил я, — если это ложь, клянусь всеми святыми, я тебя убью.

— Хорошо, если это ложь, убей меня. Но, клянусь всеми святыми, это правда, правда, правда! — Она торжествующе повторяла последнее слово, и каждый раз оно кинжалом вонзалось в мое сердце.

Я оставил ее. И пока шел по улицам, не мог отделаться от ощущения, что все смотрят на меня и улыбаются. Один раз чуть не подошел к какому-то господину и не спросил, почему он смеется, но сумел сдержаться. Как я страдал! Я вспомнил, что Джулия не слишком мне обрадовалась. Тогда я как-то не обратил на это внимания, но ведь не обрадовалась? И вроде бы чуть отворачивалась, когда я страстно целовал ее в губы. Тогда я сказал себе, что это мне чудится, но отворачивалась? И

она точно отпрянула, когда я сжал ее в объятиях. Господи, неужели это правда?

Я подумал о том, чтобы пойти к Маттео, но отказался от этой мысли. Он знал Джулию до того, как она вышла за меня замуж, и принял бы на веру худшее, что говорили о ней. Как я мог поверить обвинениям этой злобной, завистливой женщины? Я сожалел о том, что близко сошелся с Клаудией, дал ей повод мстить мне. Ох, как жестоко она обошлась со мной. Но я не мог в это поверить. Я так доверял Джулии, так любил ее. Она не могла предать меня, зная, какую страстную любовь испытываю я к ней. Она не могла быть такой неблагодарной. И я так много для нее сделал… но я не хотел даже думать об этом. Я дарил ей любовь и наслаждение и не требовал благодарности. Но конечно, даже если бы она не любила меня, то питала ко мне теплые чувства и не могла отдаться другому. Нет, я в это не верил. Но… если все правда? Господи, если все правда?

Я вошел в свой дворец и внезапно вспомнил про старого мажордома, которого звали Фабио. Этим именем я назвался, когда говорил старому Орсо, что я его новый слуга. Если что-то происходило в моем доме, он знал наверняка. И она, Клаудия, сказала, что об этом знает весь город.

— Фабио!

— Да, мой господин!

Он вошел в мою комнату, и я пристально посмотрел на него.

— Фабио, ты хорошо присматривал за тем, что я оставил на тебя, уезжая в Рим?

— Рента заплачена, положенная вам часть урожая получена, оливки собраны.

— Я оставлял тебе кое-что более ценное, чем пшеничные поля и виноградники.

— Мой господин!

— Я оставил тебя хранителем моей чести. Что ты скажешь об этом?

Он замялся, а когда ответил, голос его дрогнул:

— Ваша честь… не запятнана.

Я тряхнул его за плечи.

— Фабио, в чем дело? Заклинаю тебя твоим первым господином, моим отцом, скажи мне!

Я знал, как он любил моего отца. Он посмотрел в потолок, сцепил руки, едва мог шевелить губами.

— Клянусь моим дорогим господином, вашим отцом, ничего… ничего!

— Фабио, ты лжешь! — Я сжал руками его запястья.

Он упал на колени.

— Господин мой, пожалейте меня! — Он закрыл лицо руками. — Я не могу вам сказать.

— Говори, говори!

Наконец среди стонов и вздохов он вымолвил:

— Она… Господи, она предала вас!

— Ох! — Я отшатнулся.

— Простите меня!

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Как я мог? Вы любили ее, как ни один мужчина не любил женщину.

— Ты не подумал о моей чести?

— Я думал о вашем счастье. Лучше счастье без чести, чем честь без счастья.

— Для тебя, — простонал я, — но не для меня.

— Вы из той же плоти и крови, и страдаете вы, как и мы. Я не мог уничтожить ваше счастье.

— Ох, Джулия, Джулия, — вырвалось у меня, а потом я спросил: — Но ты уверен?

— Увы, сомнений нет.

— Я не могу в это поверить. Господи, помоги мне! Ты не знаешь, как я ее любил! Она не могла! Фабио, я хочу увидеть все собственными глазами!

Какое-то время мы молчали, а потом ужасная мысль пришла мне в голову.

— Ты знаешь… где они встречаются? — про-

шептал я.

Он застонал. Я повторил вопрос.

— Да поможет мне Бог!

— Ты знаешь? Я требую, чтобы ты мне сказал.

— Они думали, что вы вернетесь послезавтра.

— Он придет?

— Сегодня.

— Так! — Я схватил его за руку. — Отведи меня и позволь их увидеть.

— И что вы сделаете? — спросил он, ужаснувшись.

— Не важно, отведи меня.

Дрожа всем телом, он вел меня по прихожим и коридорам, пока мы не подошли к лестнице.

Поднялись по ней и оказались в комнатке с потайной дверью, отделенной гобеленами от спальни Джулии. Я забыл о существовании и лестницы, и комнатки, и двери, а она вообще о них не знала. С открытой дверью требовалось лишь откинуть гобелен, чтобы войти в спальню.

Пока там никого не было. Мы ждали, затаив дыхание. Наконец вошла Джулия. Направилась к окну, выглянула, вернулась к двери. Села на стул, вскочила, вновь выглянула из окна. Кого она ждала?

Джулия закружила по спальне, на ее лице отра-

жалась тревога. Я пристально наблюдал за ней. Наконец послышался тихий стук. Она открыла дверь, вошел мужчина. Невысокий, хрупкого сложения, с длинными волосами цвета соломы, падающими на плечи, и очень белой кожей, с синими глазами и маленькими золотистыми усиками. Выглядел он максимум лет на двадцать. Но я знал, что он старше.

Он подскочил к ней, заключил в объятия, прижал к сердцу, но она оттолкнула его.

— Джорджо, ты должен уйти! Он вернулся.

— Твой муж?

— Я надеялась, что ты не придешь. Быстро уходи. Если он увидит тебя, то убьет нас обоих.

— Скажи мне, что любишь меня, Джулия.

— Да, люблю тебя всей душой и сердцем.

Еще мгновение они стояли, прижавшись друг к другу, потом она оторвалась от него.

— Ради Бога, уходи.

— Ухожу, любовь моя. Прощай!

— Прощай, любимый!

Он вновь обнял ее, она обвила его шею руками. Они страстно поцеловались в губы. Меня она так никогда не целовала.

Крик ярости исторгся из моей груди, я выскочил из тайного убежища. Через мгновение оказался

рядом с ними. Едва ли они успели осознать, что уже не одни. Я вонзил кинжал ему в шею. Он со стоном упал, Джулия пронзительно закричала. Кровь обагрила мою руку. Потом я посмотрел на нее. Она убегала от меня с перекошенным от ужаса лицом, с выпученными глазами. Я бросился за ней, и она закричала вновь, но Фабио успел схватить меня за руку:

— Не ее, не ее, нет!

Я вырвал руку, а потом… потом остановился, глядя на ее бледное, объятое ужасом лицо. Я не мог ее убить.

— Запри дверь, — велел я Фабио, указав на дверь, через которую мы вошли. Потом вновь посмотрел на нее, крикнул: — Распутница!

Позвал Фабио, и мы вышли через другую дверь. Я ее запер, и она осталась наедине со своим любовником…

Я созвал слуг и велел им следовать за мной. Мы вышли на улицу. Я шел гордо, направляясь к дому Бартоломео Моратини. Он как раз заканчивал обедать, сидел за столом со своими сыновьями. Они поднялись, увидев меня.

— Филиппо, ты вернулся. — В голосе Бартоломео слышалась радость. Потом он добавил, видя мое бледное лицо: — Что с тобой? Что случилось?

Что с твоей рукой?

Я вытянул руку, чтобы они могли видеть.

— Это… это кровь любовника вашей дочери.

— Ох!

— Я застал их вместе и убил прелюбодея.

Бартоломео несколько секунд молчал.

— Ты поступил правильно, Филиппо. — Он кивнул и повернулся к сыновьям. — Шипионе, дай мне меч.

Тот принес меч, и Бартоломео посмотрел на меня:

— Мессир, прошу вас подождать моего возвращения.

Я поклонился.

— Как вам будет угодно.

— Шипионе, Алессандро, следуйте за мной.

В сопровождении сыновей он покинул комнату, и я остался один.

Слуги заглядывали в дверь, смотрели на меня как на какое-то странное чудище, убегали, стоило мне повернуться к двери. Я ходил по комнате из угла в угол. По улице шли люди, пели, разговаривали, словно ничего и не произошло. Они не знали, что смерть летала в воздухе. Они не знали, что счастье живого человека ушло навсегда.

Наконец я услышал шаги, в комнату вошел

Бартоломео Моратини, за ним — его сыновья, все очень серьезные.

— Мессир, пятно с вашей чести и с моей смыто.

Я поклонился.

— Мессир, я ваш покорный слуга.

— Я благодарю вас за то, что вы позволили мне выполнить долг отца, и сожалею, что женщина из моей семьи показала себя недостойной моей фамилии и вашей. Больше я вас не задерживаю.

Я поклонился еще раз и отбыл.

Глава 40

Я вернулся в мой дом. Тихий-претихий, и когда я поднимался по лестнице, слуги отшатывались и отворачивались, словно боялись взглянуть на меня.

— Где Фабио? — спросил я.

— В часовне, — едва слышно ответил паж.

Я круто повернулся и отправился в часовню. Крашеные окна пропускали тусклый свет, и я с трудом различал, что внутри. По центру лежали два тела, прикрытые белой материей, и их головы чуть подсвечивались желтым огнем свечей. У ног молился старик Фабио.

Я подошел и отдернул материю. Упал на колени. Джулия выглядела спящей. Раньше я часто наклонялся над ней и наблюдал, как мерно поднималась ее грудь. Иногда думал, что во сне лицо ее такое спокойное и расслабленное, что она казалась мертвой. Но теперь грудь не поднималась и не опускалась, а ее удивительную белизну обезображивала кровавая рана. Она лежала с закрытыми глазами и чуть разошедшимися губами, и лишь отпавшая челюсть говорила о том,

что она мертва. Очень бледное лицо обрамляли роскошные черные волосы.

Я посмотрел на него, тоже очень бледного, и его соломенные волосы резко контрастировали с ее. Он выглядел таким молодым!

Я стоял на коленях и, пока часы медленно текли, думал о том, что произошло, старался понять. Тусклый свет, проникающий через окна, померк, свечки в темноте ярко горели. Нимб света окружал теперь только лица умерших, тогда как остальная часовня растворилась в темноте.

Мало-помалу я начал осознавать, что любовь этих двоих была настолько сильной, что ни честь, ни вера, ни здравый смысл не могли устоять перед ней. И вот о чем я думал, пытаясь утешиться.

В шестнадцать лет Джулию выдали замуж за старика, которого она никогда раньше не видела, и она встретилась с кузеном мужа, юношей, чуть старше ее. Любовь вспыхнула и разгорелась. Но Джорджо жил в доме богатого кузена. Тот кормил и поил его, обеспечивал всем необходимым, и юноша видел от старика только добро. Юный д'Эсти любил против своей воли, но все равно любил. А Джулия, думал я, любила, как женщина, страстно, забыв о чести и здравомыслии. В чувственном неистовстве своей любви она вскру-

жила юноше голову, и он сдался. Но наслаждение сменилось угрызениями совести, он сбежал от искусительницы.

Я, конечно же, не мог знать, что произошло, когда она осталась одна, тоскуя о своем возлюбленном. Ссора сопровождалась злыми словами… Джулия тоже почувствовала угрызения совести и постаралась убить свою любовь, но попытка провалилась? Возможно, он сказал, что не любит ее, и она попыталась утешиться в объятиях других любовников. Но Джорджо любил ее слишком сильно, чтобы забыть. Наконец он не смог вынести разлуки и вернулся. И вновь с наслаждением пришли муки совести, и он, устыдившись, сбежал опять, ненавидя ее, презирая себя.

Прошли годы, муж Джулии умер. Почему Джорджо не вернулся к ней? Любовь ушла, и он боялся? Я не понимал…

Потом она встретила меня. Мне оставалось только гадать, что она почувствовала. Полюбила меня? Возможно, долгое отсутствие заставило Джулию хоть немного позабыть любимого, и она думала, что он забыл ее. Она влюбилась в меня, а я… я полюбил ее всем сердцем. Я знал, что тогда она любила меня! Но молодой д'Эсти вернулся! Он, возможно, полагал себя исцеленным, считал,

что новая встреча не вызовет у него никаких чувств. Разве я не говорил то же самое? Но, едва они увидели друг друга, старая любовь вспыхнула вновь, ее пламя поглотило их, и Джулия возненавидела меня за то, что из-за меня изменила своему истинному возлюбленному.

Свечи едва теплились, странные пятна света и тени мельтешили на лицах мертвых.

Глупец! Его любовь оставалась такой же сильной, как и прежде, но он боролся с ней всеми силами своей слабой воли. Для Джорджо Джулия превратилась в воплощение зла: отняла юность, мужество, честь, силу, ему казалось, что ее поцелуи унижают его, и, покидая ее объятия, он ощущал злобу и ненависть. Он клялся никогда больше не прикасаться к ней, но всякий раз нарушал клятву. Ее же любовь оставалась прежней — страстной, даже бессердечной. Джулию не волновало, что она пожирала его, главное — она любила. Ради нее он мог загубить свою жизнь, потерять душу. Она готова была жертвовать всем ради любви.

Джорджо опять сбежал, и она вновь обратила свой взор на меня. Возможно, пожалела за мою боль, может, решила, что моя любовь в какой-то

степени заменит его. И мы поженились. Теперь она мертва, и я могу приписывать ей добрые намерения. Она, возможно, собиралась хранить мне верность, думала, что любит меня, и высоко чтила мою честь. Возможно, она пыталась, кто знает? Но любовь… любовь нарушит все клятвы и обеты. Любовь переломила ее, переломила его. Я не знаю, Джулия послала за ним или он, мучимый страстью, сам приехал к ней. Это случалось так часто, и случилось вновь. Они забыли обо всем, отдали себя любви, которая убивает…

Долгие часы я думал обо всем этом, и свечи догорели.

Наконец я почувствовал прикосновение руки к моему плечу, услышал Фабио.

— Господин, скоро утро. — Я встал, и он добавил: — Они положили его в часовню, не спросив вашего разрешения. Вы не сердитесь?

— Они поступили правильно.

Он замялся, потом спросил:

— Что мне делать?

Я смотрел на него, не понимая.

— Он не может оставаться здесь, и она… ее надо похоронить.

— Отвези их в церковь и похорони в усыпальнице, которую построил мой отец… вместе.

— Мужчину тоже? — переспросил Фабио. — В вашей семейной усыпальнице?

Я вздохнул и с грустью ответил:

— Возможно, он любил ее сильнее, чем я.

Произнеся эти слова, я услышал рыдание у своих ног. Мужчина, которого я не заметил раньше, взял мою руку и поцеловал. Я почувствовал, что она стала влажной от слез.

— Кто ты? — спросил я.

— Он был моим господином, и я его любил, — ответил стоявший на коленях мужчина, его голос дрожал. — Я благодарю вас за то, что вы не выбросили его, как собаку.

Я посмотрел на него и пожалел: так велико было его горе.

— Что ты теперь будешь делать?

— Не знаю. Я сорванный лист, который уносит ветром.

Я не знал, что ему и сказать.

— Возьмите меня в слуги. Я буду очень преданным.

— Ты просишь об этом меня? Разве ты не знаешь…

— Знаю! Вы забрали его жизнь, с которой ему не терпелось расстаться. Вы оказали ему услугу, а теперь достойно хороните, и за это я вам благода-

рен. Это ваш долг передо мной. Вы лишили меня одного господина, так дайте мне другого.

— Нет, бедный ты мой! Слуги мне теперь не нужны. Я тоже чувствую себя щепкой, которую несет по бурному морю. И для меня все кончено.

Я еще раз посмотрел на Джулию, а потом вернул на место белую материю — укрыл их лица.

— Приведи мою лошадь, Фабио.

Через несколько минут она уже ждала меня.

— Вы кого-нибудь возьмете с собой?

— Никого!

Когда я вскочил в седло и собрался тронуть лошадь с места, он спросил:

— Куда вы теперь?

И я искренне ответил:

— Это известно только Богу!

Глава 41

С каждой минутой я удалялся от города. День только начинался, все вокруг было холодным и серым. Ехал я бесцельно, куда вела дорога, по равнине, к виднеющимся на востоке горам. Солнце поднималось все выше, впереди я видел реку, вьющуюся среди полей по ровной, как стол, земле. Тут и там попадались небольшие рощи. Я проезжал мимо деревенек, однажды вроде бы услышал колокольный звон. Остановился в какой-то харчевне, только чтобы напоить лошадь, и поспешил дальше — не мог видеть людей. Утренняя прохлада ушла, и под жарким солнцем мы тащились по уходящей к горизонту дороге. Лошадь начала потеть, за нами поднимались клубы белой пыли.

Около полудня я остановился в придорожной гостинице. Спешился, отдал лошадь конюху, вошел в зал. Хозяин предложил заказать что-нибудь из еды. Есть я не мог. Заказал вина. Мне его принесли, я налил немного, пригубил. Поставил локти на стол и зажал голову руками, словно она разламывалась от боли.

— Мессир?!

Я поднял голову и увидел францисканского монаха, стоящего у моего столика. С мешком на спине. Я предположил, что он собирал еду.

— Мессир, я молю вас о пожертвовании для больных и сирых.

Я достал золотой, отдал ему.

— Тяжеловато сегодня путешествовать по дорогам.

Я не ответил.

— Далеко едете, мессир?

— Тому, кто собирает пожертвования, возможно, не пристала назойливость.

— Ах, нет, мессир, все это из любви к Господу и милосердия. Но я не собирался докучать вам. Подумал, что могу помочь.

— Я не нуждаюсь в помощи.

— Вы выглядите несчастным.

— Прошу тебя, оставь меня в покое.

Он ушел, я вновь зажал голову руками. По ощущениям ее залили свинцом. Но буквально через мгновение рядом раздался ворчливый голос:

— Мессир Филиппо Брандолини!

Я поднял голову. Поначалу не узнал человека, который обращался ко мне, но, как только в голове прояснилось, я понял, что это Эрколе

Пьячентини. Что он здесь делал? Потом я вспомнил, что нахожусь на дороге в Форли. Вероятно, он получил приказ покинуть Кастелло и теперь направлялся к прежним хозяевам. Однако я говорить с ним не хотел. Снова опустил голову на руки.

— Так отвечать невежливо, — не унимался он. — Мессир Филиппо!

Я поднял голову, мрачно глянул на него:

— Если я не отвечаю, то причина в том, что нет у меня желания с вами разговаривать.

— А если я желаю поговорить с вами?

— Тогда я должен взять на себя смелость попросить вас придержать язык.

— Да вы наглец.

Я чувствовал себя слишком несчастным, чтобы злиться.

— Ради Бога, оставьте меня. Вы уже наскучили мне до смерти.

— Я говорю вам, что вы наглец, и буду делать то, что считаю нужным.

— Вы тоже нищий, раз такой назойливый? Что вам угодно?

— Помнится, вы говорили в Форли, что готовы сразиться со мной при первой представившейся возможности. Она представилась. Я готов отбла-

годарить вас за высылку из Кастелло.

— Когда я хотел сразиться с вами, мессир, я считал, что вы благородный господин. Теперь я знаю, кто вы по происхождению, и должен ответить отказом.

— Трус!

— Конечно же, отказ от поединка с таким, как вы, никак не может считаться трусостью.

Теперь он кипел от ярости, я же сохранял полное спокойствие.

— Нечем тебе хвалиться! — проревел он.

— К счастью, я не рожден вне брака.

— Рогоносец!

— Что?

Я вскочил и с ужасом уставился на него. Он презрительно рассмеялся и повторил:

— Рогоносец!

Теперь пришла моя очередь злиться. Кровь ударила в голову, жуткая ярость охватила меня. Я схватил кружку с вином, стоявшую на столе, и со всей силы швырнул в него. Вино выплеснулось на лицо, кружка ударила в лоб и порезала так, что потекла кровь. Через мгновение мы оба выхватили свои мечи.

Эрколе умел сражаться и сражался хорошо, но против меня шансов у него не было. Ярость

и агония последнего дня сломили бы любое сопротивление. Я кричал от радости, потому что наконец-то нашел того, кому мог отомстить за все мои горести. Мне казалось, что я сражаюсь со всем миром, и вкладывал в каждый удар всю накопившуюся во мне ненависть. Ярость придала мне силу дьявола. Я теснил и теснил противника, яростно атакуя. Через минуту я вышиб меч из его руки, при этом, похоже, сломав ему запястье. Эрколе прижался спиной к стене, откинув голову, беспомощно разведя руки.

— Спасибо Тебе, Господи! — восторженно воскликнул я. — Теперь я счастлив!

Я занес меч над головой, чтобы раскроить ему череп, и рука уже пошла вниз… когда вдруг я остановился. Увидел его вытаращенные глаза, бледное лицо, перекошенное ужасом. Он привалился к стене, будто упал на нее. Я опустил меч — не смог его убить.

Сунул меч в ножны.

— Уходи! Не буду я тебя убивать. Слишком презираю тебя.

Он не шевельнулся. Стоял, будто обратился в камень, все еще объятый ужасом. Потом, чтобы показать мое презрение, я взял рог с водой и выплеснул в него.

— Что-то ты бледен, друг мой. Вот тебе вода, чтобы смешать ее с вином.

И расхохотался. Смеялся, пока не заболели бока, но никак не мог остановиться.

Я оставил деньги, чтобы расплатиться за полученное удовольствие, и вышел. Сел на лошадь и отправился дальше по пустынным дорогам. Голова разболелась сильнее, чем прежде. Вся радость ушла — больше я не мог получать удовольствие от жизни. И сколько это могло длиться? Сколько? Я ехал под дневным солнцем, лучи которого, казалось, прожигали голову насквозь. И бедное животное опустило голову, язык вывалился наружу, потрескавшийся и сухой. Августовское солнце не знало пощады, все живое замерло в испепеляющей жаре. И человек, и зверь укрылись от обжигающих лучей. Люди спали, домашнюю скотину и лошадей увели в сараи и конюшни, птицы молчали, даже ящерицы залезли в норы. Только лошадь и я тащились по дороге, лошадь и я. Никакой тени не было, низкие стены вдоль дороги не позволяли за ними укрыться, от самой дороги, белой и пыльной, шел жар. Я словно ехал в печи. Все было против меня. Все. Даже солнце испускало самые жаркие лучи, чтобы добавить мне горестей. Что я такого сделал и почему все

это выпало на мою долю? Я вскинул кулак и в бессильной ярости погрозил Богу…

Наконец я увидел небольшой холм, заросший хвойными деревьями. Подъехал ближе, и их темная зелень притягивала, как холодная вода. Больше я не мог выносить эту ужасную жару. От большой дороги отходила маленькая, которая вилась вверх по склону. Я повернул лошадь, и вскоре мы оказались среди деревьев. Я глубоко вдохнул прохладный, пропитанный ароматом хвои, воздух. Спешился и повел лошадь за уздечку. Как же мне понравилась эта прогулка. Под ногами мягко пружинила опавшая хвоя, я полной грудью вдыхал лесные ароматы. Мы вышли на полянку, увидели небольшой пруд. Я напоил бедное животное, потом жадно напился сам. Привязал лошадь к дереву и дальше пошел один. Вышел к обрыву. Внизу расстилалась равнина. Высокие хвойные деревья обеспечивали тень и прохладу. Я сел, оглядел равнину внизу, безоблачное и бездонное небо над головой. По одну сторону равнины я видел стены и башни какого-то города, к нему широкими изгибами текла река. Далеко-далеко синели горы, а внизу моим глазам открывались поля пшеницы и овса, виноградники, оливковые рощи. Почему мир

столь прекрасен, когда мне так плохо?

— Действительно, вид удивительный.

Я поднял голову и увидел монаха, с которым разговаривал в гостинице. Он опустил свой мешок и сел рядом со мной.

— Вы не сочтете меня назойливым? — спросил он.

— Извините меня, я вам нагрубил. Вы должны меня простить, я был не в себе.

— Не говорите об этом. Я увидел вас здесь и спустился вниз, чтобы предложить вам воспользоваться нашим гостеприимством.

Я вопросительно посмотрел на него. Он указал куда-то себе за плечо, и, присмотревшись, я разглядел за деревьями небольшой монастырь.

— Как умиротворяюще он смотрится! — воскликнул я.

— Так и есть. Святой Франциск иногда приезжал сюда, чтобы насладиться тишиной и покоем.

Я вздохнул. Почему бы не покончить с жизнью, которую ненавидел, и тоже не насладиться покоем? Я почувствовал, что монах наблюдает за мной, поднял голову и повернулся к нему. Высокий, худощавый, глаза глубоко посажены, щеки запали, лицо бледное, следствие молитв и постов. Но голос звучал очень мягко.

— Почему вы смотрите на меня? — спросил я.

— Я был в таверне, когда вы разоружили мужчину и сохранили ему жизнь.

— Я сделал это не из милосердия и жалости, — с горечью ответил я.

— Знаю, — кивнул он. — От отчаяния.

— Как вы узнали?

— Я наблюдал за вами и в конце сказал: «Господи, пожалей несчастного».

Я в изумлении уставился на этого странного человека, а потом со стоном ответил:

— Вы правы. Я так несчастен.

Он взял мои руки в свои с нежностью, достойной Матери Божьей, и я услышал от него:

— «Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»[26].

Страдания переполнили меня. Я уткнулся лицом ему в грудь и разрыдался.

---

[26] Примечания: 26
Библия. Евангелие от Матфея, 11:28.

Эпилог

Прошло много лет, и благородный дворянин Филиппо Брандолини теперь бедный монах Джулиано. Роскошные одежды, бархат и атлас уступили место коричневой мешковине. Вместо золоченых поясов талия моя перепоясана пеньковой веревкой. И как изменился я сам! Каштановые волосы, которые целовали женщины, стали белыми, как снег, и выбриты на макушке. Глаза тусклые и провалились, щеки запали, кожа юности приобрела пепельный оттенок и покрылась морщинами. Белые зубы выпали, но и десен хватает для пережевывания монастырской пищи. Я стар, скрючен и слаб.

Одним весенним днем я пришел на обрыв над равниной, чтобы погреться на теплом солнышке, посмотреть на огромную страну, которую я теперь так хорошо знал, на далекие горы, и внезапно у меня появилось желание написать историю моей жизни.

Теперь этот труд завершен. Мне больше нечего сказать, за исключением одного: с того самого дня, как я пришел, ослабев душой, под прохлад-

ную сень хвойных деревьев, в большой мир я уже больше не возвращался. Земли и дворцы я отдал моему брату, в надежде, что он лучше, чем я, использует свою жизнь. Ему же я передал право использовать нашу древнюю фамилию. Я знал, что потерпел неудачу во всем. Жизнь моя пошла наперекосяк, не знаю почему, и у меня не хватило смелости начать все заново. Я признал свою неспособность участвовать в этой битве и позволил миру жить по своим законам и забыть о моем существовании.

Кеччо продолжал интриговать и строить планы, растрачивая жизнь в попытках вернуть землю отцов, но всегда его ждало разочарование, всегда его надежды не оправдывались, пока наконец он не впал в отчаяние. И шесть лет спустя, вымотанный бесплодными усилиями, скорбя о величии, которое потерял, жалея страну, которую так любил, он умер от разрыва сердца, изгнанником.

Маттео снова взялся за оружие, вернувшись к полной тревог жизни наемного солдата. Он погиб, храбро защищая страну от вторгшихся иноземных захватчиков, но, умирая, знал, что и его усилия потрачены зря, потому что Италии все-таки не удалось избежать порабощения.

И я не знаю, может, им повезло больше, чем мне, потому что они покоятся с миром, тогда как я продолжаю мое одинокое путешествие по жизни, а цель его все отдаляется и отдаляется. Но теперь оно все-таки подходит к концу. Силы мои иссякают, и скоро я обрету покой, о котором мечтал. Господи, я не прошу у тебя золотой короны или божественных одежд. Я не надеюсь на блаженство, уготованное святому, но дай мне покой. Когда великое освобождение придет, дай мне покой. Позволь погрузиться в глубокий сон и не просыпаться, чтобы я наконец-то мог забыть и примириться с собой. Господи, дай мне покой.

Часто, шагая по дорогам, босиком, собирая еду и пожертвования, я хотел лечь в придорожную канаву и умереть. Иногда я даже слышал шум крыльев Ангела смерти. Но он забирал здоровых и счастливых, а мне позволял идти дальше.

Хороший человек сказал мне, что я заслужил счастье; я даже не заслужил забывчивости. Я шагаю по дорогам, думая о моей жизни и любви, которая погубила меня. Ах, как я слаб, но, уж простите меня, я ничем не мог себе помочь! Иногда, когда мне удавалось сделать что-то доброе, я ощущал необычную радость, благословенную радость милосердия. И я люблю мой народ, бед-

няков, которых так много в этой стране. Они приходят ко мне со своими бедами, и когда мне удается им помочь, я разделяю их радость. Но это все, что у меня есть. Я прожил бесцельную жизнь, растратил попусту, и если в самом ее конце я сделал что-то хорошее для моих земляков, то так мало!

Я терпеливо несу свою ношу, но иногда не могу не возмутиться судьбой, и ругаю ее за то, что она так жестоко обошлась со мной. Почему? Что такого я сделал, почему у меня отняли мою маленькую толику счастья? Почему я должен быть менее счастливым, чем другие? Но потом я останавливаю себя и спрашиваю, действительно ли я был менее счастливым? Кто-нибудь из живущих счастлив? Можно ли говорить такое в мире несчастий, где единственное счастье — умереть? Кто знает?

Ах, Джулия, как я тебя любил!

Как вы слепы, чего бороться зря?
Вы все вернетесь к матери-природе,
И ваши имена едва кто вспомнит[27].

---

[27] Примечания: 27
Ф. Петрарка. Триумф смерти.